

No 48 (2020)

P.4

The scientific heritage

(Budapest, Hungary)

The journal is registered and published in Hungary.

The journal publishes scientific studies, reports and reports about achievements in different scientific fields. Journal is published in English, Hungarian, Polish, Russian, Ukrainian, German and French.

Articles are accepted each month. Frequency: 12 issues per year.

Format - A4

ISSN 9215 — 0365

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal

Edition of journal does not carry responsibility for the materials published in a journal. Sending the article to the editorial the author confirms it's uniqueness and takes full responsibility for possible consequences for breaking copyright laws

Chief editor: Biro Krisztian

Managing editor: Khavash Bernat

- Gridchina Olga - Ph.D., Head of the Department of Industrial Management and Logistics (Moscow, Russian Federation)
- Singula Aleksandra - Professor, Department of Organization and Management at the University of Zagreb (Zagreb, Croatia)
- Bogdanov Dmitrij - Ph.D., candidate of pedagogical sciences, managing the laboratory (Kiev, Ukraine)
- Chukurov Valeriy - Doctor of Biological Sciences, Head of the Department of Biochemistry of the Faculty of Physics, Mathematics and Natural Sciences (Minsk, Republic of Belarus)
- Torok Dezso - Doctor of Chemistry, professor, Head of the Department of Organic Chemistry (Budapest, Hungary)
- Filipiak Pawel - doctor of political sciences, pro-rector on a management by a property complex and to the public relations (Gdansk, Poland)
- Flater Karl - Doctor of legal sciences, managing the department of theory and history of the state and legal (Koln, Germany)
- Yakushev Vasilij - Candidate of engineering sciences, associate professor of department of higher mathematics (Moscow, Russian Federation)
- Bence Orban - Doctor of sociological sciences, professor of department of philosophy of religion and religious studies (Miskolc, Hungary)
- Feld Ella - Doctor of historical sciences, managing the department of historical informatics, scientific leader of Center of economic history historical faculty (Dresden, Germany)
- Owczarek Zbigniew - Doctor of philological sciences (Warsaw, Poland)
- Shashkov Oleg - Candidate of economic sciences, associate professor of department (St. Petersburg, Russian Federation)

«The scientific heritage»

Editorial board address: Budapest, Kossuth Lajos utca 84,1204

E-mail: public@tsh-journal.com

Web: www.tsh-journal.com

CONTENT

CULTUROLOGY

Omarova G. "ORTECE" AS A GENRE OF SYNCRETIC ART OF THE NOMBERY PEOPLE OF CENTRAL ASIA	4	Sapozhnik O. HESYCHASM TRADITIONS IN SPIRITUAL SONGS OF KYIVAN RUS	6
--	---	---	---

PEDAGOGICAL SCIENCES

Alpatova N., Popova L., Kharchuk M. THE FORMATION OF THE SYLLABIC STRUCTURE OF THE WORD IN PRESCHOOLERS WITH A GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT	12	Litvinova S. PEDAGOGICAL CONDITIONS OF SOCIAL AND PEDAGOGICAL ACTIVITY WITH ADOLESCENTS IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS	36
Biduchak A. IMPLEMENTATION OF EVIDENCE-BASED MEDICINE - AS A COMPONENT OF IMPROVING THE QUALITY OF MEDICAL EDUCATION	14	Mytchenok M., Sidash Yu., Mytchenok O. ETHICAL-DEONTOLOGICAL ASPECTS IN THE WORK OF A DENTIST	39
Boyko M. SELF-MANAGEMENT IN THE TRAINING OF FUTURE TEACHERS: CONTENT AND TECHNOLOGIES	16	Mytchenok M. DISTANCE LEARNING AS AN INTEGRAL ATTRIBUTE OF MODERN EDUCATION	41
Halitsan O., Shchekotylna N. INDIVIDUAL APPROACH AS A BASIS FOR PREPARING FUTURE PHYSICAL EDUCATION TEACHERS TO WORK INDIVIDUALLY WITH STUDENTS IN AN INCLUSIVE ENVIRONMENT	20	Bukreeva N., Ovchinnikov Yu., Tarasenko A. ERGONOMIC PROPERTIES OF THE TRAINING MASK FOR THE DEVELOPMENT OF ENDURANCE	44
Zharova N. DISTANCE LEARNING AS A FORM OF IMPLEMENTATION OF THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD FOR SPECIALTY 40.02.03.	23	Pidhirnyi O. PREPARATION OF FUTURE TEACHERS OF PHYSICAL CULTURE FOR SELF-EDUCATIONAL ACTIVITY AS A PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEM	47
Ziyadullaeva Sh. COMPARATIVE ANALYSIS OF RESEARCH IN MATHEMATICS ON DIFFERENTIATION OF EDUCATION	25	Semenova E. THE DEVELOPMENT OF PHONEMATIC HEARING FOR PRESCHOOLERS AS SUPPORTS TO TEACHING ORIGINAL READING	51
Kaliuzhna O. MUSIC-THEORETICAL TRAINING OF CHINESE STUDENTS AT PEDAGOGICAL UNIVERSITIES OF UKRAINE	28	Khomyk A. STRUCTURE OF STRATEGIC COMPETENCE IN THE OFFICIAL COMMUNICATION OF FUTURE PROGRAMMERS	54
Kovel M. TASKS TO THE SUBJECT TEXT ON CHEMISTRY FOR DEVELOPMENT AT TRAINERS OF READING LITERACY	31	Yasynska E. THE TRADITIONAL AND THE INNOVATIVE TECHNOLOGICAL METHODS OF TEACHING STUDENTS IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF UKRAINE	56

PHILOLOGICAL SCIENCES

Maslovskaya L. MEANINGS OF PREFIXES IN ENGLISH WORD FORMATION	58
--	----

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Baldynyuk V.

THE ESSENCE AND FEATURES OF STATE REGULATION
OF RURAL DEVELOPMENT. 60

Palahuta V.

THE ROLE OF SITUATIONAL COGNITION IN MODERN
SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE 67

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Ilyina L., Romasenko L.

PROBLEMS OF LEXICAL DIVERSITY IN COMPUTER
TRANSLATION. 73

SOCIAL SCIENCES

Sarbey V., Garazha N.

RESOURCE OF SOCIAL NETWORKS AS A FACTOR OF
INNOVATIONS IN SCIENTIFIC COMMUNICATION:
FOREIGN AND RUSSIAN EXPERIENCE 75

CULTUROLOGY

"ORTECE" AS A GENRE OF SYNCRETIC ART OF THE NOMBERRY PEOPLE OF CENTRAL ASIA

Omarova G.

Doctor of Arts,

scientific director of the grant project of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, academic professor (Kazakh National Academy of Arts named after T.Zhurgenov), Almaty, Kazakhstan

Abstract

In the research of traditional music of Central Asia peoples the author applies widely known methods of modern ethnomusicology (M. Schneider, A. Merriam, Z. Nadel, E. Shtockmann, N. Menon, B. Nettle, A. Chekanovska, I. Zemtsovsky, A. Danielou, A. Mukhambetova, etc.). Through the genre of instrumental music of Kazakhs – *orteke* kui such important quality of traditional music as syncretism reveals. Amazing integrity of material and spiritual life of the society, integrity of human world and world of animals in the art of nomadic people witness the indivisibility and mythology of their consciousness. In the legends of *orteke* kuis the ancient perceptions and beliefs of Kazakhs were reflected and in its performing we can see the synthesis of different types of art (musical, puppet-dance, art and craft).

Keywords: traditional culture of Nomads, syncretism, Kazakh kuis *orteke*, shamanism, hunting legends, ritual-magic rites

In the last decades we can see the great interest in traditional culture and art of Central Asia peoples. It seems to be natural: in the culture of nomads we can feel special sacrality and purity which are possible due to the closeness of human to the Nature. This closeness is free from intervention of religion, prophets, scriptures, canons, ministers and other things that sufficiently discredit the original, natural human faith in the Maker (God). Popular pantheism in the culture of Central Asia nomads is brightly represented in the system of traditional world view called Tengriism. Tengriism which gives more or less systematic representation of nomadic world model let us treat specially such phenomenon of culture as syncretism.

What is *orteke*, what is the genesis of this genre? Now, it is hard for us to say how it was originated, when it formatted in the spectacular genre of musical and partly the puppet-theatre art. But the fact that beginnings of *orteke* go back to the high antiquity and related to early-nomadic and hunting mode of life of the Central Asia peoples is undisputable. In this genre, in joint view, elements of at least several types of art represented: folklore and musical-instrumental, dancing and game style, theatrical-spectacular and, of course, arts and crafts. Organic synthesis of the elements of different arts can be experienced by listening and contemplating this "mini-performance". If we look at it deeply we can see that *orteke* is connected with important world view constants of culture, with so called "world view syncretism" (Sabetkazy Akatay's term [1]) of not only Kazakhs but the whole Central Asian nomadic peoples.

Syncretism acts in nomadic culture not as a sign of underdevelopment and generality, which are peculiar to earlier forms of life and art, but as a consequence of "everlasting" unity and fusion of human being, Nature and Cosmos, what in its turn gives birth to the total unity of material and spiritual life of nomadic society. Researchers note the indivisibility, lack of differentiation, close interconnection of different sides and

spheres of nomadic life - production and economics, scientific-cognitive, socio-political, ideological, religion-philosophical, ritual-magical (mythological) and artistic. From this point of view it is possible to consider such genre of traditional art of Kazakhs as *orteke*, which gives special idea of syncretism and images of animals in the art of Central Asia nomads.

Images of animals take important place in arts and crafts and musical-poetical art of Kazakhs. Let us start with the fact that *orteke*, i.e. *teke* (a goat) as well as *koshkar* (a sheep) were one of the totemic animals of nomads of European steppe zone. Thus, E. Tursunov in his monograph "Genesis of Kazakh domestic tales" referring to the scientists in area of petroglyphs and ethnography says: "It is appropriate to note that among the rock paintings coming from primitive times and discovered on the territory occupied by Turk-Mongolian peoples, the image of a goat-teke perhaps is the most spread. There is no doubt in the totemic basis of the name teke of tribes of Turkmens and Turks and teke-family of Kazakhs. Yakut familyherdyk is also descended from teke." [6, p.48]. Also in this research it is noted that relicts of *koshkar* and *teke* cults were preserved in shamanic ritual and mythology of Siberian Turks and Mongols. Thus, if shamanic cloaks of Khakas were made of sheep skin, Tuba-kinzhi and Tuvan cloaks were made of "the skin of wild goat-teke, the same skin was used in making of shamanic beater and inside the drum Tuvans used to draw a man, sitting on teke. Tuva believers used to devote to a fire an animal in the past, which could be only a yellow castrated goat." [6, p.48-49].

The offering of the goat or drinking his blood while uttering oaths can be seen among Buryats. Along with it, in the Buryat mythology we can see features of goat worship not only as sacrifice animal, but also as a symbol of fertility, embodying masculinity. Thus, in one of the G.N. Potatin's legends it says: one of the daughters of eastern Tengri Hurmus miraculously gave birth to three children, left them on a shore, created a

goat and ordered from now on the goat to be sacrificed to her and her children" [5]. It is well known that further in the mythology of saks *teke* in this position, i.e. as "male fertility stimulant" (A.Akyshev), took the important place in cosmologic system of sak tribes. Thus, A.Akishev noting the connection of goat with cult of mountains, cycle of "tree" and fertility, says: "Image of a goat is one of the elements of structure of world tree - the Tree of life and it is logical to consider it as a mediator and a symbol of middle(connecting) world..."[2, p.36].

Special attention should be paid on music in *orteke*. The "dance" itself was born by instrumental music - kui-legends with suitable rhythmical organization. Kazakh and Kyrgyzkuis (ku) are an instrumental genres, expressing and transmitting certain spiritual and emotional state of a human, his mood and spiritual experiences. In the Kazakh musicology kui is deeply researched as *syncretic genre*, i.e. instrumental samples itself in their traditional performing show in culture the unity of music and a word, which play a big role in program, imagery, semantics, compositional peculiarities of the genre [4]. In the semantics and structure of instrumental music it is possible to feel the connection with poetic genres (spells of shamans-baksy, epic poetry, song), as well as ancient narrative genres (myth, legend, memorate, storytelling - *angime*). By and large, syncretism in kui reflects syncretic nature of music existing, sphere that was indivisible from a ritual - in ancient times and in latest times from the mode of life (guest ritual) and conversation. In the context of last said kui is a communicative act, in which a verbal text (a "legend") plays the role of primary emotional-energetic push in music perceiving.

As it is known, forms of kui performing, depending on correlation of music and story, were different. The earliest was, perhaps, musical-illustrative form of kui performing, when the story alternated with playing musical instruments, i.e. music illustrated a text. In ancient kuis and kui-legends (*anyz kyi*) musical episodes sometimes had audio-visual character: they transferred different sounds of nature, voices, walk (flight) of animals and birds, hoofbeats, human cry, speech, etc. This tradition goes back to the magical role of music in hunting, shamanic rites and rituals (call, propitiate the spirits of nature, ancestral spirits).

In the *orteke* genre we believe the important thing is the context of hunting legends of nomadic people. We can make such conclusion, first of all, because one of the most ancient origins of dances are magical rites, devoted to cults of hunting, totemic animals, where beginning elements of dances presented, pantomime, rhythmic movement (imitation of animals, image of habits of animals before hunting, etc). That is, the art of dancing goes back to primarily the dances of ceremonial and ritual significance - the imitational and magical acts and shamanic mysteries (rock-paintings can prove that).

Second of all, one of the dombrakuis "Orteke" in perfect five (in this system usually kuis performed) accompanied by following hunting legend: "Once in mountains there lived a hunter Kulamerger with his mother. Many of mountain goats *tau teke* were killed

by him. Once to his mother in a dream kieceame - the spirit of tau teke in the shape of a girl: "Why your son shoots us with no reason? By Tengri's order, a man should not take more than he needs(for food) from nature. Kulamerger's bucket with blood is fool - one more drop and the curse of heaven will follow." But despite his mother's warning Kulamerger who hunted tau teke not only because of the meat, but because of their skin went on hunting again. The day was gloomy, the hunter did not meet any animals. When tired Kulamerger began to kindle a fire, suddenly a tau teke with unusual white-and-gold color and snow-white horns appeared in front of him. Kulamerger immediately drew the bow and shot the goat. Cutting the carcass he put the meat in the pot, and after salting the animal's skin he lay down to rest. But soon the hunter was awakened by some noise and saw the same tau teke in front of him, alive and unharmed. After circling three times around Kulamerger tau teke jumped over his head and disappeared... The next morning Kulamerger's horse came without his owner, his baked body his mother found in a hot well" (the legend was written and published according to the words of T.Asemkulova [3, p.72]).

Here we can see the echoes of hunting and astral myths(let us remember the legends of hunters, turned into constellation for breaking taboos), and also ancient representations of *kie* (sacred natural forces and elements), and their punitive force, which called in Kazakh tradition - *kesir*. In this connection the problem of etymology of the "orteke" word and in particular *or* arise. In dictionaries this word, in this case prefix, has two semantic translations and meanings: first is dark-red color, second is except hole, ditch and ravine, also trap and grave (in the figurative sense - *bireuge or kazba*, i.e. - *do not dig a hole to another...*).

For the *orteke* genre both meanings are acceptable. Usually dancing animals are painted in exact dark-red or dark-brown color (unfortunately, we cannot say anything about the symbolism of this color), and teke or other ungulates no less sacred *kiely* animals (it can be *kyik* - a chamois, *tuye* - a camel) seem to be got in a hole, trapped: they get up to the music, then fall in turn on front or rear paws, as if their trying to get up. The *orteke* dance is more like dance of lame or wounded animal. Not without the reason, famous Kyr Mangazy's kui "Aksak kyik"("Lame antelope") sometimes performed with *orteke*. In the legend of this kui it says about deep regret of kui-performer that he once shot an antelope "on a bet". According to the legend, dzhigits from adai family daring Kyr Mangazy told him to shot animal's leg, and in the heat of passion, proving his skills, his accuracy, kui-performer wounded the animal right in the spot. Its limping walks Kyr Mangazy portrayed through rhythms and strokes of kui; in his melody sorrow and regret are reflected...

We can call *orteke* the masterpiece of arts and craft: expressive figure of *teke* seems to be alive and this effect was achieved by very ingenious structure. The mechanism of *orteke*, as a dancing toy, consist of a wooden disk ("stage") on which *orteke* is set, and a metal rod mounted in this disk. On the upper end of this rod the figure of an animal is set, on the lower - under the circle, there is a fishing line. A performer fastens

this line on his finger and when his hand does regular rhythmic up-and-down moves, the figure starts to move too. Mobility of all the "joints" of *orteke* is provided by hanged on lines lower parts of legs and upper parts - neck and head.

According to our observations, "Orteke" kuis are often perfective kuis of the eastern regions of Kazakhstan, performed by stroke "karakagys" (hurtle) and kuis with regular rhythm in traditions of tokpe of western Kazakhstan. Thus, for instance, kui-performer of nineteenth century from Mangystau Esbay has kui called "Orteke" the legend of which unfortunately did not preserve.

In our article we tried to discover the syncretic essence of *orteke* genre and its semantics. Syncretism as one of the features of integrity of nomadic lifestyle points on the total integrity of all the sides of material-productive and spiritual life of the society. Laws of nature, social life and art were achieved here not only through practice, ensuring the vital needs of human, but also through art, mythology and rites. Syncretism of all the areas of life of nomadic society as syncretism in consciousness of their members does not let us separate reality from mythology, material from spiritual, practical-household from over-household (art), logical-rational from sensitive-emotional. For example, the origins of art we can find in traditional *rites and rituals*, which are certainly connected with productive and practical activities of people. On the other hand, ritual is connected with theory and practice of mythology (sacral sphere), with ideology and philosophy, politics and authority, which provides, at good managing, material and spiritual integrity, health and well-being of a tribe (ethnos).

In the art studies there are no works on system of arts of nomadic society (in particular - Kazakh traditional culture). However, the origins of all the systems of connections in the art of this society, according to the

latest researches, lay in the traditional ritual-magical practice, on which all of its worldview based. Such conclusion can be made as a result of studying by Kazakh scientist two major areas of art - art and crafts and musical-poetical (sphere of folklore, literature and music) with diversity of their kinds and genres.

However, in forming of the arts and crafts certain role was played by Islam with its prohibition on portraying alive creatures (gradual stylization and schematization of images occurs, symbolic values of these images strengthen), practically all of the ornamental patterns were "readable" in specific manner and were connected with cosmogony, worldview, ancient beliefs and rites of Kazakhs. With these ancient beliefs (totemism, Tengriism, shamanism, ancestor worship) and ritual-magical rites folklore, verbal-poetic and musical art of Kazakh people were connected.

References

1. Akataev S.N. Worldview syncretism of Kazakhs. Monograph. - Almaty, 1994.
2. Akishev A. Art and mythology of the Saks. - Almaty, 1984.
3. Esenovich A., Eleusizovna G. Kui caravan. - Almaty: Ulke, 1997.
4. Mukhambetova A.I. Kazakh kyu (essays on history, theory, aesthetics). - Almaty: Dyke Press, 2002.
5. Essays on Western Mongolia, Issue 4. St. Petersburg., 1883. Cit. by: Tursunov E.D. Genesis of the Kazakh household fairy tale (in the aspect of communication with primitive folklore). - Alma-Ata: Publishing House "Science" Kaz.SSR, 1973. - P.50.
6. Tursunov E.D. The genesis of the Kazakh household fairy tale (in the aspect of communication with primitive folklore). - Alma-Ata: Publishing House "Science" Kaz.SSR, 1973.

ІСИХАСТСЬКІ ТРАДИЦІЇ В ДУХОВНИХ ПІСНЕСПІВАХ КИЇВСЬКОЇ РУСИ

Сапожнік О.В.

*кандидат педагогічних наук, доцент, докторант
Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв, м. Київ
ORCID 0000-0003-3510-5817*

HESYCHASM TRADITIONS IN SPIRITUAL SONGS OF KYIVAN RUS

Sapozhnik O.

*PhD Pedagogical sciences,
Associate Professor, PhD student of the National
Academy of Managerial Staff of Culture and Arts, Kyiv*

Анотація

Розглядається вплив ісихастських традицій духовної культури на церковні пісенспіви Візантії та Київської Русі в їх культурно-історичній спадковості і самобутності. Визначено, що за допомогою церковних пісенспівів музична культура Київської Русі стала уособленням релігійно-естетичних ідеалів та ментально-світоглядних установок східного християнства в його давньоруській формі. Ісихастські традиції в духовних пісенспівах вплинули на процеси національної ідентифікації та наклали характерний відбиток на етнонаціональну ментальність та духовну культуру Русі-України упродовж віків.

Abstract

The influence of the hesychast traditions of spiritual culture on the church songs of Byzantine and Kyivan Rus in their cultural and historical heredity and originality is considered. It is determined that with the help of

church songs, the musical culture of Kievan Rus became the embodiment of religious-aesthetic ideals and mental outlook of Eastern Christianity in its ancient form. Over the centuries hesychast traditions in spiritual songs have influenced the processes of national identification and have made a characteristic mark on the Rus-Ukraine ethnolnational mentality and spiritual culture.

Ключові слова: духовна культура, церковні піснеспіви, ісихастські традиції, культурно-історична спадковість, етнокультурна самобутність, Київська Русь.

Keywords: spiritual culture, church songs, hesychast traditions, cultural and historical heredity, ethnocultural identity, Kyivan Rus.

Постановка проблеми. Православна музика й до сьогодні залишається маловивченим об'єктом культурологічного аналізу церковного мистецтва доби Київської Русі. Візантійські традиції духовної культури ісихазму, що проявлялися в богослужіннях під час церковних відправ, впливали на релігійно-естетичну свідомість православної людини. За допомогою піснеспівів, у синтезі мистецтва і священної був забезпечений зв'язок між музикою і Словом, що насичувало високими сенсами літургійну практику, всю релігійну сферу духовної культури Київської Русі. У наш час духовно-релігійного відродження ця проблематика набуває як практичної, так і наукової актуальності.

Аналіз досліджень і публікацій. Перший етап розвитку національної музичної медієвістики починається з 1799 року виходу публікації митрополита Київського Є. Болховітінова «Історичні судження в цілому про давній християнський літургійний спів і особливо про спів російської церкви». Ця робота стала базисною, бо окреслювала майже всі сфери майбутніх наукових розвідок.

Доцільно говорити про чотири основні напрями науковому пошуку у вивченні церковного співу: історичний, практичний, літургійний і теоретичний. *Історичний:* джерельна база, створення періодизації, відтворення історичного поступу церковного співу, вивчення життєво-творчого шляху церковних композиторів і співаків. *Практичний* - це розшифрування знаменного розспіву, переклад, гармонізація обіходних піснеспівів, фіксація сучасної співочої традиції. *Літургійний* - вивчення гімнографії та історії співочих книг. Саме в цей період вивчення псалмографії та богослужбових книг певною мірою переходить з руслу богословської в культурологічну та мистецтвознавчу науки про церковний спів. *Теоретичний* напрям включає вивчення термінології (грецької та створення власної оригінальної), семіографії та основних питань, пов'язаних з мелодійним і ритмічним відтворенням власне автентичного давньоруського церковного співу.

Не всі роботи перших дослідників церковного співу еквівалентні по цінності й самостійності. Дослідження митрополита Київського Євгенія Болховітінова «Історичні судження в цілому про давній християнський літургійний спів і особливо про спів російської церкви» є фундаментальними. М.Д Горчаков у своїх роботах майже буквально цитує "Історичні судження..." Болховітінова, проте, вперше розшифровує картинку давніх рукописів тристрочних і знаменних розспівів. Архімандрит Мартирій і М. Григор'єв, вивчаючи особливості літургійного співу, також цитують митрополита Євгенія, проте

їх роботи відрізняються від джерела за структурою та змістом. Найбільш самостійні роботи А. Львова, В. Одоєвського, І. Сахарова, В. Стасова, В. Ундольського. У статті «Записки про демественний і тристрочний спів» В. Стасов будує історичну перспективу розвитку церковного співу древньої Русі та аналізує термінологію, також робить критичний розбір наукових поглядів своїх попередників. Дослідник В. Одоєвський узагальнив та впровадив досягнення європейської музично-теоретичної думки в слов'янській церковній практиці. Написана цим автором «Музична грамота для не-музикантів» є першим підручником з теорії церковного співу.

Стосовно сучасних досліджень походження церковного співу заслуговують на увагу праці науковців: Н.В. Заболотної «Церковно-співочі рукописи древньої Русі від XI до XIV століть: основні типи книг в історико-функціональному аспекті» (М., 2001); Н.Б. Захар'їної «Руські богослужбові співацькі книги 18-19 ст.» (Санкт-Петербург, 2003); Шевцової О. Б. «Князь В.Ф. Одоєвський – перший дослідник давньоруського церковного мистецтва // 3 історії вітчизняної музичної культури: невідомі сторінки: 36. статей /РАМ ім. Гнесіних» (М., 2011) Густової Л. А. «Музыкально-певческая культура Православной Церкви Беларуси» (Мн., 2006) та ін.

В українській музичній медієвістиці формотворчі засади церковної монодії розглядали М. Антонович, О. Зосім, Л. Корній, П. Маценко, Н. Сиротинська, О. Цалай-Якименко, О. Шевчук, Ю. Ясіновський та ін. Питаннями структурної організації піснеспівів церковної монодії на основі порівняльного аналізу візантійської, слов'яноноруської та київської нотації займається мистецтвознавець М. Качмар. Авторка вважає, що лінійно-мензуральні записи дають змогу виразніше окреслити структурні особливості музичних форм піснеспівів, які є загальним надбанням музичного досвіду як давніших епох, так і Ранньомодерної доби. Саме в такому контексті розглядаються особливості музичного формотворення наспівів.

Мистецтвознавець і культуролог Л. Терещенко-Кайдан розглядає візантійську музику як засіб релігійного підйому та досвіду у сфері абсолютного і трансцендентного, божественного, зауважуючи, що власне така музика зберегла в Україні свої ісихастські традиції та специфічну нотацію упродовж століть. Вона зародилася у Візантії на основі античної музичної системи, проте розвивалася у візантійський, ранньохристиянський період, коли з'явилися перші монастирі з практикуванням ісихії. Згодом візантійська музична культура поширилася і на територію Київської Русі, де використовувалася у літургійній практиці Церкви для найкращої

передачі змісту богослужбових текстів [6; 250-251].

Проблему ісихастських традицій в церковному мистецтві розглядають науковці В. Бичков, Л. Терещенко-Кайдан, В. Личковах, Л. Усікова, А. Царенок та ін. Проте, варто зауважити про недостатність саме культурологічних релігійно-естетичних досліджень традицій ісихазму у духовній практиці церковних піснеспівів упродовж усього періоду розвитку Київської Русі.

Мета статті полягає у здійсненні комплексного аналізу релігійно-естетичних, богословських, соціокультурних традицій ісихазму, які проявилися в духовних піснеспівах під час церковних відправ та впливали на релігійно-естетичну свідомість православної людини. Довести, що за допомогою церковних піснеспівів музична культура Київської Русі стала уособленням релігійно-естетичних ідеалів та ментально-світоглядних установок східного християнства в його давньоруській формі, що вплинуло на процеси національної ідентифікації та наклало характерний відбиток на етнонаціональну ментальність та духовну культуру Русі-України упродовж віків.

Виклад матеріалу дослідження. Ще за часів Київської Русі духовна музика була першочерговим способом релігійно-естетично відтворити сакральну пектораль душевних переживань людини. Глибинні психологічні порухи людської душі, почасти діаметрально протилежні земні й небесні почуття й переживання людини-християнина, знайшли своє художнє вираження у різноманітних музичних формах, зокрема, в сакральній музиці, в церковних піснеспівах. Церковна музика Київської Русі, її вплив на духовний розвиток і самоідентифікацію народу, зокрема, за допомогою ісихастських традицій в духовних піснеспівах, посідали значну роль у задоволенні релігійних потреб, сприяли моральному самовдосконаленню людини, творенню в ній «нового Адама» (Біблія, Новий Завіт).

Ісихазм – одне з унікальних явищ в духовно-релігійній, культурній історії людства. На думку відомого вченого прот. Іоана Мейєндорфа, термін «ісихазм» може вживатись принаймні в чотирьох різних значеннях. В стародавній християнській літературі він використовується для позначення відлюдництва, тобто специфічної форми автономного чернецтва, відмінною від співжиття у великих монастирях. У XIII–XIV ст. ісихазм був тісно пов'язаним із психосоматичними методами творіння молитви Ісусової, що вказує вже не на відлюдництво власне, а на певну школу духовного життя, що може проявлятися і в монастирях, і у світському житті. У сучасній літературі ісихазм часто визначається як вчення про «нестворені» енергії св. Григорія Палами. Нарешті, поняття ісихазм застосовується в більш широкому сенсі як характеристика всього руху ревнителів Православ'я, які в другій половині XIV ст. поширювали свій вплив на всю Східну Європу [4; 163]. Відтак ісихазм - це надзвичайно багатостороннє, багатовимірне явище, яке відноситься до складних феноменів людської культури і духовного життя.

На початку існування християнської Церкви святі Отці, будучи видатними знавцями людської природи, просвітлені Божою благодаттю, особливу увагу приділяли людській душі, її бажанню славити Бога, зокрема, реалізовувати власні релігійні й світоглядно-естетичні потреби засобами музики. «Увесь світ - це музична гармонія, Творцем котрої є Бог. Точно так само й людина за своєю природою є малим світом, в якому відображається вся музична гармонія світу» (святитель Григорій Ніський) [4; 107]. Серед святих отців Церкви є чимало авторів чудових за формою і змістом церковних гимнів, зокрема: Єфрем Сирін, Роман Солодкопівець, Іоанн Дамаскін, Іоанн Златоуст, патріарх Ізидор. На киеворуських землях прославились власною гимнографією печерські святі: митрополит Переяславський Єфрем, митрополит Макарій, печерський книжник Григорій, творець канонів тощо.

У розумінні музики ісихастська традиція обґрунтовується тим, що серцем музики є не зовнішні мелодійні форми, а її духовний зміст – «освянення душі» - як вища мета ісихії. Розкрити світло музики в ісихазмі означає допомогти формувати музичне сприймання як ключ пошуку і дотику Небесної краси, пробудити синергійне бажання бути ближче до Творця, Його істини, блага, досконалості, любові як вищої творчої сили.

Аскеза, з цієї точки зору, – це теж творчість, але творчість найвищого онтологічного порядку, як найбільш глибоке проникнення Духу і образу Божого в живий духовний досвід людини. Така співтворчість несе у світ і людську душу як позитивну перетворюючу енергію. Особливість містико-аскетичної творчості як естетики Богоспілкування полягає в тому, що її суб'єкт і об'єкт збігаються. Тому уподібнення Богові відбувається тут найбільш повно. Ці ідеї аскетизму і безпристрасності знайшли своє втілення і в богослужінні. У церковній музиці, на думку вітчизняної дослідниці В. Воскобойнікової [1; 87], діє принцип присутності, коли включеність музики в ритуально-символічну дію народжує в людині почуття причетності до вищих таємниць.

Ісихастська складова в сакральній музиці Київської Русі перейшла з духовного досвіду Візантії, збагатившись власними мистецькими традиціями, музичною творчістю та аскетичними подвигами.

Духовним стрижнем давньоруської культури, що має греко-візантійські конотації, є східнохристиянське віровчення з його глибокою увагою до теми людини, котра є однією з центральних й наскрізних у філософсько-антропологічній думці України-Русі. Образ людини – її божественної суті, духовного становлення, пошуків шляхів самореалізації у наслідуванні вищих моральних і естетичних зразків, формуванні калокагатії («благолепія») – виявляється складним, синтетичним культурно-історичним феноменом. Успадковуючи греко-візантійські ідеї й традиції, давньоукраїнська церковна музична культура виявляє синкретичний характер, вступаючи в «діалог культур»: античність – Візантія – Київська Русь.

Згадаємо, що у Візантії інститут Церкви сприймався як духовна основа сильної централізованої авторитарної влади. Церква трактувалася як земне втілення релігійних основоположних ідей, вирішуючи всі питання спільно, соборно. Вищим проявом єдності церкви були Вселенські собори, на яких обговорювалися питання і виносилися рішення догматичного, церковно-політичного та судово-дисциплінарного характерів. До складу таких Соборів входили помісні церкви, вище духовенство й миряни. Такі філософсько-релігійні поняття, як соборність, свобода волі і самовизначення людини, святість і подвижництво, були сприйняті давньоруською культурою від Візантії і посіли основоположне місце в православній музичній культурі. Соборність у Візантії передбачала колективну життєтворчість і колективний порятунок, була спрямована на збереження культурних традицій. Всі духовні форми культури і мистецтва розвивалися синкретично як вираз взаємозв'язку і взаємозалежності держави, церкви і людини, тому соборність є важливим засновком православно-християнського світогляду. Так само і *церковна музика соборна*: Абсолютний суб'єкт її внутрішнього світу - Бог і Церква як «тіло Христове», і все творіння - «все, що дише, нехай хвалить Господа» (Псалми Давида).

У церковній (літургійній) практиці музичний твір завдяки символічності, наповненості емпіричними і трансцендентними чинниками стає своєрідною формою текстуального показу думки, Слова, Логосу, музичним виявом ісихії. Гнозис ісихії у музиці – це і є взаємодія суб'єкта музичного сприймання і конституційованої ним символічної форми, що зумовлює момент його становлення як суб'єкта синергії, – духовної взаємодії, гармонії й рівноваги із світом. Ці ісихастські ідеї, відомі ще візантійській естетиці, були втілені в літургійній музиці Східного християнства, а згодом прийшли до Київської Русі.

Отже, музично-церковні традиції Візантії, що розвивалися у напрямку синергії духовно-творчої співпраці, були перенесені на культурний ґрунт Київської Русі. Формування християнської культури церковного співу відбувалося на основі давньогрецької музичної практики й теорії. У процесі розпаду Римської імперії, її території, такі як: Болгарія, Сербія, Влахія, Сирія в більшій чи меншій мірі прийняли риси саме візантійської культури. Саме через Болгарію, на думку прот. В. Металова, була сприйнята грецька система церковного співу на Русі. «Святий рівноапостольний князь Володимир привів із собою у свою столицю, Київ, першого митрополита Михаїла, болгарина за походженням, та інших єпископів, архієреїв, співаків, що були послані царем та патріархом Константинопольським» [5; 52].

Русичі по-різному відносилися до візантійського взірця церковного співу. М. Успенський, який вважається авторитетним дослідником церковного співу, зазначає, що існувало три основних напрями киеворуських піснеспівів. Перший - провізантійський, його пропитувало на Русі візантійське духовенство та київська аристократія. Вони прагнули

точного відтворення богослужбового співу за грецьким взірцем з використанням усіх його елементів та особливостей, в тому числі прийомів мелізматичної орнаменталізації та манери подачі звуку. Другий напрям був радикально протилежним першому. Його представники використовували канонічний богослужбовий текст, розспівуючи його за своїм власним смаком. Третій напрям - це поєднання першого й другого напрямку та створення на цій базі особливого автентичного співу Давньої Русі. Крайні досягнення візантійської співочої системи – богослужбові тексти, принципи композиційного розвитку, нотація, система ладо-інтонаційної організації, - були сприйняті та асимільовані на давньоруському культурному ґрунті [8; 64]. Передчуття занепаду Візантійської імперії породило містичні настрої, в результаті яких з'явилася віра в примарність світу і Божественний промісел, що посилювало ідеї й духовну практику ісихазму.

Духовність і благочестя притаманні усім християнським церквам, проте, в українській православній культурі виокремлено кілька показових сегментів, серед яких: «сердечна молитва», шанування ікон, святість преподобних отців, таїнства, церковний Устав, церковний календар. Більша частина православного благочестя визначається обрядовістю, де характерним є «христоцентризм» (обряди освячення, молебні та поховальні обряди).

Ісихастська традиція духовного життя пустила коріння й вдосконалилась у церковній музиці Київської Русі. Це стало можливим завдяки глибинній обрядово-звичаєвій природі музичного звукоряду древніх русів-українців, складеного із звуків мелодії, гармонії, темпоритму. Як зазначає дослідниця мистецтва Київської Русі Л. Усікова: «ісихія як культ мовчання і тиші за природою не суперечить музичному Космосу, бо є, по суті, “внутрішньою” музикою – музикою душі та серця. Співвідношення “беззвучної” та “звучної” молитви нагадує синергію Мовчання і Слова, яка наповнює ісихастську “умну”, Ісусову молитву» [7; 140]. Вивчаючи проблему естетичної транспозиції ідей ісихазму у православній мистецькій практиці, дослідниця зазначає, що ісихазм у музиці ґрунтується на розумінні та виявленні гармонії як у зовнішніх, так і внутрішніх формах духовного життя і мистецтва. Її енергійним виявом є синергія, яка реалізується у практиці “умної” молитви, що веде до внутрішнього спокою, рівноваги із світом, Божої благодаті. Саме тому ідеальною формою чернечого життя є ісихія - культ мовчання, в якому досягається “сердечність” співіснування із Богом, світом, самим собою [там само, 139].

Церковний спів відрізняється від світської музики, перш за все, своїми формами і тими художніми законами, які в ньому діють. Так, наприклад, притаманний класичній європейській музиці закон симетричного ритму в більшості випадків не застосовується в церковному співі. Це обумовлено вільним текстовим ритмом, де немає правильного чергування наголошених та ненаголошених складів (подібно до віршованого тексту), і де піснеспіви не пов'язані з ритмічністю рухів (як у світській музиці

і світській пісні, дуже часто пов'язаної з танцем). Неметричність богослужбового тексту часто не дає можливості «втиснути» його в симетричні рамки тактів, групувати музичні фрази в періоди тощо. Це викликало в стародавньому знаменному розспіві особливу, властиву тільки церковному співу, систему «поспівок», що мають свої власні закони ритму, угруповання окремих частин і взаємного їх з'єднання в залежності від будови тексту і його логічного змісту. Тобто, церковний спів є автономною богослужбово-музичною областю, яка знайшла своє втілення в особливій системі гласів – октоїху (осьмоглассі).

Давньоруська теорія богослужбового співу являла собою закінчену і самодостатню систему, що будувалася за своїми особливими законами. В теорії небесного ангельського співу, яким вважався спів за богослужінням, і образом якого був знаменний розспів, під впливом ідей ісихазму, не допускалося мислення фізичними, земними параметрами, такими як висота і тривалість звуку. Давньоруська теорія співу оперувала не окремими точками – звуками, а описувала самий процес інтонування. Статичному звукоряду музики був протиставлений динамічний «звукоряд рядка» (за В. Мартиновим) [3; 56]. Незважаючи на закладені в його основі давньогрецькі лади, система гласів представляла собою не тільки мелодійне, а ще й богослужбове і календарне поняття, тому що мелодичний матеріал Гласів був організований згідно богослужбового чину і календаря.

Осьмогласся – система гласів, яка слугувала для оформлення богослужіння. Кожен восьмий день після свята Великодня виконували піснеспіви на особливий розспів – Глас. Восьмиденний цикл повторювався також кожні 8 тижнів від Великодня, що поширювалось на увесь рік. Ця система, зафіксована у книзі Октоїх, представляє собою ряд мелодійних формул або моделей, закріплених за певним богослужбовим дійством або текстом. Саме такий принцип модальності лежить в основі системи осьмогласся. Принципом розспіву були також засвоєні катарсичні і етичні начала музики, але не в первинних, язичницьких, формах, а у перетворених формах пізнання ісихастського досвіду православного аскетичного життя.

Відтак, можна зрозуміти, що знаменний розспів став називатися «знаменним» не тільки тому, що запис його здійснювався за допомогою спеціальних знаків – знамен, а й тому, що сам він був знаком та символічним відображенням ангельського співу, який був чутним в ісихастському досвіді. Саме тому весь богослужбовий спів на Русі називався янгелогласним і янгелоподібним. Релевантні ісихастській свідомості і православній ментальності Янгелоподібність та янгелогласність викликались особливими якостями знаменного розспіву, які виявлялися як в характері загального мелодійного ладу, так і в особливостях його структури. Музичний ритм церковних піснеспівів був підпорядкований словесному, тому власне церков-

ний власне розспів – це не мелодія, в звичному розумінні музики, а читання тексту, розспівуючи його.

За часів Київської Русі людей, причетних до служіння в храмі та, особливо, до церковного богослужбового співу, вважали обраними, мудрими, посвяченими, бо ставлення до співу було таким, як до таїнства. Різницю між музикою та богослужбовим співом вбачали у тому, що церковний спів сприяв налаштуванню віруючого до старанної молитви, тоді як музика слугувала для насолоди. У цьому аспекті В. Мартинов зауважує на божественному походженні церковного співу, на відміну від інструментальної музики, котра «виникла в період активного формування матеріальної цивілізації та породжує накопичення зла й несправедливості». Вчений вважає, що богослужбовий спів та світська музика «є протилежними явищами, .. які не можуть мати спільної історії... розвиваються незалежно» [3; 77].

Проте, варто зазначити, що майже до кінця XVII ст. саме церковна музика залишалась єдиним видом професійного музичного мистецтва, починаючи з Київської Русі. Богослужбовий спів розвивався стрімкими темпами і у своїй історії був охарактеризований появою центрів хорового співу, академій, шкіл, традицій та напрямків, в яких вони виникали. Від часів Володимира Великого відкриваються перші школи церковного співу для дітей, випускники яких ставали професійними півчима та регентами церковних хорів, в тому числі й при монастирях (відомо про школу демественників (регентів) при Десятинній церкві в Києві за часів Володимира Великого, пізніше – при Києво-Печерському монастирі, також школу при Братському Богоявленському та Острозькому монастирях тощо).

Роль піснеспівів у духовній практиці монахів спиралася, насамперед, на їх молитовний статус і в цій якості була розкрита у творах Отців церкви. Спів псалмів – втіха і допомога (особливо для новоначальних ченців), що дозволяє “всередину серця дієслова ся утвердити і углубіти” і буває необхідною як весла, які потрібні в затишну погоду човну, який несеться через море пристрастей (Ніл Сорський). Духовно важливе значення співу - пробудження і розвиток “слізного дару”, яке, будучи плодом жалю за гріхи, здатне змити гріховність й оголити справжній образ людини – образ Божий. “Бо псалом і з кам'яного серця змушує сльози”. «Сльоза є породження помислів, а батьком помислів є сенс” (Іоанн Ліствичник) [2; 140].

“Безмовний спів” - це вказівка на роль піснеспівів в практиці ісихастів, де спів розуміється, насамперед, як синергійний рух душі до Бога, рух таємний, прихований, у своїх глибинах дотичний зі Святим Духом. Отже, рух духовний, безтілесний, але він може набувати художню тілесність, матеріалізуючись у словах і звуках. Все одно, з точки зору ісихазму, він може залишитися належністю внутрішньої духовної роботи, тієї “солодоші мовчання”, яка була відома християнським подвижникам-ісихастам.

Крім того, теоретики ісихазму підкреслювали особливу цінність сліз як внутрішнього зламу і

“серцевого плачу”. Ці поняття вказують на існування внутрішнього і зовнішнього плану молитви, про що говорив у зв’язку із завданнями церковного співу духовний композитор і один з найавторитетніших дослідників богослужбового співу протоієрей В. Металлов. Внутрішній план молитви – це молитовний настрій, високі думки, святі пориви, глибокі відчуття. Справжньою молитвою буде не та, яка вимовляється “лише устами і язиком”, а “найпотаємніша молитва – безмовна, яка возсилається з глибини серця”. Вона учиняється “не чином тіла, і не криком голосу, а з жалем думок і внутрішніми сльозами, з душевної хвороби і завором уявних дверей” [5; 43]. Саме про таку молитву вів мову український проповідник Паїсій Величковський, який прагнув у XVII ст. відновити ісихастську традицію священнобезмолвія в православних монастирях. “Художества молитви”, що розуміється як молитва безмовна, “умна”, “сердешна”, народжують псалмоспів, який, як і молитва, має план зовнішній, чутний, і план внутрішній, потаємний, нечутний тобто ісихастський.

Висновки. Отже, у духовній культурі Київської Русі проявлялися як загальнохристиянські закономірності, так і етнокультурні особливості, зокрема під впливом церковної музичної традиції, яка тісно переплелася з візантійською духовною спадщиною. Принциповим рубежем у розвитку музичної культури Київської Русі стало прийняття Східного християнства із значним впливом свято-отцівського віровчення і духовності, в т.ч. ісихастської традиції, яка прийшла на Русь з Афону.

Музична культура Київської Русі є виразником релігійно-естетичних ідеалів та ментально-світоглядних установок східного християнства в його давньоруській формі, що вплинуло на процеси етнонаціональної ідентифікації. Це музика духовної краси і чистоти, музика покаяння, яка вчить православних українців сокровенному мовчанню, вслуховуванню в синергію своєї душі з Господом. Вона одночасно звернена і до Бога, і до кожного віруючого. В сакральному мистецтві русичів-українців,

що сповнене світла, духовної “енергей”, духовної гармонії врівноваженого темпоритму і душевної мелодики, музика існувала як особливий “звучний” тип божественної тиші, спокою, ісихії. Це наклало характерний відбиток на етнонаціональну ментальність та художню культуру Русі-України упродовж усього періоду її існування.

Список літератури

1. Воскобойнікова В.В. Знаменний розспів як основа богослужбово-співочої системи на Русі // Теоретичні та практичні питання культурології: зб. наук. ст. Вип. 25, Ч. 3. / Мелітополь : Вид. НМАУ, 2008. С. 85–90.
2. Лествица, возводящая на небо преподобного Иоанна Лествичника, игумена монахов Синайской горы. М.: Лествица, 1999. 667 с.
3. Мартынов В. История богослужебного пения: учебное пособие. Москва: РиоФа. 1994. 240 с.
4. Мейендорф И. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Издание 2-е. Спб.: Византино-россика, 1997. 462 с.
5. Металлов В. Очерк истории православного пения в России. Репринт, изд. М. : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. 150 с.
6. Терещенко-Кайдан Л. В. Особливості візантійської семіографії – мови гімнографії / Л.В. Терещенко-Кайдан // Мовні і концептуальні картини світу наукове видання: [збірники] / Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка, Б-ка ін-ту філології. – К.: ВПЦ Київський університет, 2012. – Вип. 42. – Ч. 2. – С. 250–255.
7. Усікова, Л.С. Естетичні транспозиції ісихазму в духовній православній музиці / Л.С. Усікова // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. Серія 7: Релігієзнавство. Культурологія. Філософія: зб. наук. праць. - Київ: Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2015. - Вип. 33 (46). - С. 137-142.
8. Успенский Н. Древнерусское певческое искусство. 3-е изд. доп. / Н. Успенский. М.: Сов. композитор, 1971. 624 с.

PEDAGOGICAL SCIENCES

ФОРМИРОВАНИЕ СЛОГОВОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА У ДОШКОЛЬНИКОВ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

Алпатова Н.С.

НОУ ВО «Московский социально-педагогический институт», г. Москва, доцент кафедры «Дошкольной дефектологии и логопедии», кандидат социологических наук

Попова Л.В.

МДОУ «Детский сад № 107 «Искорка», г. Волжский, учитель-логопед

Харчук М.В.

МДОУ «Детский сад №109 «Колокольчик», г. Волжский, учитель-логопед

THE FORMATION OF THE SYLLABIC STRUCTURE OF THE WORD IN PRESCHOOLERS WITH A GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT

Alpatova N.

NOU VO «Moscow socially-pedagogical institute», Moscow, associate professor of the department «Preschool defectology and speech therapy», candidate of sociological sciences

Popova L.

MDOU «Kindergarten No. 107» Spark, Volzhsky, teacher speech therapist

Kharchuk M.

MDOU «Kindergarten No. 109» Bell, Volzhsky, teacher speech therapist

Аннотация

Статья посвящена проблеме формирования слоговой структуры слова у дошкольников с общим недоразвитием речи. Выявлены особенности формирования слоговой структуры слова, описана система логопедической работы по преодолению недостатков слоговой структуры слова у названной категории детей, проанализированы результаты исследования.

Abstract

The article is devoted to the problem of forming the syllabic structure of a word in preschoolers with a general speech underdevelopment. The features of the formation of the syllabic structure of the word are revealed, the system of speech therapy work to overcome the shortcomings of the syllabic structure of the word in the named category of children is described, the results of the study are analyzed.

Ключевые слова: формирование, слоговая структура слова, дошкольники, общее недоразвитие речи.

Keywords: the formation, syllable structure of a word, preschoolers, general speech underdevelopment.

Актуальность исследования заключается в том, что формирование слоговой структуры слова является одной из приоритетных задач логопедической работы с детьми с общим недоразвитием речи. Эффективность такой работы зависит от своевременного выявления речевых нарушений и их коррекции, что способствует предупреждению негативного влияния речевых расстройств на психическое развитие ребенка и формирование его личности в целом.

Исследования состояния слогового состава слова у дошкольников с общим недоразвитием речи проводились многими теоретиками и практиками. Проблемой изучения усвоения структурного состава слова дошкольниками с отклонениями в речевом развитии занимались Р.Е. Левина, А.К. Маркова, И.Н. Садовникова, Т.А. Ткаченко, Н.Н. Трауготт и другие. Учеными представлена типология деформаций слоговых и ритмических составляющих слова, определены пути коррекции таких нарушений. В работах В.А. Ковшикова, А.К. Марковой, Н.Ю. Сафонкиной, Е.Ф. Собонович, О.Н.

Усановой, Т.Б. Филичевой, Г.В. Чиркиной, С.Н. Шаховской и других представлена корреляция слоговой структуры слова с усвоением его звукового состава, формированием грамматического строя речи и фонемного анализа.

Несмотря на большое количество работ по проблеме нарушений и формированию предпосылок слоговой структуры слова у детей с различными речевыми расстройствами, недостаточно широко представлены исследования об особенностях процесса развития слоговой структуры слова у дошкольников с общим недоразвитием речи, способах его оптимизации. Между тем, усвоение слоговой структуры слова является одним из условий успешного овладения детьми грамотой и обучения их в школе.

Цель исследования: выявить особенности формирования слоговой структуры слова, реализовать систему логопедической работы по преодолению недостатков слоговой структуры слова у дошкольников с общим недоразвитием речи (3 уровень).

Практическая значимость работы заключается

в возможности использования материалов исследования в логопедической практике в процессе работы с детьми, имеющими общее недоразвитие речи.

Исследование проводилось на базах МДОУ Детский сад № 107 «Искорка» и МДОУ Детский сад № 109 «Колокольчик» г. Волжского. В экспериментальном исследовании приняли участие дети с общим недоразвитием речи (3 уровень) в количестве 12 человек.

На первом этапе логопедической работы с помощью методик С.Е. Большаковой [1], Е.А. Стребелевой [2] мы диагностировали уровень сформированности слоговой структуры слова у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи. Полученные результаты диагностики позволили определить особенности нарушений слоговой структуры слова у дошкольников с общим недоразвитием речи.

Были выделены уровни выполнения заданий, включающих произношение различных типов слоговой структуры слова:

1) двухсложные слова, состоящие из открытых слогов (низкий уровень – 25% дошкольников; средний – 75%; высокий – 0%).

2. Трехсложные слова, состоящие из открытых слогов (низкий уровень – 25% дошкольников; средний – 75%; высокий – 0%).

3. Односложные слова, состоящие из закрытого слога (низкий уровень – 25% дошкольников; средний – 75%; высокий – 0%).

4. Двухсложные слова, состоящие из одного открытого и одного закрытого слога (низкий уровень – 33,3% дошкольников; средний – 66,7%; высокий – 0%).

5. Двухсложные слова со стечением согласных в середине слова (низкий уровень – 50% дошкольников; средний – 50%; высокий – 0%).

6. Двухсложные слова с закрытым слогом и стечением согласных в середине слова (низкий уровень – 50% дошкольников; средний – 50%; высокий – 0%).

7. Трехсложные слова с закрытым слогом (низкий уровень – 50% дошкольников; средний – 50%; высокий – 0%).

8. Трехсложные слова со стечением согласных (низкий уровень – 58,3% дошкольников; средний – 41,7%; высокий – 0%).

9. Трехсложные слова со стечением согласных и закрытым слогом (низкий уровень – 58,3% дошкольников; средний – 41,7%; высокий – 0%).

10. Трехсложные слова с двумя стечениями согласных (низкий уровень – 66,7% дошкольников; средний – 33,3%; высокий – 0%).

11. Односложные слова со стечением согласных в начале или конце слова (низкий уровень – 50% дошкольников; средний – 50%; высокий – 0%).

12. Двухсложные слова с двумя стечениями согласных (низкий уровень – 66,7% дошкольников; средний – 33,3%; высокий – 0%).

13. Четырехсложные слова, состоящие из открытых слогов (низкий уровень – 58,3% дошкольников; средний – 41,7%; высокий – 0%).

14. Четырехсложные слова со стечением согласных (низкий уровень – 66,7% дошкольников; средний – 33,3%; высокий – 0%).

Анализ диагностических данных показал, что высокого уровня не выявлено ни у одного из детей, наблюдается средний уровень и значительно преобладает низкий уровень.

Обобщив результаты данной методики можно сделать вывод, что чем больше усложняется слоговая структура слова, тем больше ошибок допускают дошкольники с общим недоразвитием речи. Были выявлены следующие трудности произношения дошкольниками слов сложного слогового состава: усечение слогового контура из-за выпадения слога или нескольких слогов; нарушение последовательности слогов в слове; пропуск слогов; уподобление слогов. Наиболее распространенной ошибкой произношения слов различной слоговой структуры у дошкольников является нарушение воспроизведения стечений согласных звуков. Звуковое оформление речи детей с общим недоразвитием нечётко, наблюдается смешение звуков.

Полученные результаты диагностики свидетельствовали о необходимости проведения логопедической работы по преодолению недостатков слоговой структуры слова у дошкольников с общим недоразвитием речи (3 уровень). За основу мы взяли методику Т.А. Ткаченко.

Система логопедической работы предполагала реализацию следующих этапов формирования слоговой структуры слова у дошкольников с общим недоразвитием речи:

1) подготовительный этап (была создана фонетико-фонематическая база);

2) этап формирования слоговой структуры слова;

3) этап закрепления навыков точного воспроизведения слоговой структуры слова (дети заучивали рифмовки, стихи, рассказы, скороговорки с правильно произносимыми звуками);

4) завершающий этап (дети использовали полученные навыки точного воспроизведения слоговой структуры слова в самостоятельной речи) [3].

Для оценки эффективности коррекционно-логопедической работы мы провели контрольное обследование, направленное на выявление уровня сформированности слоговой структуры слова у дошкольников с общим недоразвитием речи (3 уровень).

По результатам контрольного обследования мы получили следующие данные:

1. Двухсложные слова, состоящие из открытых слогов (высокий уровень – 41,7% дошкольников; средний – 58,3%; низкий – 0%).

2. Трехсложные слова, состоящие из открытых слогов (высокий уровень – 41,7% дошкольников; средний – 58,3%; низкий – 0%).

3. Односложные слова, состоящие из закрытого слога (высокий уровень – 41,7% дошкольников; средний – 58,3%; низкий – 0%).

4. Двухсложные слова, состоящие из одного открытого и одного закрытого слога (высокий уро-

вень – 41,7% дошкольников; средний – 58,3%; низкий – 0%).

5. Двухсложные слова со стечением согласных в середине слова (высокий уровень – 33,3% дошкольников; средний – 66,7%; низкий – 0%).

6. Двухсложные слова с закрытым слогом и стечением согласных в середине слова (высокий уровень – 33,3% дошкольников; средний – 66,7%; низкий – 0%).

7. Трехсложные слова с закрытым слогом (высокий уровень – 25% дошкольников; средний – 75%; низкий – 0%).

8. Трехсложные слова со стечением согласных (высокий уровень – 25% дошкольников; средний – 66,7%; низкий – 8,3%).

9. Трехсложные слова со стечением согласных и закрытым слогом (высокий уровень – 25% дошкольников; средний – 66,7%; низкий – 8,3%).

10. Трехсложные слова с двумя стечениями согласных (высокий уровень – 25% дошкольников; средний – 58,3%; низкий – 16,7%).

11. Односложные слова со стечением согласных в начале или конце слова (высокий уровень – 33,3% дошкольников; средний – 66,7%; низкий – 0%).

12. Двухсложные слова с двумя стечениями согласных (высокий уровень – 25% дошкольников; средний – 58,3%; низкий – 16,7%).

13. Четырехсложные слова, состоящие из открытых слогов (высокий уровень – 25% дошкольников; средний – 66,7%; низкий – 8,3%).

14. Четырехсложные слова со стечением согласных (высокий уровень – 25% дошкольников; средний – 58,3%; низкий – 16,7%).

Качественный анализ результатов диагностики позволил выявить положительную динамику показателей у дошкольников с общим недоразвитием речи.

Таким образом, сравнительный анализ обобщенных результатов эксперимента, полученных на начальном и заключительном этапах, показал, что после проведения целенаправленной логопедической работы показатели уровня сформированности слоговой структуры слова существенно улучшились: у детей выявлен высокий уровень, который до формирующего эксперимента отсутствовал; возросло количество детей со средним уровнем и уменьшилось с низким. Однако, несмотря на значительное повышение индивидуальных показателей у большинства дошкольников, мы наблюдаем детей, которым требуются дополнительные коррекционные занятия.

В целом полученные результаты эксперимента свидетельствуют об эффективности проведенной нами логопедической работы по преодолению недостатков слоговой структуры слова у дошкольников с общим недоразвитием речи.

Список литературы

1. Большакова С.Е. Преодоление нарушений слоговой структуры слова у детей: Методическое пособие. – М.: ТЦ Сфера, 2007. – 56 с.
2. Психолого-педагогическая диагностика развития детей раннего и дошкольного возраста: метод. пособие; с прил. альбома «Нагляд. материал для обследования детей» / [Е.А. Стребелева, Г.А. Мишина, Ю.А. Разенкова и др.]; под ред. Е.А. Стребелевой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 2004. – 164 с.
3. Ткаченко Т.А. Коррекция нарушений слоговой структуры слова. Альбом для индивидуальной работы с детьми 4–6 лет к пособиям «Учим говорить правильно». – М.: Издательство ГНОМ и Д, 2002. – 40 с.

ВНЕДРЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ - КАК КОМПОНЕНТА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Бидучак А.С.

*Высшее государственное образовательное учреждение Украины «Буковинский государственный медицинский университет», Черновцы
кандидат медицинских наук, доцент*

IMPLEMENTATION OF EVIDENCE-BASED MEDICINE - AS A COMPONENT OF IMPROVING THE QUALITY OF MEDICAL EDUCATION

Biduchak A.

*Higher State Educational Establishment of Ukraine «Bukovinian State Medical University», Chernivtsi
Ph.D, assistant Professor*

Аннотация

Доказательная медицина рассматривается как новый подход, направление или технология для сбора, анализа, обобщения и интерпретации научной информации с целью выбора подходящего лечения для конкретного пациента. Достаточно близко, доказательная медицина сливается с клинической фармакологией. Однако принципы доказательной медицины могут успешно применяться практически в любой области анализа результатов клинических испытаний, а также при решении задач организации оптимальной системы здравоохранения.

Abstract

Evidence-based medicine is considered as a new approach, direction or technology for the collection, analysis, generalization and interpretation of scientific information in order to select the appropriate treatment for a particular patient. Closely enough, evidence-based medicine merges with clinical pharmacology. However, the principles of evidence-based medicine can be successfully applied in almost any field of analysis of the results of clinical trials, as well as in solving problems of organizing an optimal healthcare system.

Ключевые слова: доказательная медицина, врач, лечение пациентов, оценка результатов исследования.

Keywords: evidence-based medicine, doctor, patient treatment, evaluation of research results.

The information and communication explosion that occurred in the last two decades could not but affect the development of medicine. Now information about new medical technologies almost instantly becomes available in any country in the world. But the stricter it is necessary to relate to proving the effectiveness of the new proposed technologies before putting them into practice.

In the last decade, a new paradigm of clinical medicine was born, based on the use of the best of the existing results of clinical trials (methods of clinical epidemiology) to select the technology of medical care for a particular patient. Evidence-Based Medicine is actually a results-based medicine. By evaluating the results, you can select the appropriate technology that led to the best results. In addition, the effectiveness of proven technologies should be evaluated to select the one that would guarantee the best result, but at the same time be economical. The scientific basis of this approach is clinical epidemiology, which has not yet received proper development. This is partly due to the fact that specialists who are familiar with the methods of mathematical statistics and statistical analysis are poorly involved in clinical trials, and clinicians are not always trained and use these methods. At the same time, this science allows you to statistically link the results of treatment with selected technologies and, in fact, evidence-based medicine is based on this.

Without reliable scientific, comprehensive evidence, no new technology will be accepted by practice. On the other hand, such a strict documentary evidence of the effectiveness of any technology gives doctors a guarantee that they will choose the right way to provide medical care to the patient in controversial issues with claims from the patient or the insurance company. The probability of a certain result is known, patients are introduced to this information in advance and are asked for informed consent to choose this technology.

Evidence-based medicine is a new technology for collecting, analyzing, synthesizing and using medical information to make optimal clinical decisions.

The main provisions of evidence-based medicine are as follows:

- in most clinical situations, the diagnosis, prognosis and treatment outcomes of an individual patient are uncertain and therefore must be expressed in terms of probabilities (the need for consultations has increased in recent years due to an increase in the frequency of combined and multiple pathologies, atypical cases, erased clinical picture, a sharp decrease in the proportion of classic cases of the disease);
- the results of clinical observations are distorted by bias and systematic errors;

- any research, including clinical, is influenced by chance;

- the probability of outcome for an individual patient is best estimated on the basis of clinical observations of groups of similar patients;

- clinicians are required to rely on observations based on rigorous scientific principles, including ways to reduce bias and assess the role of chance.

Evidence is determined by:

- systematic reviews of several randomized trials;
- non-randomized studies with simultaneous control;

- non-randomized research and historical control;

- cohort studies;

- case-control studies;

- evaluation of the results of observations;

- descriptions of individual cases.

The «Gold Standard» is considered randomized controlled trials, when patients are randomly assigned to groups (randomization), while the groups should not differ in parameters that affect the outcome of the disease. No new method of prevention, diagnosis, or treatment can be considered effective without the need for rigorous scrutiny in randomized controlled trials. Particular attention should be paid not only to the futility, but also to the lack of evidence-based evidence of the benefits of using various methods and techniques in clinical practice.

Scientific research of new technologies and new drugs is carried out according to strict protocols using the double (sometimes triple) blind method on randomized (random) samples to exclude systematic errors or errors associated with the influence of extraneous factors on the formation of the sample, biased estimates. A strict protocol allows comparing the results of various institutes; moreover, such parallel studies are welcome. But, according to estimates, about 40 thousand biomedical journals are currently published in the world, about 2 million articles are published annually. Practitioners, heads of medical institutions need a critical assessment of these huge volumes of information.

The methodology of evidence-based medicine involves the search, comparison, analysis, synthesis and dissemination of evidence for their use in the provision of medical care. Evidence is generated according to a certain methodology in six stages:

- definition of the main purpose of the review;

- determination of methods for evaluating (measuring) results;

- systematic information search;

- summation of quantitative data;

- summation of evidence using appropriate statistical methods;

- interpretation of the results.

It is possible to strengthen the proof of the results by combining the experimental and control groups studied in various studies using a single technique, analyzing such combined samples, and synthesizing and testing new hypotheses on the combined sample. Such a association is called a meta-analysis and is distinguished: retrospective meta-analysis (based on already conducted and published results of clinical trials), cumulative meta-analysis (adding new ratings to the constructed curve of accumulation of ratings with each new evidence), prospective meta-analysis (adherence to specified methods for conducting, evaluating and analyzing data in new studies), meta-analysis of individual data (analytical review and formalization of already conducted, but arbitrarily designed, results research in primary documents to the meta-analysis).

The combined databases of the included sources make it possible to assess the reliability of both the results of each study separately and the reliability of the combined sample. These results are presented in graphical form with the confidence limits of each sample and the combined sample.

It is advisable to begin the quality assessment with an assessment of the results of various measures or treatment of patients. For this, it is necessary to have a set of adequate scientifically based indicators and criteria for their assessment. Indicators are evaluated in the following three dimensions, but always only in comparison:

- a comparison in dynamics, that is, in the course of treatment (initial, intermediate, final and long-term results);

- comparison with other similar groups of patients in the same or in other institutions;

- comparison with predefined «standards» for each indicator.

Quality assurance consists, firstly, in the adequacy of the technology chosen for the patient (from the start of treatment to its completion, full or partial), secondly, in the proper selection and organization of the work of the patient management team and, finally, in the third necessary resource support of the selected technological process.

Conclusion. Thus, medical care will be provided qualitatively only if the most effective (in terms of results and costs) technology is selected from among those that have proven their high clinical performance. On the other hand, the selection of the most effective of the possible technologies is carried out taking into account the receipt of results that meet the «quality» standards. In other words, it is not allowed to save money for treating a patient to the detriment of other quality characteristics - accessibility, safety, etc.

References

1. Актуальные вопросы доказательной медицины: практ. рук. /под ред. Г.П. Котельникова, Г.Н. Гридасова. – Самара: Глагол, 2012. – 118 с.

2. Общая эпидемиология с основами доказательной медицины: рук. к практ. занятиям: учеб. пособие / под ред. В.И. Покровского, Н.И. Брико. – Москва: ГЭОТАРМедиа, 2010. – 400 с.

3. Хенеган, К. Доказательная: карман. справ. / К. Хенеган, Д. Баденоч; пер. с англ.; под ред. В.И. Петрова. – Москва: ГЭОТАРМедиа, 2011. – 144 с.

САМОМЕНЕДЖМЕНТ У ПІДГОТОВЦІ МАЙБУТНЬОГО ПЕДАГОГА: ЗМІСТ І ТЕХНОЛОГІЇ

Бойко М.М.

*Тернопільський національний педагогічний університет
доцент, кандидат педагогічних наук*

SELF-MANAGEMENT IN THE TRAINING OF FUTURE TEACHERS: CONTENT AND TECHNOLOGIES

Boyko M.

*Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University
Associate Professor, PhD (in Pedagogy)*

Анотація

В статті здійснено аналіз сучасних концепцій, підходів та принципів самоменеджменту. Визначено сутність і зміст поняття «самоменеджмент», окреслено основні його функції у формуванні професійних компетентностей майбутнього вчителя. Обґрунтовано принципи постановки цілей та етапи процесу самоменеджменту. Окреслено переваги оволодіння технологією самоменеджменту та їх вплив на формування ключових навичок майбутнього вчителя, як ефективного менеджера. Наведено приклад реалізації технології самоменеджменту в процесі вивчення курсу «Менеджмент в освіті», на другому магістерському рівні вищої освіти. Доведено ефективність самоменеджменту та його вплив на професійну траєкторію саморозвитку педагога.

Abstract

The article deals with the analysis of modern concepts, approaches and principles of self-management. The meaning of "self-management" and its functions in forming professional competences of a future teacher have been defined. The principles of goal setting and the stages of self-management have been determined. The advantages of self-management technologies and their influence on the development of basic skills of a future teacher

as a successful manager have been established. The article contains an example of the application of self-management technologies in the process of teaching the course "Management in Education" for students studying for master degree. The efficiency of self-management and its impact on professional self-development of a teacher have been explained.

Ключові слова: концепція, підхід, самоменеджмент, саморозвиток, тайм-менеджмент, технологія, майбутній вчитель, професійна підготовка.

Keywords: concept, approach, self-management, self-development, time management, technology, future teacher, training.

Реформування української системи освіти, прийняття Закону про вищу освіту, Національної рамки кваліфікацій, розробка та затвердження Державних освітніх стандартів нового покоління, спонукає заклади вищої освіти здійснювати високоякісну професійну підготовку майбутніх фахівців. Теорія та практика самоменеджменту педагога, посідає провідне місце в сучасній освітній системі, де людина, її відносини з оточуючим світом є домінуючим впливом на розвиток самоуправління, використання раціональних процедур, методів і прийомів самоорганізації та саморозвитку. Особистісно орієнтована освітня парадигма, розглядає майбутнього вчителя як самостійного та відповідального суб'єкта професійного розвитку. Сьогодні, важливим елементом професійної підготовки вчителя є його здатність до самоменеджменту – бути внутрішньо активним, керувати собою, цілеспрямовано використовувати апробовані методи та прийоми роботи в повсякденній діяльності з метою підвищення ефективності виконуваних процедур і операцій, досягнення поставлених цілей.

Актуальність процесу самоменеджменту визначається цілою низкою чинників: відсутністю досвіду раціонального використання своїх ресурсів; невизначеністю життєвих і освітніх пріоритетів; нечіткістю у визначенні своїх власних цілей і завдань; відсутність навичок прийняття управлінських рішень; установкою на прагматичний підхід у вирішенні проблем; недостатнє володіння навичками в комунікації.

Мета статті полягає у визначенні сутності, змісту та особливостей технології самоменеджменту як способу підвищення ефективності професійної підготовки майбутнього вчителя.

Окреслена проблема висвітлена сучасними науковцями в різних аспектах: теоретичні засади педагогічного менеджменту (О. Бондар, К. Вазіна, М. Приходько); процесу самоменеджменту (В. Андреев, Г. Бондаренко, М. Вудкок, В. Карпічев, Л. Зайверт, М. Лукашевич, Д. Френсіс, А. Хроленко, Н. Яшкіна), творчий саморозвиток особистості педагога (Н. Кузьміна, В. Семиченко, С. Сисоева); саморегуляція педагогічної діяльності (В. Чайка, Т. Яценко); психології менеджменту (М. Боришевський, Л. Карамушка, М. Шпак). Здебільшого вітчизняні концепції самоменеджменту мають прикладний характер. В них є стратегічна ідея, для реалізації якої формується блок технологій самоменеджменту. Концепція А. Хроленко заснована на ідеї культури ділового життя. Відповідно до цієї концепції, самоменеджмент – це практикум підвищення свого ділового потенціалу

шляхом покращення рівня ділової культури в різних її аспектах [7]. Відповідно до концепції Бербеля і Хайнца Швальбе, самоменеджмент – це досягнення особистого ділового успіху (ділової кар'єри) через самопізнання і самовдосконалення своїх ділових якостей [5, с.210]. Автори пропонують практичні поради щодо саморозвитку своїх ділових якостей для досягнення успіху, для організації своєї справи в складних ринкових умовах. Кожний з розглянутих концептуальних підходів разом з методиками їх реалізації може використовуватися для самооцінки і саморозвитку ділових якостей, для підвищення свого ділового потенціалу [1]. Нам імпонує концепція самоменеджменту Лотара Зайверта, яка заснована на ідеї керування своїм часом. Ця концепція, на наш погляд, найбільш раціональна й універсальна тому, що вона містить у собі найбільш важливі моменти з інших концепцій і одночасно. У визначенні Л. Зайверта, самоменеджмент – це послідовне і цілеспрямоване застосування випробуваних методів роботи в повсякденній практиці для оптимального, осмисленого використання свого часу. Основна мета самоменеджменту – максимально використовувати власні можливості, свідомо керувати перебігом свого життя (самовизначатися) і переборювати зовнішні обставини як на роботі, так і в особистому житті [3, с. 108].

Центральна ідея концепції самоменеджменту, запропонована В. Андреевим, полягає у виділенні в якості інтегральної узагальненої характеристики сучасного менеджера, творчого характеру його особистості, здатності до безперервного саморозвитку і самореалізації не лише в одному, а в декількох видах професійної діяльності. Самоменеджмент дає можливість визначитися з процесом управління з погляду оптимізації власних управлінських завдань, оволодіти технологіями стратегічного і тактичного управління, отримуючи значно кращі результати праці [3, с. 87]. На основі аналізу характеристик самоменеджменту О. Штепа вважає, що слушно його позиціонувати як технологію оптимального самоорганізації особистості для досягнення значущої для неї мети. Виявом здатності до самоменеджменту є психологічна компетентність людини в самоорганізації [8, с. 67]. Самоменеджмент у професійній підготовці майбутнього вчителя постає як набір управлінських впливів, спрямованих на свою активність, як самодослідника, самоорганізатора і самоконтролера, що і є сутністю процесу самоменеджменту. Висока ефективність професійної діяльності педагога зумовлена передусім адекватністю використаних ним принципів у процесі вирішення конкретних завдань із самоорганізації і саморегуляції власної особистості як

фахівця. Саме з означених позицій педагог, як реальний учасник і організатор освітнього процесу, повинен постійно здійснювати функції гностичної, проєктувальної, конструктивної, організаторської і комунікативної діяльності, що є компонентами структури самоменеджменту в сфері його професійної діяльності [8, с. 123].

Основними функціями самоменеджменту є: цілепокладання, планування, прийняття рішень, організація власної діяльності, проведення самоконтролю, рефлексія і оцінка.

Процес самоменеджменту зображено у вигляді своєрідного кола правил, що наочно демонструє зв'язки між його окремими функціями.

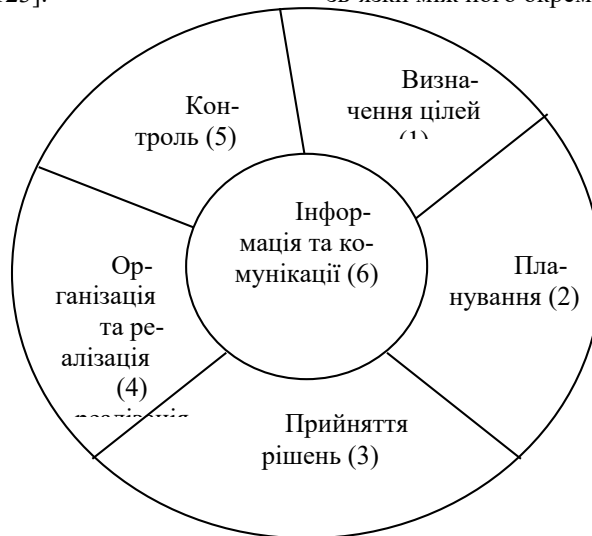

Рис 1. Процес самоменеджменту (за концепцією Л. Зайверта).

Самоменеджмент - це самоорганізація, вміння управляти собою, керувати процесом управління в найширшому сенсі слова – в часі, в просторі, спілкуванні, діловому світі. Оволодіти даною наукою не так просто, і молодому фахівцю треба починати все-таки з самоосвіти, причому мало лише набувати знань, потрібна ще і практична реалізація, готовність до самовдосконалення та саморозвитку.

Самоменеджмент – це саморозвиток особистості, організація діяльності, що містить цілеспрямоване і послідовне використання випробуваних методів роботи в повсякденній практиці в специфічних умовах самоорганізації. Головна мета самоменеджменту – максимально використовувати особисті можливості, усвідомлено управляти ходом свого життя – самовизначитися й переборювати зовнішні обставини як на роботі, так і в особистому житті. Головним напрямом саморозвитку є вдосконалення навичок самостійного мислення, розробка власних ідей на основі одержуваної інформації, спілкування з іншими людьми та отримання зворотного зв'язку. Результативність процесу саморозвитку розглядається з погляду мислення (ідеї, переконання, концепції, теорії); відчуття, почуття, настрої; готовність до дій (здатність або нездатність діяти залежно від ситуації).

Ефективна діяльність педагога неможлива без досягнення певного рівня саморозвитку. Саморозвиток (індивідуальний розвиток) – процес, у рамках якого людина набуває здатність захищати себе, управляти поточними подіями, формувати позитивні стосунки з навколишнім світом, будучи відкритим до нього [4, с. 131]. Процес саморозвитку здійснюється шляхом подолання перешкод, ро-

звитку особистих якостей, що сприяють досягненню поставлених цілей і завдань (воля, наполегливість, стресостійкість, вміння впливати на людей тощо). Основними якостями саморозвитку є: внутрішня мотивація на професійні завдання, досягнення результатів у процесі їх вирішення, здатність до саморозвитку; прийняття управлінських рішень за результатами оцінювання стосовно мотивації, навчання, планування кар'єрного розвитку та росту.

Важливим елементом процесу самоменеджменту є управління часом або тайм-менеджмент, який розглядається, як ефективне використання і управління робочим часом, виявлення нераціонально використовуваного часу, його переваги і способи реалізації. Система управління часом складається з наступних елементів: розвиток відчуття часу, постановка цілей, планування, ухвалення рішень, реалізація і організація, контроль [9].

В процесі вивчення курсу «Менеджмент в освіті» на другому магістерському рівні, студенти вивчають тему «Технологія самоменеджменту в професійній діяльності вчителя». Основними завданнями вивчення цієї теми є ознайомлення майбутнього вчителя з прийомами самоорганізації у професійній діяльності; формування внутрішньої активності, рефлексії, здатності до самоорганізації, самоствердження та самореалізації; вироблення у студентів навичок управління собою, чітко планувати свій робочий і вільний час; оволодіння прийомами самоаналізу та самооцінки рівня організації власної діяльності, мінімізації стресів і втоми. Також, важливою є необхідність навчання майбутніх педагогів «самоменеджменту» з метою оволодіння ними управлінськими, організаційними методами та технологіями управління, способами

підвищення працездатності, результативності та мотивації до професійної діяльності [2].

Процес самоменеджменту в аспекті послідовності виконання конкретних функцій охоплює шість фаз:

- постановка цілей – аналіз і формування особистої мети;
- планування – розробка планів та альтернативних варіантів своєї діяльності;
- прийняття рішень щодо конкретних справ;
- організація і реалізація – впорядкування розпорядку дня й організація власної діяльності з метою реалізації поставлених завдань;
- контроль – самоконтроль і контроль підсумків (у разі необхідності – коригування мети);
- інформація і комунікації – фаза, властива всім функціям, тому що і комунікації, й обмін інформацією необхідний на всіх фазах самоменеджменту (з ким потрібно взаємодіяти, якою інформацією володіти тощо).

Етап постановки цілей вимагає чітко і в точних формулюваннях висловлювати наявні та приховані потреби, інтереси чи бажання, спрямовувати дії на досягнення цієї мети. Принципи визначення і постановки цілей:

- 1) ясність та реалістичність цілей;
- 2) конкретизація процесу формулювання конкретних цілей, орієнтація на дії за рахунок встановлення конкретного результату;
- 3) встановлення часового інтервалу;
- 4) можливість поділу на окремі підцілі, завдання та етапи.

Використовуючи ці принципи, студенти складають власну технологію самоменеджменту, яка на їх думку, дозволяє чітко сформулювати цілі, планувати діяльність, приймати конструктивні рішення, реалізувати заплановане, контролювати досягнення результатів. А також формує здатність до інновацій, генерування ідей, вміння їх впроваджувати в практичну діяльність.

Студентам також пропонується алгоритм використання технології самоменеджменту в побудові професійної кар'єри, який передбачає:

- 1) виявлення своїх сильних і слабких сторін;
- 2) постановка кар'єрних цілей та визначення шляхів їх реалізації;
- 3) добір найбільш ефективних способів і методів самоменеджменту;
- 4) досягнення та оцінка запланованих результатів;
- 5) розробка перспектив для подальшої успішної професійної траєкторії.

На думку майбутнього вчителя, оволодіння мистецтвом самоменеджменту має такі переваги:

- ✓ виконання роботи з меншими затратами;
- ✓ краща організація праці; менше поспіху і стресів;
- ✓ більше задоволення від роботи;
- ✓ активна мотивація праці;
- ✓ менша завантаженість роботою;
- ✓ зменшення помилок в процесі виконання своїх функцій;

✓ досягнення професійної і життєвої мети найкоротшим шляхом.

Серед ключових навичок, на думку студентів, які формуються завдяки ефективному самоменеджменту є: здатність управляти собою (використовувати час, вміння, енергію; здатність долати стреси тощо); чіткі та реалістичні особисті життєві цілі; установка на особистісне, професійне зростання, готовність до нових ситуацій і можливостей; творчий підхід і здатність до інновацій; своєчасне вирішення проблем, подолання перешкод. Завдяки вивченню технології самоменеджменту, в майбутнього педагога сформовано такі компетентності: оволодіння прийомами і методами визначення особистих і професійних цілей; вміння організувати свою діяльність, спрямовану на досягнення поставлених цілей; здійснювати контроль за їх реалізацією; використовувати прийоми та методи ефективних комунікацій у професійному середовищі; здатність ефективно організувати свій час з метою ефективного його використання, раціонально планувати робочий день; володіти прийомами та методами прийняття управлінських рішень; аналізувати витрати робочого часу для виявлення сильних і слабких сторін особистого стилю роботи.

Для ефективного застосування технології самоменеджменту в професійній діяльності, майбутньому вчителю потрібні будуть соціальні, особистісні та управлінські компетентності. Зокрема, соціальні: корпоративність, соціальна комунікативна взаємодія, соціальна чутливість, інноваційність, адаптивні компетентності, гучкість, мобільність, креативність. Особистісні компетентності передбачають навички та якості, що є основою самоменеджменту і забезпечують можливість лідерства в команді: цілеспрямованість, мотивацію до саморозвитку, орієнтацію на успіх тощо. А також управлінські – це компетентності вищого рівня, оскільки вони забезпечують стратегічний саморозвиток і реалізацію власних потреб і цілей.

Отже, самоменеджмент є тим феноменом, що характеризує специфіку професійної діяльності педагога, багаторівневим процесом його творчої діяльності, інтегральною складовою професійної «Я концепції», однією з професійно-важливих якостей. Технологія самоменеджменту забезпечує оволодіння майбутнім вчителем теоретичними знаннями і практичними навичками особистісного розвитку; формування прикладних компетентностей необхідних для успішної професійної діяльності; розвиток умінь організувати власну працю з метою оптимального використання свого часу і сил; можливість навчання самоменеджменту своїх колег та учнів. Ознайомлення майбутніх вчителів з основами самоменеджменту сприяє формуванню умінь нестандартно розв'язувати педагогічні проблеми, здійснювати планування стратегій і тактики своєї поведінки, організувати свій освітній простір, спрямований на практичну реалізацію окреслених перед собою цілей і завдань, досягнення прогнозованих результатів.

Подальші аспекти вивчення процесу самоменеджменту передбачають розробку технологій формування майбутнього вчителя не лише як фахівця, а й успішного менеджера освітнього процесу.

Список літератури

1. Антонова О. Професійне самовдосконалення майбутнього вчителя шляхом розвитку його здібностей та обдарувань / О. Антонова // Нові технології навчання: Наук.-метод. зб. – Київ-Вінниця, 2014. – Вип. 81. – С. 8–13.
2. Бойко М.М. Технологія SWOT – аналізу в процесі управління якістю професійної підготовки майбутнього вчителя / М. Бойко // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія: Педагогіка. – 2018. – №2. – С.116-122
3. Лукашевич Н.П. Самоменеджмент. Теория и практика / Н.П. Лукашевич. – К : Ника-Центр, 2009. – 344с.
4. Кови С. 7 навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности / Кови С. – 7-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 374с.
5. Симодейко С.І. Самоменеджмент майбутніх учителів початкових класів як педагогічна проблема / С.І. Симодейко // Наука і освіта. Науково-практичний журнал. – 2011. – № 6. – С. 209-212.
6. Сморгунова М.А. Подготовка обучающихся к самоменеджменту в образовательном [Електронний ресурс] / М.А. Сморгунова // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 3. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26536>
7. Федоришина Л.М. Самоменеджмент як містецтво управління індивідуальним людським капіталом [Електронний ресурс] / Л.М. Федоришина, В.І. Камінський // Глобальні та національні проблеми економіки. – 2016. – Вип. 10. – Режим доступу : <http://global-national.in.ua/archive/10-2016/111.pdf>.
8. Штепа О.С. Самоменеджмент (самоорганізування особистості): навч. посібник /О.С. Штепа. – Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2012. – 362 с.
9. Яшкіна Н.В. Основні характеристики сучасного менеджменту / Н. В. Яшкіна // Економіка & держава. – 2010. – №7. – С. 35-36.
10. Polscy menedżerowie mocno zestresowani. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.talentclub.pl>

INDIVIDUAL APPROACH AS A BASIS FOR PREPARING FUTURE PHYSICAL EDUCATION TEACHERS TO WORK INDIVIDUALLY WITH STUDENTS IN AN INCLUSIVE ENVIRONMENT

Halitsan O.

*PhD, Associate Professor of the Department of Pedagogy
State Institution "South Ukrainian National
Pedagogical University named after K.D. Ushynsky", Odesa, Ukraine*

Shchekotylyna N.

*PhD, Department of Pedagogy
State Institution "South Ukrainian National
Pedagogical University named after K.D. Ushynsky", Odesa, Ukraine*

Abstract

The individual work of a physical education teacher with students in the conditions of inclusion is represented by the teacher's ability to develop an individual program of child development and an individual plan of physical education of a student with special educational needs. Individual development program represented as a document that algorithms the individualization of education of a child with special educational needs, regulates the list of necessary psychological, pedagogical, correctional, developmental and socializing influences for child development and adaptation and is developed by a group of specialists with the obligatory involvement of the child's parents in order to determine specific educational strategies. An individual plan of physical education is highlights as a personal trajectory of realization of personal potential of a child with special educational needs, constructed taking into account his abilities, interests, needs, motivation, opportunities and experience, based on choice of types, means, forms and pace of physical development.

Keywords: individual approach, individual work of a physical education teacher, individualization.

The relevance of the study is due to the fact that the individual approach, as a principle of education and upbringing of children has always been present in pedagogy, but its essence always remains an open question for further research. As a result, a misconception has spread in pedagogical practice that individualization in the context of public education is quite difficult. Meanwhile, modern concepts of upbringing children emphasize the importance of differentiation and individualization of the educational process in accordance with the

individual abilities, inclinations, interests and needs of each child.

The foundation of the domestic system of physical training of youth was laid in the works of P. Blonsky, P. Lesgaft; described ways to optimize the system of training future specialists in physical culture and sports (O. Dubogai, A. Konokh, L. Sushchenko, O. Tymoshenko, B. Shiyan, etc.); the peculiarities of the formation of the value attitude of youth to physical culture and sports by means of physical education are revealed

(O. Kruglyak, O. Smakula); the preparation of future teachers of physical culture for physical culture and health (L. Ivanov) and correctional and health (N. Denisenko, S. Tokareva) work with students is studied; N. Bashavets, P. Dzhurynsky, R. Karpyuk, L. Serman, and I. Tkachuk studied the originality of professional training of future physical education teachers.

The individual approach in education became a subject of scientific interests in the XX century. Most scholars (O. Budarny, O. Kirsanov, I. Unt) interpret the concept of "individualization" either as a system (O. Kirsanov), or as a principle (N. Zavalko), or as a strategy (S. Korableva). In this context, we understand that we are talking about the didactic aspect of the problem.

In the 90s of the XX century the pedagogical context of the phenomenology of individualization through "personification" developed – the concept of "pedagogy of individuality" by O. Grebenyuk and T. Grebenyuk appeared.

The purpose of the study is to highlight the individual approach as a methodological and theoretical basis for preparing future physical education teachers to work individually with students in an inclusive environment.

The Law of Ukraine "On Education" (2017) clearly defines the ways of individualization of education and upbringing of students - formulates the content of the basic concepts "individual educational trajectory", "individual development program" and "individual curriculum". Moreover, the document specifies the level of subordination of each other.

The Law of Ukraine "On Education" contains the following definitions:

Individual educational trajectory is a personal way of realization of personal potential of the student, which is formed taking into account his abilities, interests, needs, motivation, opportunities and experience, based on the choice by the student of types, forms and pace of education, subjects of educational activity and offered educational programs, academic disciplines and the level of their complexity, methods and means of teaching. An *individual educational trajectory* in an educational institution can be realized through an *individual curriculum*. *Individual development program* – a document that provides individualization of education of a person with special educational needs, establishes a list of necessary psychological, pedagogical, correctional needs / services for child development and is developed by a group of specialists with mandatory involvement of parents to determine specific learning strategies and approaches teaching. *Individual curriculum* – a document that determines the sequence, form and pace of mastering the educational components of the educational program in order to implement its individual educational trajectory and is developed by the educational institution in cooperation with the learner with the necessary resources.

The issue of *individualization* is reflected in the scientific research of scientists in the context of the professional activities of physical education teachers and education.

Thus, in 2002 Oleksandr Mytchyk studied the problem of individualization of physical education of

adolescents in secondary school. According to the author, the purpose of physical education is the diverse development of personality, education of individual abilities of students. As in the process of physical education among students there are significant differences in interests, abilities, motives, knowledge, training, the author emphasizes, the tasks they will perform should be different. In particular, continues O. Mytchyk, from the psychological and pedagogical point of view, individualization creates optimal conditions for identifying the inclinations, development of interests and abilities of each student. From a social point of view, the researcher emphasizes, it is a purposeful action on the formation of creative, intellectual, professional potential of society. At the same time, according to O. Mytchyk, the methodological one is the solution of the problem of mass schooling by creating a new methodological base on a fundamentally new motivational basis. Individualization of physical education in secondary school involves the organization of the educational process, in which the choice of methods, tools, techniques, methods, forms and pace of learning takes into account the individual differences of students, their level of physical development, physical fitness and health.

We consider productive in the context of our study the opinion of Irina Kozhurina (2017), who thoroughly highlighted the role and importance of individual approach in the context of physical education of schoolchildren. Scientists distinguish between an individual approach as a theoretical basis for the organization of the educational process and as a principle of learning. At the same time, I. Kozhurina defines the principle of individual approach to learning as the study and consideration in the educational process of individual characteristics of each individual in order to maximize the development of positive and overcome negative individual characteristics, ensuring on this basis to improve the quality of its educational work.

We support this opinion, because we consider the maximum disclosure of the individual potential of each child's individuality and overcoming the negative features of development to be the global goal of introducing inclusion in secondary school and the direction of improving the training of future physical education teachers.

Based on the results of the analysis of scientific sources on the issues of individual approach to physical education of youth, we will formulate intermediate conclusions.

Individual in a person is called that special that distinguishes him from other people, and individuality – a pronounced set of features inherent in an individual, which are inherent in nature or acquired by him in individual experience. Intellectual, volitional, moral, social and other personality traits can be special. Individual features include the originality of perception, thinking, memory, imagination, interests, inclinations, abilities, physical capabilities, features of psycho-physiological development. Individuality of the personality largely determines the process of learning, the formation of all personality traits.

Deep knowledge of the individual characteristics of the student is necessary for the teacher to solve two interrelated tasks: individualization, as support and development of a single, special, unique as a potential individual; socialization, as adaptation in the social environment and self-realization of the individual in it.

Individualization of learning is a system of tools that helps students realize their strengths and weaknesses in learning, support and development of identity in order to independently choose their own meanings of learning. Individualization promotes the development of self-awareness, independence and responsibility.

The essence of an individual approach to learning is to manage the development of the student, based on a deep knowledge of his personality traits and living conditions. Pedagogy of individual approach involves the adaptation of forms and methods of pedagogical influence to the individual characteristics of the student in order to ensure the projected level of personality development.

Under differentiation we understand this form of individualization, when students, similar in certain individual characteristics (physical, emotional, psychological, psycho-physiological), are combined into groups for separate learning.

Individual work is carried out mostly with the help of differentiated tasks that take into account the characteristics of the student's personality. Individual education in the system of general secondary education is organized in order to create optimal conditions for citizens to obtain a certain level of education or complete general secondary education in accordance with personal needs, individual abilities, capabilities, health, development, inclinations, talents.

Let's fix the basic concepts of individual approach in the context of training future physical education teachers in the context of inclusion.

Conclusions from the study. Individual work in the context of professional activity of a physical education teacher in the conditions of inclusion is understood as a type of professional and pedagogical activity of a physical education teacher, which is occasionally used to individualize the system of physical development of students (support and development of individual, special and unique potential of the individual; awareness of the identity and uniqueness of each subject) and is optimal for working in an inclusive environment.

The individual work of a physical education teacher with students in the conditions of inclusion is represented by the teacher's ability to develop an individual program of child development and an individual plan of physical education of a student with special educational needs. Individual development program – a document that algorithms the individualization of edu-

cation of a child with special educational needs, regulates the list of necessary psychological, pedagogical, correctional, developmental and socializing influences for child development and adaptation and is developed by a group of specialists with the obligatory involvement of the child's parents in order to determine specific educational strategies. An individual plan of physical education is a personal trajectory of realization of personal potential of a child with special educational needs, constructed taking into account his abilities, interests, needs, motivation, opportunities and experience, based on choice of types, means, forms and pace of physical development.

References

1. Zakon Ukrainy «Pro osvitu» [Law of Ukraine «On Education»]. (n.d.). zakon5.rada.gov.ua. Retrieved from <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1060-12> [in Ukrainian].
2. Kozhurina, I.E. (2018). Pidhotovka maybutnikh uchyteliv do indyvidual'no spryamovanoi fizkul'turno-ozdorovchoyi roboty v zahal'noosvitnikh zakladakh [Preparation of future teachers for individually directed physical culture and health work in general educational institutions]. Candidate's thesis. Odessa: State Institution "South Ukrainian National Pedagogical University named after K.D. Ushinsky [in Ukrainian].
3. Mitchik, O.P. (1998) Osoblyvosti fizychnoho rozvytku uchniv 5-9 klasiv, yaki prozhyvayut' na terytoriyi radiatsiyynoho zabrudnennya [Peculiarities of physical development of students of 5-9 grades living on the territory of radiation pollution]. Naukovyy visnyk Volyns'koho derzhavnoho universytetu imeni Lesi Ukrayinky. Zdorov'ya, fizychnakul'tura i sport – Scientific Bulletin of Volyn State University named after Lesya Ukrainka. Health, physical culture and sports. 8, 39-41 [in Ukrainian].
4. Mitchik, O.P. (2001). Tekhnolohiya indyvidualizatsiyi fizychnoho vykhovannya pidlitkiv u zahal'noosvitniy shkoli: Metodychni rekomendatsiyi [Technology of individualization of physical education of teenagers in secondary school: Methodical recommendations]. Lutsk [in Ukrainian].
5. Shchekotilina, N.F. (2019). Spetsyfika pidhotovky maybutnikh uchyteliv fizychnoyi kul'tury do roboty v inklyuzyvnomu osvitu'omu seredovyskhi shkoly [Specifics of training future physical education teachers to work in an inclusive educational environment of the school] Innovatsiyina pedahohika: naukovyy zhurnal Prychornomors'koho naukovo-doslidnyts'koho instytutu ekonomiky ta innovatsiy – Innovative pedagogy: scientific journal of the Black Sea Research Institute of Economics and Innovation, 13, 213-217 [in Ukrainian].

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНОСТИ 40.02.03.

Жарова Н.Р.
СКФ ФГБОУВО "РГУП",
заведующий кафедрой, к.пед.н., доцент

DISTANCE LEARNING AS A FORM OF IMPLEMENTATION OF THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD FOR SPECIALTY 40.02.03.

Zharova N.
North Caucasian branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar)
Dr., Associate Professor

Аннотация

В статье представлена реализация дистанционной формы обучения в СКФ ФГБОУВО РГУП для специальности 40.02.03., выявлены недостатки, указаны положительные стороны, отмечены условия препятствующие реализации дистанционных образовательных технологий.

Abstract

The article presents the implementation of distance learning in SKF FGBO-UVO RPMU for specialty 40.02.03., Identified shortcomings, indicated positive aspects, noted conditions that impede the implementation of distance learning technologies.

Ключевые слова: дистанционная форма обучения, новые технологии обучения, платформа Zoom.

Keywords: distance learning, new learning technologies, Zoom platform.

Начиная с марта 2020 года, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия перешел на дистанционную форму обучения, что привнесло для студентов первого курса факультета непрерывного образования наряду с традиционной очной формой, непривычный для них дистанционный формат обучения.

Дистанционное обучение выступает здесь как реализация ФГОС в части области его применения [2], временной мерой, сложившейся в условиях коронавирусной инфекции. Перед образовательным учреждением, перед всем административно-педагогическим составом, сотрудниками встала задача: в короткое время осуществить переход от очной формы обучения сначала к электронной (размещение заданий в облаке), заключающейся в трудоемком процессе отбора содержания, доступного пониманию, основанном на индивидуальном подходе, а также в обеспечении студентов необходимым методическим обеспечением, проверкой наличия у каждого студента дополнительной электронной литературы, назначение ответственных среди студентов за получение обратной связи со студентами в группе (почтовые адреса, телефоны whatsApp и пр.), преодолением психологического барьера. Двухнедельный опыт работы в дистанционном формате, не смотря на осуществление контроля над каждым студентом на каждом занятии, показал, что такая форма работы не удовлетворяет в полной мере ожиданиям студентов в области получения новых знаний и высокого уровня консультаций по дисциплинам в режиме электронной почты или видео звонков по различным технологиям.

Руководство университета своевременно приняло решение о введении дистанционной формы обучения на платформе Zoom. В короткие сроки - в течении одного-двух дней преподаватели протести-

ровали данную платформу, устранили появившиеся технические неполадки: недостаточный уровень звукового и видео сигналов имеющихся в наличии компьютерного обеспечения, изучили интерфейс, методику работы на этой платформе, переревели расписание занятий и консультаций с учетом личных идентификаторов. Дистанционное образование заработало слаженно и эффективно по всем направлениям: образовательном, научном, воспитательном. Так же как и в традиционной системе обучения роль преподавателя в учебном процессе главенствующая, но обучение становится личностно-ориентированным, более полно учитывающим личностные качества обучающегося, его возможности и образовательные цели. По классификации С.Г. Селевко, новые педагогические технологии основаны на личностно-деятельностном подходе в обучении, при котором имеет место субъектно - объектные отношения между всеми участниками образовательного процесса. [1]. Как известно из педагогических исследований, личностно-деятельностный подход предполагает использование педагогами таких методов и средств обучения и воспитания, которые соответствуют индивидуальным особенностям каждого обучаемого, его творческой составляющей. Привлечение в процесс обучения новых технологий обучения, включая дистанционное образование, предполагает соблюдение ряда требований: существование нормативной базы, материально-технической базы, предоставляемой учебным образовательным учреждением, (компьютеры, организованных в локальные сети и сеть internet), а также достаточный уровень учебно-методического обеспечения и квалифицированный профессорско-преподавательский состав. В соответствии с изменениями в Законе РФ «Об образовании» расширяются возможности

учебных заведений с предоставлением им права самостоятельно разрабатывать учебные планы и учебные программы на основе Федерального государственного образовательного стандарта, но и тем самым повышается их ответственность за конечный результат подготовки. Что касается СПО, то "Среднее профессиональное образование направлено на решение задач интеллектуального, культурного и профессионального развития человека и имеет целью подготовку квалифицированных рабочих или служащих и специалистов среднего звена по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, а также удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования" [3, с.118]. Федеральный образовательный стандарт по специальности 40.02.03. "Право и судебное администрирование" определяет среди прочих областей применения электронное обучение и дистанционные образовательные технологии. В стандарте данной специальности указано, что при реализации программы подготовки специалистов среднего звена образовательная организация вправе применять электронное обучение и дистанционные образовательные технологии. Следует отметить профессиональную подготовку профессорско-преподавательского состава кафедры общеобразовательных дисциплин СКФ ФГБОУВО "РГУП", прошедшего он-лайн обучение по программе "Основы информационно-коммуникационных технологий" в 2018 году и успешно реализующий современные образовательные технологии обучения среди студентов первого курса ФНО. В течении ряда лет преподаватели применяли в учебном процессе следующие педагогические технологии обучения: работа в малых группах; самостоятельный поиск учащимися путей и вариантов решения поставленной учебной задачи; междисциплинарное обучение. Наряду с учебниками и учебными пособиями в печатной форме студенты использовали учебники и учебные пособия из электронного каталога РГУП, ЭБС "ZNANIUM.COM", ЭБС Юрайт (<http://www.biblio-online.ru/>), BOOK.RU (<https://www.book.ru/>), Электронная база периодических изданий ООО «ИВИС», Национальный цифровой ресурс «РУКОНТ».

Основной причиной, препятствующей реализации новых инновационных педагогических технологий, при условии внимательного отношения к ним руководителей образовательного учреждения является неготовность участников педагогического процесса к дистанционному образованию и обучению, отсутствие стандартных умений и навыков работы на компьютере, не владение в полной мере, стандартным офисом Windows, а также программой подготовки презентаций, в частности, Microsoft PowerPoint.

Решению данной проблемы может способствовать повышение квалификации преподавателей для освоения новых инновационных технологий обучения, проведение on-line конференций, лекций, семинаров и других учебных мероприятий в сети Internet.

Преподаватели кафедры общеобразовательных дисциплин на примерах дисциплин кафедры обсудили эффективность разработки содержания обучения, выявили особенности информационных технологий обеспечения предметного образования для электронного правосудия, а также обсудили возможности организации научной работы студентов в дистанционном формате. Обсуждение вопросов проходило в формате научно-практического круглого стола на платформе Zoom. Были обсуждены следующие вопросы:

1. Рассмотрены теоретические основы формирования и современного толкования понятия "педагогические технологии", его иерархические уровни.

2. Определено место новых информационных технологий на современном этапе развития системы образования, обозначена роль и место дистанционного образования как альтернативной формы обучения.

3. Обсужден перечень нормативных документов, обеспечивающих функционирование процесса образования с применением дистанционной формы, перспективы его интеграции в образовательный процесс.

4. Выявлены основные недостатки дистанционного образования, представлены пути преодоления возникающих трудностей.

5. Обсуждены информационные современные информационные технологии, реализующиеся в настоящее время в судебной деятельности.

6. Обозначены особенности формирования содержания учебного контента дисциплины "История ООД".

7. Обсужден опыт преподавания дисциплины "Обществознание" со студентами первого курса ФНО на платформе "Zoom": выявлены организационные трудности реализации онлайн-конференции, обоснован выбор форм контроля знаний студентов на различных этапах формирования понятийного аппарата дисциплины, компетенций, в целом.

8. Обсужден положительный опыт кружковой работы в дистанционной форме на примере кружка по дисциплине "Обществознание" преподавателя Кулагинной Н.П.

В результате работы профессорско-преподавательский состав кафедры сформулировал следующие выводы:

1. В соответствии с требованиями ФГОС по специальности 40.02.03. Право и судебное администрирование, ППСЗ данной специальности кафедра общеобразовательных дисциплин при обучении студентов первого курса ФНО последовательно реализует образовательный процесс с активным привлечением интегрированным в учебный процесс новых педагогических технологий, включая дистанционные.

2. Отмечен положительный опыт дистанционной формы обучения преподавателями кафедры ООД: комфортная зона пребывания для многих студентов, возможность привлечения большого количества информационных источников во время под-

готовки учебных заданий, возможность многократной обратной связи с преподавателем по электронной форме и в WhatsApp.

3. Отмечен положительный опыт проведения научных кружков в режиме он-лайн на платформе "Zoom". В частности, преподаватели отметили отсутствие отрицательных психологических эмоций при чтении докладов, повышение активности членов кружка при обсуждении докладов и, в результате, увеличение числа участников.

Список литературы

1. Современные образовательные технологии DOC /Селевко Г.К. //Учебное пособие. - М.: Народное образование, 1998. 256 с.

2. Приказ Министерства образования и науки РФ от 12 мая 2014 г. N 513 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 40.02.03 Право и судебное администрирование". Введен в действие 1 сентября 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70612242/> (Дата обращения 07.06.2020).

3. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 25.05.2020) "Об образовании в Российской Федерации". [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/68.html> (Дата обращения 07.06.2020).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ МАТЕМАТИКЕ ПО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Зиядуллаева Ш.С.

Чирчикский государственный педагогический институт Ташкентской области, СОШ №233 г. Ташкент, преподаватель

COMPARATIVE ANALYSIS OF RESEARCH IN MATHEMATICS ON DIFFERENTIATION OF EDUCATION

Ziyadullaeva Sh.

Chirchik State Pedagogical Institute of Tashkent Region, secondary school No. 233 in Tashkent, teacher

Аннотация

В данной работе представлены разные подходы к дифференциации со стороны знаменитых исследователей мира. Рассмотрены эффективные формы работы, которые позволяют учащимся достичь заданного результата обучения разными путями.

Abstract

This paper presents different approaches to differentiation from the famous researchers of the world. Effective forms of work are considered that allow students to achieve a given learning outcome in different ways.

Ключевые слова: дифференциация, дифференцированное обучение в математике, эффективные формы.

Keywords: differentiation, differentiated teaching in mathematics, effective forms.

Разные трактовки интересующих нас категорий существуют в зарубежной педагогике. Ведущими исследователями в области дифференциации обучения в США являются К. Э. Томлинсон и Р.Л. Оксфорд [26]. Они рассматривают дифференциацию обучения как процесс, который позволяет учащимся достичь заданного результата обучения разными путями. При этом наиболее эффективной формой работы считается работа в так называемых гибких группах, объединенных общей учебной целью. Сходное толкование просматривается у западных исследователей Доттрэнс, М. Фишер, Н. Гронлунд и Г. Томас [22, 23, 24, 25] и в отношении индивидуализации обучения, которое, с их точки зрения, предполагает варьирование темпа, целей, методов обучения и учебного материала в зависимости от индивидуальных особенностей обучающихся, при этом форма работы может быть как групповой, так и индивидуальной.

Концепция уровневой дифференциации – это аналог обучения на основе полного усвоения, которое получило широкое распространение в США, Англии, Австрии, Бельгии, Бразилии, Индонезии,

Южной Кореи, Норвегии и других странах. Фундамент концепции обучения на основе полного усвоения составляют идеи, выдвинутые в 60-е годы американскими психологами Дж. Кэрролом и Б. Блумом [21]. Общественная картина разброса успеваемости обычно объясняется соответствующим разбросом способностей к обучению. Дж. Кэррол обратил внимание на то, что в традиционном учебном процессе всегда фиксированы параметры условий обучения (одинаковые для всех учебное время, способ предъявления информации и т. д.). Единственное, что остается не зафиксированным, – это результат обучения, в таком случае все параметры условий будут меняться, подстраиваясь под достижения всеми учащимися заранее заданного результата.

Этот подход был поддержан и развит Б. С. Блумом. Он предположил, что способности ученика определяются его темпом учения при оптимально подобранных для данного ребенка условиях. Б. С. Блум изучал способности учащихся при изучении разных предметов в условиях, когда время на изучение материала не ограничивается. Результаты

изучения показали, что при правильной организации обучения и, особенно, при снятии жестких временных рамок, около 95% учащихся могут полностью усваивать все содержание обучения. Реализуя данный подход последователей Дж. Кэррола и Б. С. Блума (Дж. Блок, Л. Андерсон и другие) на практике разработали методику обучения на основе полного усвоения. При обучении по этой системе различия в учебных результатах будут иметь место за пределами общего для всех общеобразовательного минимума, под которым будет надстраиваться последующее дифференцированное обучение.

Корея, которая не имеет больших природных ресурсов для развития страны, должна специально решать проблемы подготовки высококвалифицированных кадров. В Корее интерес к дифференцированному обучению математике появился после реформ системы образования средней школы (в 1969 г.) и высшей школы (в 1974 г.). В 1969 г. министерство образования Южной Кореи приняло решение о ликвидации вступительных экзаменов в среднюю школу (7 - 9 классы), в 1974 г. приняло решение о едином уровне образования в 10 - 12 классах. Вследствие этих реформ школьники с разными уровнями подготовки к математике должны учиться в одном классе. Поскольку в одном классе учатся более 50 школьников, учителю невозможно учитывать особенности и способности каждого ученика. Это привело к снижению уровня математической подготовки выпускников школ и возникло общественное требование перехода к обучению с учетом индивидуальных психологических особенностей типологических групп учащихся и повышения уровня математического образования.

Для решения указанных выше проблем в 1983 г. была открыта первая физико-математическая школа, а в настоящее время имеются 17 физико-математических школ в Южной Корее. Это, безусловно, очень интересное и важное направление. Но анализ литературы показывает, что оно не решает поставленной проблемы, так как, во-первых, реализуется лишь внешняя дифференциация обучения математике, начиная с 10 класса, а формирование отношения личности к математике и математическое развитие учащихся начинается существенно раньше. Во-вторых, в специализированных школах и классах также нужна своя внутренняя дифференциация в соответствии с индивидуальными особенностями и способностями учащихся [16].

Исторический путь педагогической мысли персидских народов по этому вопросу показывает, что проблема дифференцированного обучения для иранцев не новая, а имеет свою давнюю историю. В древности в учебных заведениях персов использовали элементы дифференцированного обучения, учеников готовили по конкретным специальностям, таким, как богословие, философия, медицина, математика, астрономия, словесность и т. п. Учителя в процессе учёбы учитывали способности, умения, стремления и желания каждого ученика и, соответственно, каждому ученику давали индивидуальные задания.

Бесценные мысли об элементах дифференцированного обучения мы находим в произведениях Абу Абдуллоха Рудаки, Абулкасыма Фирдавси, Унсурулмаоли Кайковуса, Абу Али ибни Сино, Абу бакра Рази, Муслихиддина Саади, Абу Хомида Мухаммада Газзали, Абдурахмана Джами и др.[9].

Практика разделения учащихся на группы учащихся с быстрым, средним и низким уровнем знаний в соответствии с их уровнем мышления популярна в учебных заведениях США.

В английских школах для разделения учащихся на определенные группы используются следующие параметры:

- делить учеников одного возраста на классы в соответствии с их способностями;
- Разделите учащихся одного возраста на большие классы, состоящие из нескольких групп в соответствии с их способностями;
- Организация групповых занятий студентов с разными способностями.

Групповое обучение распространено в Германии, особенно в начальной школе, где используются системы А, В и С. По характеру этой системы ученики делятся на верхнюю (А), среднюю (В) и нижнюю (С) группы, в зависимости от уровня сложности учебного плана и заданий.

Во Франции аудиторные группы состоят из конкретных уроков или процесса изучения предмета. Например, в математике средней школы существуют группы быстрого, среднего и медленного освоения, где все учащиеся осваивают определенную программу в разные промежутки времени. Члены группы иногда делают отдельную домашнюю работу.

Групповое обучение играет важную роль в японских школах. Эта форма обучения основана на конкуренции как взаимной конкуренции.

В России наиболее активная разработка началась с 80-х годов XX века. Мудрик А. В., Кон И. С. и др. разрабатывали модель дифференцированного образования в связи с определением воспитания как субъект-субъектного отношения. В настоящее время имеется достаточное количество научных работ теоретического и методического характера, в которых представлены концепции, модели, технологии дифференцированного подхода в обучении.

Известно, что минимальный возраст этой идеи свыше полутора столетий. В 1832 году в Санкт-Петербурге появилась брошюра Т. Степанова «О различии способностей», которая хотя и осталась незамеченной официальной историографией, объективно обозначила начало становления в России детской и педагогической психологии. Он обращал внимание на высшую роль в генезисе межличностных различий. «Рождавшиеся существа, находясь под условным влиянием тысячи обстоятельств и отношений, - писал он, - получали сообразно изменения в общем направлении, образовании способностей. Поэтому проявление способностей, есть ни что иное, как действие духа через материю, то по мере различного отношения сей последней к первому и образования оных является различно».

Методические особенности дифференциации обучения математике школьников освещены в работах В.А.Гусева, В.Г.Болтянского, Г.Д.Глейзера, В.А.Далингера, Г.В.Дорофеева, Ю.М.Колягина, Кузьменкова Т.Е., И.М.Смирновой, Р.А.Утеевой, и других авторов [3, 2, 4, 7, 12,15].

Исследование опиралось также на психолого-педагогические теории индивидуализации и дифференциации обучения (Е.С.Рабунский, И.Э.Унт, Н.М.Шахмаев и др.) [11, 14, 20], концепции дифференцированного обучения математике (В.Г.Болтянский, Г.Д.Глейзер, В.А.Гусев, Г.В.Дорофеев, В.М.Монахов, В.В.Фирсов и др.).

В технологии Фирсова Виктора Васильевича, предлагается введение двух стандартов: *для обучения* (уровень, который должна обеспечить школа интересующемуся, способному и трудолюбивому выпускнику) и *стандарта обязательной общеобразовательной подготовки* (уровень, которого должен достичь каждый).

Другой автор М. Е.Тимошук пишет «О дифференцированной помощи учащимся при решении задач» и предлагает разбить класс на группы в соответствии с уровнем сформированности их умений по решению задач и выделить три группы учащихся [13].

В. Куприянович в качестве основных показателей берет «быстроту усвоения». В соответствии с этим автор выделил три группы учащихся: уровень А - учащиеся, имеющие хорошие математические способности, уровень В - учащие, имеющие средние математические способности, уровень С - учащие, имеющие низкие математические способности [8].

А.Н. Капинос считает, что «объективно существующие различия учащихся в темпах овладения учебным материалом, а также способностях самостоятельно применять усвоенные знания и умения» обуславливают необходимость дифференцированного обучения математики. С учетом этих факторов А.Н. Капинос выделил четыре «условных» группы [6].

Некоторые аспекты дифференцированного подхода в процессе обучения отдельных предметов средней школы рассматривались таджикскими учеными: Зубайдовым У.З. Шариповым Дж., Пирназаровым А. и др. [5, 19, 10].

Дифференцированное образование использовалось как в ближнем, так и в дальнем зарубежье, а также в Узбекистане, в основном на практике, то есть для направления молодых студентов на профессии. Цель состояла в том, чтобы научить более конкретным основам профессии или научить конкретному предмету более углубленно. Мы знаем, что во всех типах общеобразовательных учреждений учащиеся делятся на определенные группы.

Проблема дифференцированного подхода в Узбекистане по словам Шаджалилова, «узбекские школы рекомендуют делить учащихся на две группы в зависимости от их способностей, и так называемый «средний» ученик будет вовлечен в работу на уровне его или ее способностей или в «высокую» или «низкую» группу»[18].

По мнению Бакировой А. Ю. «Использование индивидуализации и дифференциации на основе способностей студента в учебном процессе и домашней работе при положительном решении проблемы успешности учебного процесса дает учителю большие возможности. Образовательный процесс, который характеризуется индивидуальными особенностями каждого учащегося, дифференцирован, и образование в этом процессе принимается за дифференцированное образование» [1].

В своих исследованиях Р. Хасанов написал: «Невозможно рекомендовать единый строгий сценарий или план урока по методологии многослойного образования. Это может варьироваться в зависимости от готовности учащихся в классе или группе»[17].

Мы акцентировали внимание на том, что дифференциация проводится в разных типах учебных заведений. Современные школы (Англия), гимназия, общеобразовательная и базовая школа (Германия), профессионально-техническое и общеобразовательное училище (Франция), гимназия, лицей, колледж (Россия) и другие. Главной отличительной чертой дифференцированного обучения, внедряемого в этих учебных заведениях, являются их программы.

Список литературы

1. Бакирова А.Ю. Развитие математического мышления учащихся на основе дифференцированного обучения (на материале академических математических направлений). Дисс. ...канд.пед.наук. 13.00.02. – Т: ТГПУ, 2004. – 180 с.
2. Болтянский В.Г., Глейзер Г.Д. К проблеме дифференциации школьного образования // Математика в школе. 1988. № 3. С. 9 -13.
3. Гусев В.А. Методические основы дифференцированного обучения математике в средней школе. Дис. ...докт. пед. наук. 1. М., 1990. -364с.
4. Дорофеев Г.В., Кузнецова Л.В., Суворова С.Б., Фирсов В.В. Дифференциация в обучении математике//Математика в школе. 1990.№4.-С. 15-21.
5. Зубайдов У. Дифференцированное обучение: проблема, высказывание, истинность. - Душанбе: «Маориф», 2011. - 264 с. (на таджикском языке).
6. Капинос А. Н. Уровневая дифференциация при обучении математике в V-VI классах. // Математика в школе. – 1990. – №5. – С.16.
7. Кузьменкова Т.Е. Индивидуальный подход к учащимся в условиях дифференцированного обучения математике в старших классах средней школы. Дис. ...канд. пед. наук. Минск. 1993. -143с.
8. Куприянович В.В. Изучение способностей направляет дифференциацию. // Математика в школе. – 1991. – №5.
9. Мина Хаджизаде Масих. Организационно-педагогическое обеспечение дифференцированного обучения в средних общеобразовательных школах Исламской Республики Иран: на примере математики. Дисс. ...канд. пед. наук. 13.00.01, РФ, 2013. -161 с.

10. Пирназаров А. Пути повышения эффективности самостоятельной работы учащихся по математике в начальных классах. - Душанбе: «Маориф ва фарханг (Образование и культура)», 2009. - 120 с. (на таджикском языке).
11. Рабунский Е.С. Теория и практика реализации индивидуального подхода к школьникам в обучении: Дисс. ...д-ра пед.наук.: 13.00.01. - М., 1989. -464 с.
12. Смирнова И.М. Научно методические основы преподавания геометрии в условиях профильной дифференциации обучения. Автореф. дис... д-ра пед. наук. - М., 1995, -38с.
13. Тимошук М.Е. О дифференцированной помощи учащимся при решении задач // Математика в школе/ 1993, № 12, -С.12-13.
14. Унт И.Э. Индивидуализация и дифференциация обучения. -М.: Педагогика, 1990.-192с.
15. Утеева, Р.А. Теоретические основы организации учебной деятельности учащихся при дифференцированном обучении математике в средней школе: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. - М., 1998. - 37с.
16. Хан Инки. Методика осуществления поиска решения геометрических задач в условиях дифференцированного изучения математики в школах Южной Кореи. 13.00.02. Дисс..... канд. пед. наук. Москва, 1998. -195 с.
17. Хасанов Р. и другие. Дифференцированное обучение: проблема и решение //газета "Маърифат", 2003 год 15 ноябрь.
18. Шаджалилов А. Дифференцированный подход к учащимся 1 класса в процессе обучения (на материале уроков узб.языка и арифметики) 13.00.01. Автореф.канд.пед.наук. Т. 1969, ТГПИ, 24с.
19. Шарипов Дж. Пути повышения эффективности самостоятельной работы учащихся при изучении курса геометрии 6-8 классов средней школы. Дисс..к.п.н. - Душанбе, 1980.
20. Шахмаев Н.М. Дифференциация обучения в средней общеобразовательной школе// Дидактика средней школы // Под ред. М.Н. Скаткина. - М.:Просвещение, 1982.-с.269-296.
21. Bloom B.S. Taxonomy of Educational Objectives. // The Classification of Educational goals. Handbook I: Cognitive Domain. N.Y., 1967.
22. Dottrens, L'enseignement individualisée, Paris, 1936. - 88 p. Einheitlichkeit und Differenzierung im Bildungswesen // Ein internationaler Vergleich von einem Autorenkollektiv unter Leitung von W. Kienitz, Berlin, 1971/ Morawietz, Unterrichtsdifferenzierung. Ziele. Formen. Beispiele und Forschungsergebnisse, Weinheim und Basel, 1980.
23. Fischer M. Die innere Differenzierung des Unterrichts in der Volksschule, Weinham u. Basel, 1972. - 10 Auflage. - S.11-26.
24. Gronlund N. E. Individualizing Classroom Instructions, N. Y. - 1974, p. 1-2.
25. Thomas G.J. Crescimbeni J., Guiding the Gifted Child, N.Y., 1966/ Thomas R.M., Thomas S.M., Individual Differences in Classroom, N.Y., 1965. - 186 p.
26. Tomlinson C. How to Differentiate Instruction in Mixed-ability Classrooms / Carol A. Tomlinson. - Pearson, 2004. - 117 p.

МУЗИЧНО-ТЕОРЕТИЧНА ПІДГОТОВКА КИТАЙСЬКИХ СТУДЕНТІВ У ПЕДАГОГІЧНИХ УНІВЕРСИТЕТАХ УКРАЇНИ

Калюжна О.М.

*аспірант Південноукраїнського національного педагогічного університету імені К.Д. Ушинського
Україна, м. Одеса*

MUSIC-THEORETICAL TRAINING OF CHINESE STUDENTS AT PEDAGOGICAL UNIVERSITIES OF UKRAINE

Kaluzhna O.

*Post-graduate student
South Ukrainian National Pedagogical University
named after K.D. Ushynsky (Odessa, Ukraine)*

Анотація

У статті висвітлюються проблеми, пов'язані з музично-теоретичною освітою китайських студентів – майбутніх учителів музики, вирішенню яких приділяється суттєва увага в процесі їх підготовки до фахової діяльності в педагогічних університетах України. Надано методичні рекомендації щодо змісту й методики занять з музично-теоретичних дисциплін – сольфеджіо і гармонії.

Abstract

The article highlights the problems associated with the music-theoretical education of Chinese students - future music teachers, the solution of which is given significant attention in the process of their preparation for professional activity in pedagogical universities of Ukraine. Methodical recommendations on the content and methods of classes in music-theoretical disciplines - solfeggio and harmony are given.

Ключові слова: майбутній учитель музичного мистецтва, китайські студенти, музично-теоретична освіта
Keywords: future music teacher, Chinese students, music-theoretical education.

Одною з новітніх тенденцій в сучасній українській освітянській політиці останніх десятиріч є причетність до світової тенденції – інтернаціоналізації освіти. Акцент на академічну інтернаціоналізацію стає одним із рушійних чинників реформи вищої освіти в Україні та в світовому просторі.

Питання удосконалення освітянської системи в контексті її інтернаціоналізації досліджується вітчизняними та зарубіжними науковцями (Т. Андрущенко, Ф. Альтбах, У. Брандбург, Б. Вульфсон, В. Зінченко, С. Курбатов, П. Скотт та ін.).

Європейський досвід переконує, що процес інтернаціоналізації в кожній країні набуває своєрідності. В контексті української дійсності інтернаціоналізація вищої освіти відіграє роль чинника інтенсифікації педагогічної науки й практики, фактору, який сприяє посиленню її конкурентоспроможності у світовому освітньому просторі.

Особливості стратегії інтернаціоналізації вищої музичної освіти в Україні диктуються завданнями інтеграції у загальноосвітні процеси та набувають своєрідності з оглядом на національний склад іноземних абітурієнтів, значну кількість яких складають студенти з КНР.

Зацікавленість останніх у отриманні музичної освіти в Україні пояснюється визнанням її здобутків світовою спільнотою, а також тим, що в Китаї існує велика потреба у вчителях музики, які мали б належну підготовку. Актуальність цього питання загострилась у зв'язку з тим, що сучасна державна культурна політика будується на визнанні необхідності збереження і підтримки стародавніх мистецьких традицій китайського народу із прилученням до світових культурних процесів, здобутків різних епох, національних стилів, художніх напрямків.

У галузі музичної освіти ці тенденції проявляються в посиленні уваги до заохочення дітей та юнацтва до занять музикою. Достатньо сказати, що навчання музики – гри на різноманітних інструментах, занять хоровим і сольним співом додають абітурієнтам балів для вступу у вищі навчальні заклади.

Натомість в практиці існують і значні труднощі, зумовлені тим, що, по-перше, в китайській освітній системі відсутні державні музичні школи. Отже, діти, які бажають отримати музичну освіту, навчаються в приватних школах, в яких увага акцентується на інструментально-виконавській підготовці, а всебічному музичному розвитку дітей та їхній музично-теоретичній освіті належна увага не приділяється. Ці недоліки початкової музичної освіти негативно позначаються у подальшому на професійній підготовці фахівців.

Нагадаємо, що китайське музично-національне мислення та музична мова відрізняються від традиційної європейської, що обмежує можливості спонтанно-природного шляху розвитку в дітей ладового і гармонічного чуття європейського типу.

Доречно звернути увагу і на те, що ці студенти вирости в інокультурному музичному середовищі та відрізняються своєю художньою ментальністю, музичним тезаурусом, досвідом сприйняття, традиціями національного та сімейного музикування тощо.

Тому не дивно, що, розпочинаючи своє навчання в українських педагогічних університетах, китайські

студенти демонструють недостатні знання й навички в галузі світового музичного мистецтва, зокрема – і в галузі музично-теоретичної підготовки. В результаті виникає низка проблем, пов'язаних із засвоєнням змісту навчання у всьому комплексі фахових дисциплін, особливо – у тих аспектах, які ґрунтуються на широкій мистецькій ерудованості, сформованих внутрішніх слухових уявленнях, володінні базовими музично-теоретичними поняттями та здатності до самостійного і творчого музикування.

Для музично-теоретичної освіти китайських студентів – майбутніх учителів музики – особливої значущості набувають певні музично-мовленнєві особливості китайської музичної мови у порівнянні з існуючими закономірностями її організації, прийнятими у європейській музичній системі. Це, передусім, відмінності ладового, гармонічного, фактурного порядку, специфіка розвитку музичного матеріалу.

Зазначимо головні напрямки, за якими удосконалення освітнього процесу відбувається на факультеті музичної та хореографічної освіти Південноукраїнського національного педагогічного університету імені К. Д. Ушинського.

Першочерговим постає завдання «загострення» ладово-інтервального чуття, оволодіння китайськими студентами здатністю диференціювати та точно інтонувати півтони, дисонуючі співвідношення (септими, тритони), відчувати, емоційно переживати інтонаційну напруженість ввідних тонів гармонічних ладів, альтерованих ступенів, хроматичних послідовностей. Володіння навичками сольфеджування потребує орієнтування в інтервалах, наявності міцних внутрішніх слухових уявлень та здатності їх гнучко застосовувати у різних інтонаційно-ритмових ситуаціях.

Розвиток слухових уявлень із зазначеними елементами є необхідною передумовою усвідомлення художнього-образного змісту та набуття навичок виразного виконання музичних будов, формування навичок співу «з аркуша». Для вчителя музики, який постійно повинен знайомитися з новими творами, готувати їх до виконання в класі, володіння технікою читання з листа та їх виразного виконання є надзвичайно важливим.

Суттєвим є набуття навичок інтонування незвичних для китайських студентів півтонових співвідношень і з погляду їхньої готовності до вокально-хорової навчальної діяльності, в якій першочерговою вимогою є здатність до інтонаційно точного, «чистого» та виразно-осмисленого вокального виконання відповідних музичних будов інтонування.

Не менш важливим є і завдання розвитку гармонічного слуху та гармонічного мислення, а саме – його зорієнтованості на класичне співвідношення тризвуків головних ступенів, міцне засвоєння логіки класичної гармонії, елементів сучасного гармонічного мовлення.

Зазначимо також, що переважна більшість китайських студентів неготова до сприйняття й виконання творів поліфонічного стилю, що зумовлено традиційним для китайського мистецтва однострунним. Натомість, варто акцентувати на тому, що в них досить розвинені тембровий та метроритмовий слух, що пояс-

нюються традиційними для китайського музичного мистецтва багатством інструментарію та типовим ритмовим багатоголоссям у супроводі пісенних мелодій, їх ритмовому різноманіттю.

Не володіють китайські студенти і навичками аналізу музичних творів на всіх рівнях його здійснення – художньо-інтерпретаційному, структурно- та мовно-аналітичному.

Враховуючи зазначене, акцентуємо на необхідності розроблення робочих програм з музично-теоретичних дисциплін та відповідних методів і завдань, спрямованих на розвиток відповідних слухових та інтонаційних здібностей і збагачення музичної свідомості студентів, створення завдань, в яких цілеспрямовано формуються навички самостійної й творчої діяльності.

Так, майже повна відсутність у китайських студентів досвіду цілісного та диференційованого аналізу музичних творів вимагає здійснення пропедевтичної роботи у цьому напрямку. Це, зокрема, стосується і прикладів, які вони опановують у процесі навчання сольфеджуванню. Отже, важливо довести до їхнього відома, перед тим, як приступати до музикування, потрібно оглянути приклад та отримати загальне уявлення про звучання, характер, особливості структури та інтонаційного складу мелодії. У тому випадку, якщо в мелодії трапляються суб'єктивно складні мелодичні або ритмові звороти, то доцільно спочатку їх виокремити, проаналізувати, теоретично усвідомити сутність проблеми (стрибок на складний інтервал, непроста міжтактова синкопа тощо), опрацювати цей елемент, досягаючи впевненості у його слуховому уявленні та інтонуванні. На наступному етапі завдання буде полягати в тому, щоб досягти безперервності процесу виконання всієї мелодії, в тому числі – і попередньо опрацьованого сегменту. Таким чином відбувається взаємозв'язок слухових уявлень, сформованих навичок виконання та музично-теоретичних знань, який закладає міцну базу усвідомленому інтонуванню, а надалі вмінню доволіно, керовано оперувати ними і гнучко застосовувати в різноманітних текстових варіантах.

Звернемо також увагу на те, що цей процес має відбуватися свідомо, завдяки чому в китайських студентів мають формуватися не тільки навички сольфеджування, а й засвоєння алгоритму опрацювання музичних текстів: від загального аналізу, перевірки готовності виконання складних елементів до цілісного озвучення мелодії. Додамо тільки, що на цьому шляху не менш важливим стає набуття студентами здатності до структурного аналізу мелодії, зокрема – виокремлення речень, фраз, мотивів, що дозволяє формувати в них навички грамотного і виразного фразування за рахунок усвідомлення ролі опірного звуку в мотивах та кульмінацій у більш продовжених фрагментах мелодії, їх зіставлення з метою виявлення загальної динаміки її розвитку. Тим самим у вправах на сольфеджування буде закладатися база для підвищення грамотності і осмисленості виконання в інших формах музикування – інструментальній, вокальній, хоровій тощо.

Особливої уваги в роботі з іноземними студентами заслуговує проблема вокалізації різних голосних та «сольфеджійних» складів, оскільки частка з них виконується на відносно незручні для співаків-початківців голосні та потребує від них оволодіння відповідними прийомами інтонування. Це, в основному, незручні навіть для українських студентів склади «сі», «ре», «мі», при чому останні нерідко мають виконуватися у другій октаві, тобто – у відносно високому діапазоні, що ще більше ускладнює їх вірне, з погляду вокального звукоутворення, інтонування. У засвоєнні складів «фа», «ля» також існують певні складнощі, пов'язані з тим, що вони «провокують» співака до широкого звукоутворення, властивого більшості китайських студентів.

Натомість їх зручна теситура дозволяє поєднувати відпрацювання навичок звукоутворення зазначених голосних з вправами на удосконалення слухових уявлень, зокрема великої і малої секунди і терції спочатку в ладово визначених ситуаціях, а пізніше і в інтервально-позаладових вправах. Тим самим відбувається наближення до усвідомлення й виконання творів сучасних композиторів.

Крім того, у навчанні китайських студентів існують і специфічні завдання, продиктовані необхідністю приділяти увагу засвоєнню практичних навичок, якими має володіти фахівець, що працює в китайській освітній системі. До них, зокрема, відноситься вміння акомпанувати не тільки школярам на уроці музики, а й співакам під час проведення сольних занять з вокалу і навіть виступів співаків у концертах. При цьому традиційно дозволяється грати ці твори у власному перекладі, відповідно виконавсько-інструментальним можливостям викладача. Це потребує від майбутнього фахівця вміння робити гармонічний аналіз творів та перекладати їх у полегшеному фактурному варіанті, здатність виконувати акомпанемент, практично не дивлячись на клавіатуру і тим самим приділяти головну увагу учню-співаку.

Вирішення цих завдань потребує розроблення навчальних програм, адаптованих до зазначених вимог, організації освітнього процесу на засадах міжпредметних зв'язків між дисциплінами музично-теоретичного циклу, застосування міжциклової координації (за Кьон Н.Г.), зокрема – змісту теоретичних занять з вокальною, інструментальною та диригентсько-хоровою підготовкою китайських студентів, посилення уваги до набуття ними навичок самостійної роботи у оволодінні творчими формами музикування й опрацювання музичного тексту, зокрема і пісенного матеріалу, який застосовується в сучасній китайській школі.

Як показує практика, за чотири роки навчання китайські студенти успішно оволодівають змістом фахової освіти та розкривають свої потенційні можливості, досягаючи успіху як в навчанні, так і в своїй професійній діяльності в Китаї.

Список літератури

1. Вербицька, А.В. (2017). Інтернаціоналізація як основний напрям розвитку вищої освіти. *Young Scientist*, № 11 (51), November, 160-164.
2. Как преподавать сольфеджио в XXI веке : сб. науч. ст. (2006). [сост. О.Л. Берак, М.В. Карасева]. Москва, Классика-XXI, 224 с.
3. Кьон Н.Г. (2007). Функції сольфеджіо у формуванні навичок самостійного музикування студентів музично-педагогічного навчального закладу. *Науковий вісник ПДПУ імені К.Д. Ушинського*.

Спецвипуск. Мистецька освіта: сучасний стан і перспективи розвитку. Ч. 2. Одеса, 45-51.

4. Лю, Цин (2008). Высшее музыкально-педагогическое образование Китая: современное состояние и перспективы. *Музыкальная культура глазами молодых ученых. Сборник научных трудов*. СПб, Астерион, 145-146
5. Сбруєва А. (2013). Інтернаціоналізація вищої освіти: пріоритети комплексної стратегії Європейського Союзу. *Вища освіта України*. № 3, 89-95.
6. Coelen R. (2015). Why Internationalize Education? *International Higher Education*, (83), 4 – 5.

ЗАДАНИЯ К ПРЕДМЕТНОМУ ТЕКСТУ ПО ХИМИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ

Ковель М.И.

*ККИПКиППРО, доцент, профессор РАЕ
кафедра общей и специальной педагогики и психологии*

TASKS TO THE SUBJECT TEXT ON CHEMISTRY FOR DEVELOPMENT AT TRAINERS OF READING LITERACY

Kovel M.

*KKIPKiPPRO, Associate Professor, Professor of RAЕ
Department of General and Special Pedagogy and Psychology*

Аннотация

Автором статьи предлагаются предметные задания по химии, которые могут использовать преподаватели школ для работы с текстом учебника. Все задания направлены на формирование у обучающихся умений извлекать информацию из текста, понимать смысловую структуру текста, использовать информацию из текста для решения практических заданий, формулировать выводы на основе обобщения отдельных частей текста. В целом, для развития у обучающихся читательской грамотности, учителю необходимо формировать и развивать у школьников логическое мышление.

Abstract

The author of the article offers subject assignments in chemistry that school teachers can use to work with the textbook. All tasks are aimed at developing the ability of students to extract information from the text, understand the semantic structure of the text, use information from the text to solve practical tasks, formulate conclusions based on a generalization of individual parts of the text. In general, for the development of students' reading literacy, the teacher needs to form and develop logical thinking in schoolchildren.

Ключевые слова: читательская грамотность, логическое мышление, чтение.

Keywords: reading literacy, logical thinking, reading.

В соответствии с требованиями ФГОС у обучающихся должен быть сформирован не только навык чтения, но и умение использовать этот навык для поиска нужной информации в различных текстах (источниках), для получения необходимых знаний при изучении различных дисциплин, обогащения своего читательского опыта и багажа, развития таких важных интеллектуальных умений, как мышление и память, и способности к творческой деятельности в любой области [2, с. 8]. Поэтому учителя-предметники, также как и учителя начальных классов, должны формировать и развивать у обучающихся предметные и метапредметные умения.

В базовый документ ФГОС «Фундаментальное ядро содержания общего образования» включён раздел «Система универсальных учебных действий», где чтение и другие умения, связанные с ним, обнаруживаются в перечне познавательных

УУД, а точнее – в группе общеучебных умений [7, с. 69]:

- смысловое чтение как осмысление цели чтения и выбор вида чтения в зависимости от цели;
- поиск и выделение необходимой информации;
- извлечение необходимой информации из прослушанных текстов различных жанров;
- определение основной и второстепенной информации;
- свободная ориентация и восприятие текстов художественного, научного, публицистического и официально-делового стилей;
- понимание и адекватная оценка языка средств массовой информации;
- умение адекватно, подробно, сжато, выборочно передавать содержание текста, составлять тексты различных жанров, соблюдая нормы построения текста (соответствие теме, жанру, стилю);
- структурирование знаний.

Как показывают наблюдения и анализ диагностических работ школьников 8–9 классов, уровень развития читательской грамотности обучаемых при работе с предметными текстами не очень высокий. Школьники затрудняются формулировать вывод, обобщить прочитанное (45,56 %), найти и извлечь информацию, расположенную в разных фрагментах текста (37,89%), определить наличие/отсутствие информации (35,71%), обнаружить противоречия, содержащиеся в одном или нескольких текстах (72,5%) и др. Поэтому проблема читательской грамотности является одной из важных проблем в учебном процессе, несмотря на то, что школьники ежедневно на уроках работают с информацией текста.

Важным компонентом чтения является читательская грамотность, обеспечивающая способность читать учебные тексты, извлекать из них необходимую информацию, усваивать её в виде знаний, перерабатывать, структурировать изучаемый материал, использовать его в различных целях и ситуациях. Поэтому читательская грамотность обучаемых становится не только результатом их языкового образования, но и метапредметным умением [2, с 6].

Прежде, чем перейдём к предметным заданиям, остановимся на ключевых понятиях. Чтение – вид речевой деятельности, направленной на смысловое восприятие графически зафиксированного текста, получение и переработку письменной информации [6, с. 281].

Читательская грамотность – способность человека понимать и использовать письменные тексты, размышлять о них и заниматься чтением для того, чтобы достигать своих целей, расширять свои знания и возможности, участвовать в социальной жизни [8]. Логическое мышление – мышление, посредством которого человек, опираясь на коды языка, становится способен отражать сложные связи, отношения, формировать понятия, делать выводы и решать сложные теоретические задачи [5, с. 266].

В теории и технологии Способа диалектического обучения (СДО) разработан современный дидактический инструментарий познания, применение которого как учителем, так и обучаемыми обеспечивает повышение качества образования в целом: учителю данный инструментарий даёт возможность совершенствовать содержание образования и технологию его освоения обучаемыми, а последних вооружает эффективными средствами познания любой учебной дисциплины и способствует повышению качества усвоения знаний и развития как предметных умений, так и универсальных учебных действий. К такому инструментарию относятся:

- сборники предметных, межпредметных и опорных понятий,
- логические схемы (структурные, классификационные, структурно-функциональные и др.),
- сборники словесных образов,
- комплекты карточек (№№ 1–6),

– рисунки, отражающие отношения между понятиями с помощью кругов Эйлера [3, с. 10]. Применение дидактического инструментария, позволяет развивать у обучающихся логическое мышление, а на его основе формировать и развивать читательскую грамотность при работе с материалами текста.

Приведём задания по химии для 9 класса по теме «Кислородные соединения азота» [1].

Задания № 1. Выделить субъект и предикат текста и сформулировать его название в виде суждения.

Варианты ответов: Азотная кислота – особая кислота (субъект – азотная кислота, предикат – особая кислота). Оксиды азота, азотная кислота – кислородные соединения азота (субъект – оксиды азота, азотная кислота, предикат – кислородные соединения азота). Азотная кислота имеет широкое применение в промышленности (субъект – азотная кислота, предикат – широкое применение в промышленности).

Задания № 2. Прочитав § 31, сформулировать различные виды определений понятия *азотная кислота* [1, с. 220].

Ответы. Азотная кислота – одноосновная кислота (кислородсодержащая кислота), в состав которой входит один атом водорода и нитрат-ион. Азотная кислота – сильный электролит, представляющую собой бесцветную жидкость, которая дымится на воздухе, и при хранении на свету желтеет. Азотная кислота – кислота, которая образуется при растворении оксида азота (IV) в воде в присутствии избытка кислорода.

Задания № 3. Пользуясь опорными конструкциями карточки № 3 (см. Приложение 1), сравнить эти определения, выявив общее и особенное и сформулировав суждения.

Ответы.

- Не только первое определение, но и второе и третье определения имеют в содержании понятия родовой признак и видовые признаки (например, в первом определении родовым признаком является одноосновная кислота (кислородсодержащая кислота), видовые признаки – один атом водорода и нитрат-ион.

- Как первое определение, так и второе и третье являются суждениями, т.к. в своей структуре имеют субъект и предикат (например, субъектом во всех определениях является азотная кислота, предикат в первом определении – одноосновная кислота (кислородсодержащая кислота), в состав которой входит один атом водорода и нитрат-ион).

- Сравнивая все три определения понятий, можно сказать, что первое определение является структурным, второе – функциональным, третье – генетическим.

Задания № 4. Найти в содержании текста ответ на вопрос-суждение: почему азотная кислота дымится на воздухе? Ответ представить в форме суждения.

Ответ: азотная кислота дымится на воздухе, так как частично разлагается с образованием бурого газа NO_2 .

Задания № 5. Сформулировать вопросы-понятия по содержанию текста, по теме «Кислородные соединения азота».

- Что называется азотной кислотой?
- Что считается кислотным остатком?
- Что понимается под сильным окислителем?
- Что представляет собой соли азотной кислоты?
- Что выражает количество атомов азота в оксидах?
- Что является сильным электролитом?
- Что такое степень окисления?
- Каковы свойства и виды кислородных соединений азота?
- В чем заключается сущность получения азотной кислоты? В чем заключается сущность взаимодействия разбавленной (концентрированной) азотной кислоты с металлами?

Задания № 6. Сформулировать по 4–7 вопросов-суждений (см. Приложение 1) к содержанию текста. Ответить на них в виде суждений или умозаключений.

- Чем объяснить, что металлы при взаимодействии с азотной кислотой не вытесняют водород?
 - Металлы при взаимодействии с азотной кислотой не вытесняют водород, т.к. азотная кислота является сильным окислителем, в ней азот имеет максимальную степень окисления +5, поэтому он и будет восстанавливаться при взаимодействии с металлами.
- Как доказать, что азотная кислота проявляет все типичные свойства сильных кислот?
 - Все кислоты, которые взаимодействуют с оксидами, гидроксидами металлов, с солями – проявляют типичные свойства сильных кислот. Азотная кислота реагирует с оксидами, гидроксидами металлов, с солями. Следовательно, азотная кислота проявляет все типичные свойства сильных кислот.

- В каком случае азотная кислота восстанавливается до оксида азота (IV), а в каком – до оксида азота (II)?

- При взаимодействии, например, меди с концентрированной азотной кислотой, образуется оксид азота (IV), а при взаимодействии с разбавленной азотной кислотой образуется оксид азота (II).

- Почему железо и алюминий не реагируют с концентрированной азотной кислотой?

- Железо и алюминий не реагируют с концентрированной азотной кислотой, так как покрываются прочной оксидной плёнкой, предохраняющий металл от дальнейшего окисления.

- Вследствие чего тлеющая лучина загорается в азотной кислоте, если её нагреть?

- При нагревании азотной кислоты выделяется один из продуктов – кислород, поэтому тлеющая лучина загорается.

- Почему азотная кислота не образует кислых солей?

- Азотная кислота не образует кислых солей, т.к. в составе кислоты один атом водорода.

Задания № 7. Сравнить нитрат аммония и нитрат натрия, найти как можно больше общих и отличительных признаков.

- По сравнению с нитратом натрия, в котором в качестве катиона металла присутствует натрий, в нитрате аммония – катион аммония.
- Так же как и нитрат натрия, так и нитрат аммония называют селитрами (нитратами).
- Массовое содержание азота в нитрате аммония выше, чем в нитрате натрия.
- Не только нитрат натрия, но и нитрат аммония применяют в качестве удобрений в сельском хозяйстве.
- Если аммиачную селитру применяют для изготовления взрывчатого вещества аммонала, то натриевую селитру не используют для этих целей.

Задания № 8. Найдите в тексте параграфа разные выражения для азотной кислоты, составьте сборник образов.

Таблица 1.

Сборник образов по теме «Азотная кислота»

Понятие	Единичный словесный образ	Вид	Роль
Азотная кислота	бесцветная	эпитет	называет свойство
	взаимодействует с оксидами, гидроксидами металлов, с солями	метафора	характеризует свойства
	сильная	эпитет	называет свойство
	ведёт себя по-особому	метафора олицетворение	указывает роль
	разбавленная	эпитет	называет вид понятия
	разбавленная – концентрированная	антитеза	называет виды кислоты

Задания № 9. Прочитать с. 221–222, сравнить свойства разбавленной и концентрированной кислоты, найти как можно больше общих и отличительных признаков.

1. По сравнению с разбавленной азотной кислотой, которая реагирует с оксидом меди при нагревании, концентрированная азотная кислота реагирует с оксидом меди без нагревания.

2. Так же, как и разбавленная азотная кислота, концентрированная азотная кислота реагирует с оксидами, основаниями и солями.

3. Как разбавленная азотная кислота, так и концентрированная азотная кислота реагирует с медью.

4. Сравнивая разбавленную азотную кислоту с концентрированной азотной кислотой, можно сказать, что при взаимодействии разбавленной кислоты с медью образуется соль, оксид азота (II) и

вода, а при взаимодействии концентрированной азотной кислоты с медью образуется соль, оксид азота (IV) и вода.

5. Кроме разбавленной азотной кислоты, ещё при работе с концентрированной азотной кислотой необходимо соблюдать все правила техники безопасности.

6. Помимо разбавленной азотной кислоты, концентрированная азотная кислота является окислителем.

7. Скорость взаимодействия концентрированной азотной кислоты с медью больше, чем с разбавленной азотной кислотой.

8. Если концентрированная азотная кислота не взаимодействует с железом и алюминием, то разбавленная азотная кислота реагирует с данными металлами.

Задания № 10. Используя материал текста на с. 220 [1] «Оксиды азота», сформулировать 1 индуктивное, 1 дедуктивное умозаключения.

Ответы. Индуктивные умозаключения

- Оксид азота (I) не взаимодействует с водой и щелочами. Оксид азота (II) не взаимодействует с водой и щелочами. Оксид азота (I), оксид азота (II)

– несолеобразующие оксиды. Следовательно, несолеобразующие оксиды не взаимодействуют с водой и щелочами.

- Оксид азота (III) реагирует со щёлочью, образуя соль и воду. Оксид азота (V) реагирует со щёлочью, образуя соль и воду. Оксид азота (III) и оксид азота (V) – солеобразующие оксиды. Следовательно, солеобразующие оксиды реагируют со щёлочью, образуя соль и воду.

- Оксид азота (III) реагирует с водой, образует азотистую кислоту. Оксид азота (V) реагирует с водой, образует азотную кислоту. Оксид азота (III) и оксид азота (V) – кислотные оксиды. Следовательно, некоторые кислотные оксиды реагируют с водой, образуют кислоты.

Индуктивное умозаключение.

Все кислотные оксиды реагируют со щёлочью, образуют соль и воду.

Оксид азота (V) реагирует со щёлочью. Следовательно, оксид азота (V) – кислотный оксид.

Задания № 11. Подвести понятия текста на с. 220 [1] под философские категории: единство – многообразие, первичное – вторичное, целое – часть, причина – следствие, тождество. Примеры занести в таблицу.

Таблица 2

Философские категории	
Единство – многообразие	
Азотная кислота состоит из одного атома водорода и нитрат иона	Образует виды по % содержанию кислоты: разбавленная азотная кислота, концентрированная азотная кислота
Первичное – вторичное	
Оксид азота (IV)	Азотистая кислота, азотная кислота
Целое – часть	
Азотная кислота	Водород, нитрат-ион
Причина – следствие	
Если оксид азота имеет степень окисления + 1,	То такой оксид называется несолеобразующим
Если оксид азота (IV) реагирует с водой в присутствии избытка кислорода,	То образуется азотная кислота
Если оксид азота (IV) реагирует с водой без присутствия избытка кислорода,	То образуется смесь кислот – азотная и азотистая
Тождество	
Нитрат серебра	Ляпис

Задания № 12. Используя материалы текста на с. 223–224, заполните таблицу:

Название соли	Применение
Натриевая селитра, кальциевая селитра, аммиачная селитра	В качестве азотных удобрений
Калийная селитра	Для изготовления чёрного пороха
Аммиачная селитра	Для получения взрывчатого вещества аммонала
Нитрат серебра	В медицине как прижигающее средство

Примечание. Учитель предлагает обучающимся формат таблицы, которую они заполняют, прочитав текст параграфа.

Задания № 13. Используя текст на с. 223 и интернет источники, ответить на вопрос: почему нитраты солей получили название селитры?

Ответ. Селитра – тривиальное название для минералов, содержащих нитраты щелочных, ще-

лочноеземельных металлов (в том числе их кристаллогидратов) и аммония. Название, по всей вероятности, происходит от лат. sal nitrum.

Задания № 14. Выявить в содержании текста противоречия, сформулировать их, используя опорные конструкции карточки № 4 (см. Приложение).

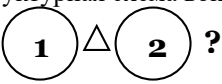
Ответы: все разбавленные кислоты не взаимодействуют с медью, однако азотная кислота реагирует с ней. Известно, что при взаимодействии кислот с металлами, одним из продуктов является водород, хотя азотная кислота реагируя с металлами, не образует водорода.

Таким образом, чтобы решить задачу повышения уровня читательской грамотности у обучающихся, учителям, преподающим различные пред-

меты, необходимо объединить свои усилия для организации на уроках целенаправленной деятельности по развитию читательской грамотности посредством работы как с художественными, так и научными текстами. Предложенные дидактические средства будут способствовать решению проблемы развития смыслового чтения, умений извлекать информацию из различных источников, структурировать её и усваивать в виде предметных знаний и т. д. [2, с. 10].

Приложение

Комплект карточек № 1–6 для структурирования предметного содержания и развития у обучаемых познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий [4, с. 206]

Карточка № 1 (вопрос-понятие)	Карточка № 2 (вопрос-суждение)																					
<ol style="list-style-type: none"> 1. Что называется...? 2. Что считается...? 3. Что понимается под...? 4. Что представляет собой...? 5. Что выражает...? 6. Что является...? 7. Что такое...? 8. Каковы свойства и виды...? 9. В чем заключается сущность...? 	<p>Структурная схема вопроса-суждения:</p> <p><i>Условные обозначения:</i> С — вопросительная конструкция или вопросительное слово 1 — первое понятие (субъект мысли – подлежащее суждения) △ связка между понятиями 2 — второе понятие (предикат мысли – сказуемое суждения)</p> <table style="width: 100%; border: none;"> <tr> <td style="border: none;">1. Чем объяснить, что...?</td> <td style="border: none;">}</td> <td style="border: none;">Структура</td> </tr> <tr> <td style="border: none;">2. Как доказать, что...?</td> <td style="border: none;">}</td> <td style="border: none;">Движение</td> </tr> <tr> <td style="border: none;">3. В каком случае...?</td> <td style="border: none;">}</td> <td style="border: none;">Развитие</td> </tr> <tr> <td style="border: none;">4. Когда...?</td> <td style="border: none;">}</td> <td style="border: none;">Взаимосвязь</td> </tr> <tr> <td style="border: none;">5. Каким образом...?</td> <td style="border: none;">}</td> <td style="border: none;"></td> </tr> <tr> <td style="border: none;">6. Вследствие чего...?</td> <td style="border: none;">}</td> <td style="border: none;"></td> </tr> <tr> <td style="border: none;">7. Почему...?</td> <td style="border: none;">}</td> <td style="border: none;"></td> </tr> </table>	1. Чем объяснить, что...?	}	Структура	2. Как доказать, что...?	}	Движение	3. В каком случае...?	}	Развитие	4. Когда...?	}	Взаимосвязь	5. Каким образом...?	}		6. Вследствие чего...?	}		7. Почему...?	}	
1. Чем объяснить, что...?	}	Структура																				
2. Как доказать, что...?	}	Движение																				
3. В каком случае...?	}	Развитие																				
4. Когда...?	}	Взаимосвязь																				
5. Каким образом...?	}																					
6. Вследствие чего...?	}																					
7. Почему...?	}																					
Карточка № 3 (сравнение)	Карточка № 4 (противоречие)																					
<ol style="list-style-type: none"> 1. По сравнению с ..., ... 2. Так же, как и ..., ... 3. Как ..., так и ... 4. Сравнимая ..., можно сказать, ... 5. Кроме ..., ещё ... 6. Помимо ..., ... 7. Больше, чем ..., ... (...больше, чем ...) 8. Не только ..., а (но) и... 9. Наряду с ..., ... 10. Если ..., то... 11. В отличие от ..., ... 	<ol style="list-style-type: none"> 1. ... что, а ... 2. ... тем, что ... 3. ... , хотя ... 4. ... не ..., но... 5. Если ..., то ... 6. ... тем, чем ... (чем ..., тем ...) 7. ..., несмотря на ... 8. ..., однако ... 9. ... не только ... 																					
Карточка № 5 (категории философии)	Карточка № 6 (умозаключение)																					
<ol style="list-style-type: none"> 1. Сущность — явление 2. Содержание — форма 3. Первичное — вторичное 4. Качество — количество 5. Общее — частное 6. Общее – особенное – единичное 7. Единство — многообразие 8. Причина — следствие 9. Целое — часть (часть — целое) 10. Пространство — время 	<p>Дедукция (от общего к частному)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Поскольку ..., 2. а ..., <p>Следовательно, ...</p> <p>Индукция (от частного к общему)</p> <p>Если <i>f</i> обладает свойством <i>d</i>, если <i>b</i> обладает свойством <i>d</i>, если <i>c</i> обладает свойством <i>d</i>, если <i>h</i> обладает свойством <i>d</i>, а <i>f</i>, <i>b</i>, <i>c</i>, <i>h</i> – ‘это <i>A</i>,</p>																					

11. Возможность — действительность 12. Необходимость — случайность 13. Историческое — логическое 14. Тождество 15. Конкретное — абстрактное 16. Доказательство — опровержение 17. Истина — заблуждение (ложь) 18. Сходство — отличие 19. Противоположности 20. Противоречие	Следовательно, все A обладают свойством d . Аналогия отношений 1. Если A есть B , то C есть D . (<i>вид – род</i>) 2. Если A имеет свойство B , то C имеет свойство D . (<i>понятие – его свойство</i>) 3. Если A имеет свойства h, a , то A является C . Если B имеет свойства c, f , то B является D . (<i>причина – следствие</i>) Аналогия свойств 1. Поскольку A имеет признаки a, b, c, d , 2. а B имеет признаки a, b, c , Следовательно (возможно), B имеет и признак d
--	--

Список литературы

1. Габриелян О.С. Химия. 9 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений /О.С. Габриелян. М.: Дрофа, 2013. 319 [1] с.
2. Глинкина Г. В. Развитие у обучаемых читательской грамотности средствами Способа диалектического обучения при изучении различных дисциплин: учебно-методическое пособие. – Красноярск: ККИПК, 2018. 196 с.
3. Ковель М.И. Развитие познавательных учебных действий на уроках химии и биологии: учебно-методическое пособие /М.И. Ковель. Красноярск: ККИПК, 2018. 156 с.
4. Ковель М.И., Глинкина Г.В. Применение критериальной системы оценивания учебных достижений обучающихся при реализации ФГОС на

основе Способа диалектического обучения: учебно-методич. пособие / М. И. Ковель, Г. В. Глинкина. Красноярск: ККИПК, 2017. 208 с.

5. Общая психология: курс лекций для первой ступени педагогического образования /сост. Е.И. Рогов. М.: ВЛАДОС, 1995. 448 с.

6. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской; сост. А.А. Князьков. М.: Флинта, Наука, 1998. 312 с.

7. Фундаментальное ядро содержания общего образования / под ред. В. Козлова, А.М. Кондакова. М.: Просвещение, 2011. 79 с.

8. URL: <https://ria.ru/society/20161206/1482946511.html> (дата обращения: 12.06.2016).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПОДРОСТКАМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Литвинова С.А.

ГБУСО НСО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Снегири», педагог-психолог

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF SOCIAL AND PEDAGOGICAL ACTIVITY WITH ADOLESCENTS IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS

Litvinova S.

Social rehabilitation center for minors «Snegiri», psychologist

Аннотация

В статье раскрыты социально-психологические особенности подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, научно обоснованы педагогические условия социально-педагогической помощи подросткам и проанализированы программы социально-педагогической деятельности с подростками в условиях социального реабилитационного учреждения.

Abstract

The article reveals the socio-psychological characteristics of adolescents in difficult situations, scientifically substantiates the pedagogical conditions of socio-pedagogical assistance to adolescents, and analyzes the programs of socio-pedagogical activity with adolescents in a social rehabilitation institution.

Ключевые слова: подростки, социально-педагогическая деятельность, трудная жизненная ситуация, педагогические условия.

Keywords: adolescents, social and educational activities, difficult life situations, pedagogical conditions.

Социально-экономические преобразования в нашей стране, нестабильность положения семьи, длительный экономический кризис приводит к тому, что всё больше людей сталкиваются с трудной жизненной ситуацией, т.е. с комплексом обстоятельств и условий, выходящие за рамки комфортных для человека, препятствующих полноценному функционированию личности на конкретном жизненном этапе.

С целью выявления наиболее эффективных средств помощи детям и подросткам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, необходимо детально разобраться в методологических и теоретических подходах исследования современного детства [4], подойти к исследованию проблемы комплексно [2]. Особое внимание необходимо обратить на положение подростков, оставшихся без родительской поддержки [3].

Невозможность преодоления трудной жизненной ситуации зачастую приводит к тому, что увеличивается количество бедных семей, увеличивается количество безработных, снижается общий уровень дохода семьи. Это в свою очередь приводит к таким психологическим негативным обстоятельствам, как увеличение агрессивности, снижению уровня эмпатии, сопереживания и сочувствия к другим людям.

Особое значение трудные жизненные ситуации имеют место в подростковом возрасте. Сталкиваясь с трудными жизненными ситуациями, подростки проявляют растерянность при изменении привычного уклада жизни, страх перед возможным усугублением ситуации. Зачастую подростки сжигаются с возникшими трудностями, считают происходящее нормой.

В результате подростки снижают активность, не могут определиться с целями, ценностями, интересами, снижаются их внутренние психологические ресурсы для противостояния ситуации. Подростки в силу психологической и социальной незрелости не могут самостоятельно справиться с возникшей трудной жизненной ситуацией. Им необходима помощь со стороны специалистов, осуществляющих социально-педагогическую деятельность.

Согласно Федеральному закону от 10.12.1995 N 195-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» в настоящее время создаются учреждения, в которых подростки, находящиеся в трудной жизненной ситуации, могут получать все необходимые им услуги. Также с целью совершенствования социально-педагогической деятельности с подростками, находящимися в трудной жизненной ситуации, разрабатываются федеральные программы, такие как «Десятилетие детства».

В соответствии с логикой исследования, сначала мы выяснили, кто такой в современной ситуации российского общества подросток, находящийся в трудной жизненной ситуации.

Отметим, что в основу психологической характеристики подростка, находящегося в трудной жизненной ситуации, будут положены общие законо-

мерности возрастного развития. Они являются базисом того, как обнаруживаются и проявляются особенности психологии трудной жизненной ситуации.

К моменту вступления в подростковый возраст учебная деятельность теряет свое ведущее значение в психическом развитии детей. Общение занимает ее место. То, что подросток терпит неудачи в коммуникации со сверстниками приводит к тому, что появляется внутренний дискомфорт, который восполняют никакие, как правило, объективно высокие показатели в других сферах жизни ребенка, подросткового возраста [4]. Субъективно общение воспринимается подростком, как нечто крайне важное; об этом говорят попытки ребят понять свои взаимоотношения со сверстниками и взрослыми людьми и пристальное внимание к формату общения. Становление ценностных ориентаций ребенка подросткового возраста, которые являются важным индикатором их социальной зрелости, берет свое начало именно в коммуникации со сверстниками. Так же, в общении со сверстниками получают удовлетворенность такие важные потребности ребенка подросткового возраста как желание лучше узнать себя и своего собеседника, стремление к самоутверждению среди сверстников, понять мир, окружающей его, отстаивать независимость в мыслях, действиях и поступках, проверить собственную смелость и широту знаний в отстаивании своего мнения, показать в деле такие личностные качества, как честность, сила воли, отзывчивость или суровость и прочее. Дети подросткового возраста, у которых по каким-то причинам не сложилось общение со сверстниками, довольно часто отстают в личностном возрастном развитии. Для взаимоотношений подростков характерно особое внимание к общению с представителями противоположного пола, наличие или отсутствие неформального общения с преподавателями и другими взрослыми.

Подростковый возраст — это кризис и этот кризис усугубляется, если подростки находятся в трудной жизненной ситуации. Трудная жизненная ситуация вносит свой дополнительный деформирующий компонент в развитие подростка. Причиной такой деформации выступает тот факт, что подросток вынужден тратить значительные силы на выживание, на разрешение проблем, связанных с витальными потребностями. Ему остается совсем немного сил на разрешение возрастных противоречий. Возрастные новообразования откладываются подростком на потом.

Сегодня термин «трудная жизненная ситуация» очень часто стал использоваться в области социальной помощи населению. «Трудная жизненная ситуация — это ситуация, объективно нарушающая социальные связи человека с его окружением и условия нормальной жизнедеятельности и субъективно воспринимаемая им как «сложная», вследствие чего он может нуждаться в поддержке и помощи социальных служб для решения своей проблемы».

Обычно трудная жизненная ситуация связана с умением приспособиться к ней, что является индикатором успешности преодоления трудной жизненной ситуации и дальнейшей социализации. В результате у человека может быть сформирована активная либо же пассивная жизненная позиция, что будет свидетельствовать об успешности приспособленности к условиям возникшей трудной жизненной ситуации.

Подростковый возраст является одной из самых сложных ступеней в жизни человека, когда усиливаются внутренние конфликты, идет поиск понимания со стороны окружающих людей, как со стороны сверстников, так и со стороны взрослых. В то же время ребенок подросткового возраста начинает по-другому смотреть на авторитет родителей и ищет новые примеры для подражания как правило весьма сомнительного свойства. Ребенок часто конфликтует и имеет девиантное поведение. Родители и учителя, которые заняты своими проблемами, редко уделяют должное внимание подрастающим детям, от этого дети большую часть времени проводят вне дома и школы в компании своих сверстников, которые так же обделены вниманием взрослых. Дети подросткового возраста, которые предоставлены сами себе, находят доступные развлечения. Именно в это время вырастает угроза употребления алкоголя и наркотиков, появления игровой зависимости, недостаточное знание правовой грамотности приводит к противоправному поведению и проявлению жестокости.

Базой нашего исследования является «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Снегири». СРЦН «Снегири» — это учреждение социального обслуживания Новосибирской области, осуществляющее профилактику безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, а также социальную реабилитацию детей и подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Ежегодно в Центре проходят реабилитацию 330 несовершеннолетних.

Основным направлением деятельности учреждения является профилактика безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, а также социальная реабилитация безнадзорных детей, детей, оставшихся без попечения родителей, а также детей, которые нуждаются в социальной помощи.

Учреждение создано для выполнения работ, оказания услуг в целях обеспечения реализации, предусмотренных законодательством РФ полномочий органов государственной власти Новосибирской области в сфере социальной защиты. Учреждение оказывает государственную услугу: социальное обслуживание безнадзорных детей, детей, оставшихся без попечения родителей, а также детей, нуждающихся в социальной помощи и (или) реабилитации. Потребители государственной услуги: несовершеннолетние от 3-х до 18 лет.

В качестве педагогических условий организации социально-педагогической деятельности с подростками в условиях реабилитационного центра мы использовали следующие:

- включение подростков в реализацию реабилитационной программы «Линия жизни»;

- включение подростков вместе с семьей в деятельность программы «Школа осознанного родительства».

«Линия жизни» — это программа, которая направлена на коррекцию отклоняющегося поведения подростков в условиях реабилитационного центра «Снегири». Сроки реализации программы: 3 месяца. Целевые группы программы: Подростки центра «Снегири» в возрасте от 12-17 лет:

- несовершеннолетние с девиантным поведением, нуждающиеся в особом контроле и воспитании;

- несовершеннолетние, совершившие правонарушения до достижения возраста, с которого наступает административная и уголовная ответственность;

- несовершеннолетние, условно-досрочно освобожденные от отбывания наказания, освобожденные от наказания вследствие акта об амнистии или в связи с помилованием;

- несовершеннолетние, осужденные за совершение преступлений небольшой тяжести и освобожденные судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия;

- несовершеннолетние, осужденные условно, осужденные к обязательным работам, исправительным работам или иным мерам наказания, не связанным с лишением свободы.

Анализ правонарушений подростков в нашей стране показывает, что определенная категория продолжает оставаться криминально активной частью населения, процент совершения несовершеннолетними противоправных деяний неуклонно растет. Отмечается рост насильственных и корыстных преступлений. Преступность несовершеннолетних все более приобретает организованный и групповой характер. К наиболее частым правонарушениям подростков можно отнести совершение краж, прогулы занятий в школе, употребление спиртного, хулиганство, грабежи, вымогательство.

Большое количество детей подросткового возраста совершают деяния опасные для общества до достижения возраста уголовной ответственности. Наблюдается высокий уровень противоправной активности детей, не достигших возраста 14 лет. Этот факт вызывает повышенную тревогу, так как лица, совершившие противоправное деяние в раннем возрасте, с возрастом значительно труднее поддаются исправлению и в итоге могут составить основной резерв для рецидивной преступности. Увеличение уровня подростковой преступности заставляет задуматься о необходимости пересмотра подхода к профилактической деятельности.

«Школа осознанного родительства» - это программа для кровных семей, нуждающихся в психолого-педагогической помощи и поддержке, которая функционирует в СРЦН «Снегири» с 2017 года при поддержке благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко в рамках проекта «Родной дом».

Целью мероприятия является профилактика социального сиротства. "Школа осознанного родительства организована как на базе Центра, где длительность обучения составляет 24 часа, так и имеет выездной характер работы на базе пансионата "Лесная сказка" в трехдневном режиме.

Деятельность ШОР позволяет повысить родительские компетенции, расширить спектр воспитательных стратегий, создать сообщество взаимной помощи и поддержки. Организованный, таким образом, процесс способствует формированию у ребенка положительного образа кровной семьи, повышению мотивации ребенка и родителей на восстановление детско-родительских отношений, осознанию родителями их возможности выполнять родительские обязанности и приводит к созданию наиболее эффективных условий для возвращения воспитанника из детского учреждения в семью.

Список литературы

1. Кон И.С. Психология юношеского возраста: (Проблемы формирования личности). Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. — М.: Просвещение, 1979. — 175 с.
2. Лаврентьева З.И. Комплексные исследования магистрантов как способ анализа многомерности современных социально-педагогических проблем детства // Сибирский педагогический журнал. 2019. №2. С.49-56
3. Лаврентьева З.И. Система работы с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, в современной России // Ученые записки. Вестник академии. 2018. Т. 10. № 2. С. 130-137.
4. Расчетина С.А., Лаврентьева З.И. Методологические основы исследования социальных проблем детства и способов их решения в процессе профессионального социально- педагогического образования // Социальная педагогика, №1, 2018. С. 29-37.

ETHICAL-DEONTOLOGICAL ASPECTS IN THE WORK OF A DENTIST

Mytchenok M.

*Higher State Educational Establishment of Ukraine
«Bukovinian State Medical University»,
Department of Pediatric Dentistry,
Associate Professor, Chernivtsi, Ukraine*

Sidash Yu.

*Ukrainian Medical Stomatological Academy,
The department of Therapeutic Dentistry,
Associate Professor, Poltava, Ukraine*

Mytchenok O.

*Higher State Educational Establishment of Ukraine
«Bukovinian State Medical University»,
Department of Therapeutic Dentistry,
Associate Professor, Chernivtsi, Ukraine*

Abstract

The article deals with the issues of ethics and deontology of a dentist under present-day conditions. A future dentist must understand social-humanitarian dimension of his mission – from professional level in dentistry to the principles of ethical and legal regulation of medical profession. The profession of a dentist is the one formed on the moral foundation, possessing moral values and filled with deep moral content. A student mastering the profession of a dentist should realize that ethical-deontological culture of a dentist is not a simple feature of his/her personality worth of respect, but a quality determining his/her professionalism.

Keywords: deontology, ethics, dentist.

Globalization and integration processes in the society, a dynamic development of medical technologies, world recognition of physical, moral and social health issues as the major parameters of social-economical maturity, culture and success of the state, social inquiry for the quality of medical services stipulate special requirements to professional work of medical staff on the whole and dentists in particular [5].

Achievements of current medicine have attained principally new quality substantially increasing efficacy of both diagnostics and treatment. In this respect deontological aspects have not only lost their topicality, but have become considerably important.

History of medicine has elaborated such kind of

phenomenon between a doctor and a patient when relations are filled with humane content – this is medical ethics and deontology. Medical ethics assumes a wide range of issues: relations of medical workers with patients, students, and themselves in their associations. In this respect medical ethics is closely connected with medical deontology assuming the norms of relations between a doctor and a patient mainly. In its historical formation and development deontology is completely obliged to the moral factors [4].

Ethics and deontology are integrated notions. They stipulate the role of ethical and moral standards in human life and activity.

Medical worker ethics has found its practical implementation in particular moral principles stipulating

doctor's attitude to sick persons during communication with them and their relatives. The whole moral-ethical complex is considered to be termed "deontology". Therefore, deontology is practical implementation of moral-ethical principles in the work of doctors and junior medical staff. It is the study of the nature of duty and obligation. Deontology is directed to the creation of maximum favorable atmosphere for effective treatment of patients [2].

Under present-day conditions a good doctor is not only a person who received a proper professional training, but is able to apply knowledge for the benefits of patients and keeps to the norms of medical deontology. It is a matter not only of a proper behavior of medical staff but also elimination of harmful consequences after inadequate activity of a medical worker [1].

Universal moral standards must be the highest for a modern doctor. Therefore, he/she cannot but follow the conceptions of moral and value character in the process of making a decision. The doctor moderates as an expert who on the basis of clinical data and examination findings makes the final diagnosis, explains to the patient everything concerning disease paying attention to patient's everyday problems [4].

During the first visit a doctor of any specialty has to come down the patient, remove emotional stress, target him/her to successful treatment, and inspire the hope in recovery. To solve this difficult task a complete contact and mutual understanding, patience, ability to listen to the patient, empathy with his sufferings are essential [1].

Formation of ethical-deontological principles and world outlook of a future doctor and foundations of his professional knowledge begins with the moment of entering a medical university. Implementation of principles of medical ethics and deontology into the educational process during practical classes and lectures is quite overcoming in case external environment of educational facilities and visual aids promote the formation of notion about doctor's position in the society, his professional duty, and they are associated with the requirements of continuous adherence to high ethical principles in the relations between a teacher and student, as well as students themselves.

Esthetically acceptable educational facilities, interesting lectures and practical classes play especially valuable educational role. Students should always feel the atmosphere of high medical culture. In their turn, teachers should watch over students in order they follow standards of medical ethics and deontology.

In addition to medial-biological and general training in the process of learning a future doctor should master the foundations of many medical subjects, be able to examine and treat patients on a high professional level. In their turn, patients require special attention, sympathy and ability to understand their worries. Professional training of a medical specialist requires from a person who decides to devote his life to medicine self-sacrifice and self-improvement, maximum efficiency of moral and physical energy, devotion to work, since human life and health, the most valuable things, are in the hands of doctors. In this respect, educational-professional work should be carried out with students both

during classes and after them for the whole period of studies at a medical university.

Meeting of students with their first patients is always an exciting event in their lives. A student tries to imitate his teacher in everything: the manner of speech, writing medical documents, carrying out various procedures and manipulations etc.

Student's appearance must meet the requirements and should not provoke a negative reaction on patient's part. Neat appearance is very important for a medical worker. Students must realize clearly that neat appearance, clean and ironed white gown and cap produce a favorable psychotherapeutic effect on the patient. These external attributes emphasize high humanity, pure thoughts and nobility of medical profession. During all the years of studies teachers are sure to form this idea in the consciousness of students.

Seeing a patient the student must keep to essential elements of communicative skills, that is, nice smile during first meeting and communication, greeting, introducing, formation of confidence, collecting anamnesis, substantiation of reasonability to conduct appropriate physical methods of examination, explaining the results of examination and planning the following actions, and completion of talk.

While talking with a patient a student must look into the patient's eyes and follow his facial expression. It promotes frank talk, and observation enables to foresee the most reasonable aspect for further communication. Familiarities are not allowed in communication with patients. Speech should be selective and questions regarding the facts of the matter.

A future doctor should master the art to listen to the patient. Certain tactfulness and patience are essential in order not to interrupt and listen to the end. Careful listening enables to understand patient's inner world with all his worries and anxiety, promotes to establish a good contact and mutual understanding.

Relations of a doctor with co-workers and whole medical staff are one of the most important parts of medical ethics requiring a lot of knowledge and training, proper behavior and self-control, good breeding and self-education. Rude manners, tactlessness, unfriendly relations between medical staff members are not acceptable inside the medical institution. Only the atmosphere of friendship, kindness, sympathy, concern and mutual support should be dominating. In other case you will fail to achieve effective psychotherapeutic effect on patients' minds [3, 4].

Nowadays the latest achievements of medical science and technology make us to consider traditional standards of medical deontology in a different way. The old link "doctor-patient" is changed into a new one "doctor-device-patient". Although the need of the patients themselves in attentive and tactful doctor's attitude, in his kind encouraging words has decreased. And the doctor must always remember it. Technological progress in medicine should not put the patient's personality into the background. Medicine was and will always be the medicine of personality, the medicine for the individual with rather complicated world outlook.

Confidence is one of the cornerstones in medicine. The patient will choose only the specialist he entrusted.

Doctor's contact with the patient is already the beginning of the therapeutic process. A doctor who is not entrusted with patient's confidence and who does not care about relieving patient's mental sufferings cannot treat. To gain the patient's confidence and prestige one should be good doctor. To be a good doctor one should not only increase professional knowledge but improve moral qualities as well (kindness and love for people). It must become a habit.

One of the main ethical and moral principles is keeping medical secrecy: the doctor does not have the right to disclose confidential information about his patient and express a doubt concerning the results of recovery. Medical secrecy is the information the doctor gets while performing his duties.

Ethical commitment of a dentist is to respect the patient's right to make a decision himself. At the same time, dentist's work is inevitably affected by such human factors as subjective opinion, fatigue, lack of time, errors of other people, technical failure etc. Today specific activity of a dentist includes a comprehensive implementation of bioethical principles: personal autonomy, privacy, written consent, dignity, voluntariness, vulnerability, justice. Patients want to believe that their doctor always makes a correct diagnosis and never makes an error in treatment, but sometimes it is not so. The combination of human relations and technological things increases probability of medical errors. Ethics requires from the doctor to inform his patient about his possible errors made in case they influence upon the patient's health. Open recognition and analysis of errors will benefit both the patient and dentist in practical work [4].

Thus, to make a brief summary of requirements fulfilled by the doctor is possible in three aspects: professional level, consciousness and kindness. Requirements for the patient are expressed in two words: respect and confidence.

Different deontological aspects are indicative of the fact that contemporary scientific-technical progress should not make a barrier between the patient and doctor. It must not transform into regress when the doctor does not see farther than a button on the equipment and is not aware of the patient's individuality.

Medical workers must know and always keep to the legal and moral standards ensuring professional perfection of work and its ethical-deontological direction. It is precisely this fact that will be the earnest of success of a modern doctor.

References

1. Kornaha S.I., Deneofil O.V., Mandzii Z.P. Etyka i deontolohiia v navchalnomu protsesi studentamedyka. Medychna osvita. 2013. № 4. S. 48-50.
2. Kuroiedova V.D., Kuroiedova K.L., Makarova O.M., Chykor T.O. Pytannia profesiinoi etyky ta deontolohii v diialnosti likaria-ortodonta. Materialy navch.-nauk. konf. Osnovni napriamky udoskonalennia pidhotovky medychnykh kadriv u suchasnykh umovakh (26 Ber. 2015, Poltava). Poltava: UMSA, 2015. S. 137-139.
3. Ostropolets S.S. Sovremennye aspekty medytsynskoi etyky y deontolohyy. Novosty medytsyny. 2009. № 15. S. 23-24.
4. Rybalov O.V., Lytovchenko I.Iu., Kolomiets S.V., Prochankina V.L. Deontolohiia i profesiina etyka v diialnosti likaria-stomatoloha. Ukrainskyi stomatolohichnyi almanakh. 2018. № 2. S. 37-40.
5. Semenoh O. Formuvannia profesiinoi etyky maibutnoi medychnoi sestry u vymirakh pedahohichnoi dii: monohrafiia. Cherkasy: Chobanenko Yu.A., 2014. 304 s.

DISTANCE LEARNING AS AN INTEGRAL ATTRIBUTE OF MODERN EDUCATION

Mytchenok M.

*Higher State Educational Establishment of Ukraine
«Bukovinian State Medical University»,
Department of Pediatric Dentistry,
Associate Professor, Chernivtsi, Ukraine*

Abstract

The present article deals with implementation of distance education in modern education system. Different models and technologies of distance learning are considered by the author.

On the basis of the analysis of a significant source base, we can state that in the system of distance learning the defining methods of managing educational activities and methods of teaching are software and hardware that operate on the basis of ICT, communication networks and systems, and are used by the subjects of the educational process under the direction of a teacher.

Keywords: distance learning; innovative education; information and communication technologies.

The National Strategy for Education Development in Ukraine states that informatization of vocational education, formation, and implementation of information educational environment, development of pedagogical software, creation of distance educational systems, and access to world information resources are important conditions for its modernization.

The rapid development contributes to the modernization of the modern educational system. Modern distance education is an extensive system of knowledge transfer at a distance using a variety of tools and technologies which facilitate the students with the necessary information for usage in practical activities. Remote learning is widespread in many countries and

every year its popularity is growing rapidly. For example, in the United States and Canada as an alternative to traditional training created virtual universities, where every student can get an education using basic remote courses provided by any University. In Europe, open universities of, distance education were established, then there is a group of educational institutions implementing remote programs. Methods of such training include the use of new information technologies, including satellite television, computer networks, multimedia, etc [4].

Today, in medicine, an alternative form of acquiring knowledge is distance learning, which is becoming more widespread. It is a new organization of the educational process based on the usage of the best traditional teaching methods and new information and telecommunication technologies. In the age of Internet technology, many aspects of our lives are transferred to the network, thereby accelerating the pace of development of the information society. Medical education is no exception. In conditions of economic relations and fierce competition in the labor market, knowledge, skills, and experience are of particular importance. The specialist of the XXI century is a person who is fluent in modern information technologies, constantly raises and improves his professional level. The acquisition of new knowledge and skills significantly expands the possibilities of self-realization and promotes career growth [3].

The computerization of education has long been a major innovation in educational institutions for a long time. At present, a large number of scientific studies are devoted to improving the quality of education and the introduction of the latest information and computer technologies in the educational process [5].

Distance learning is a form of organization of the educational process and pedagogical technology, the basis of which is the managed independent work of students and the wide application of modern information and communication technologies in teaching. The main purpose of distance learning of students is the education of a person who has the desire and ability to communicate, learn, and self-educate [4].

Examining the interpretation of the definition of "distance learning", we can identify several complementary definitions:

- distance learning is a form of education, which is primarily based on the principles of self-study and allows to maintain a dialogue with the teacher through telecommunications, despite the distance from the teacher not only in space but also in time;

- distance learning is a form of education that, thanks to information technology, allows students not only to conduct independent work on the assimilation of educational material but also to assess the knowledge and skills acquired in the learning process;

- distance learning is a new promising form of part-time learning using the latest information technologies;

- distance learning is a set of technologies that provides interactive interaction of listeners (students) and teachers in the learning process.

Thus, we can say that distance learning is a form of continuing education, which is designed to realize the human right for education and information, as well as the acquisition of knowledge and skills through the connection of information and learning, including all technologies and other forms of learning at a distance. This is a form of education based on the use of information transmission media (information and communication networks, television, mail, radio) and teaching methods that depend on the technical environment of information exchange [5].

Distance learning involves the following means: providing educational material to the student; student performance monitoring; student consultations by the program-teacher; interactive cooperation between teacher and student; the ability to quickly add new information to the course, error correction.

The consequence of the process of informatization of society and education was the emergence of distance learning as the most promising, humanistic, integrative form of education, focused on the individualization of learning.

Prerequisites for the development of distance learning are: the rapid development of information technology, a significant deepening of the introduction of information technology in educational practice, the significant spread of computer technology among the population.

Distance learning is also defined as "the technology of acquiring knowledge through telecommunications when the interaction of the learner and the teacher takes place at a distance." In distance learning, the role and requirements for teachers are changing. Teachers of distance courses must have universal training: to have modern pedagogical and information technologies, to be psychologically ready to work with students in a new educational and cognitive environment. And students feel an integral part of the team, which increases motivation to learn. Teachers must have methods of creating and maintaining a learning environment, develop strategies for this interaction between participants in the learning process, increase creative activity, and their own skills.

In the West, this form has been used for a long time and is widely popular with students because of its economic performance and educational efficiency. Distance learning is also called "lifelong learning". Due to the need to improve skills or expand the scope of activities, many need to quickly and efficiently acquire new knowledge and skills. It is then that distance learning can become the optimal form. It enables people to obtain a proper education without spending much time [3].

The list of benefits of distance learning, proven by research, is quite large. Among them are:

1. Relevance, which involves the use of the most modern means to obtain information, ICT, and Internet capabilities.

2. Relatively large amounts of information that can be obtained in terms of distance learning in a shorter time.

3. Convenience, in which each student has the opportunity to choose their own rhythm and mode of

obtaining knowledge in a comfortable environment for him, which will positively affect the learning process.

4. Individualization, which allows each student to coordinate learning with their needs.

5. Accessibility, which saves time and provides free access to educational materials.

6. Flexibility, which provides the opportunity to teach the material in accordance with the level of preparation and basic knowledge of students, creating additional sites with the necessary information and sites where students can share information, answer each other's questions and learn by teaching others.

7. The absence of geographical barriers, which eliminates the need for expensive relocation and residence in other countries, and instead provides the opportunity to communicate with teachers and students around the world without restrictions [2].

However, the distance learning system also has its drawbacks.

First, for successful learning correction and adequate assessment, it is important to have direct contact with the student. In addition, it is impossible to accurately verify whether that person is working, performing a task, or doing it by someone else. Therefore, the final quality control of knowledge is still not accurate. In addition, not all localities have access to the Internet. And most importantly, in distance learning, direct contact between teacher and student is lost. With long-term distance learning, the student ceases to properly formulate their thoughts, express themselves, and hold a discussion. However, this form of education requires a conscious and motivated approach to education. The opportunity to learn at a convenient time may not become systematic learning, but constant procrastination of this activity. That is why the remote form requires special self-organization and the ability to calculate their time [6].

Technology for distance learning consists of pedagogical and information technologies.

Characteristic features of distance learning:

- flexibility – the students, the students receiving distance education, most do not attend regular classes and study at a convenient time and location;

- modularity – the basis for the distance education program uses a modular principle; each individual course creates a holistic view of the individual subject area, which allows a set of independent courses-modules to form a curriculum that meets individual or group needs;

- parallel training is carried out simultaneously with professional work (or training in the other direction), that is, without interruption of production or other activity;

- large audience – simultaneous treatment of many sources of educational information a large number of students and trainees, communication by means of telecommunication communication of students among themselves and with teachers;

- cost-effective usage of training space and technical resources, concentrated and unified view of information use and development of computer simulation should lead to cost reduction on the training of specialists;

- the adaptability to the use in the educational process of new information technology that contributes to the entry of a person into the world information space;

- social equality – equal opportunities of education regardless of the place of residence, health status and social status;

- internationality – the opportunity to receive education in educational institutions of foreign countries without leaving their country and to provide educational services to foreign citizens and compatriots living abroad;

- the new role of the teacher – distance learning expands and updates the role of the teacher, makes him a coach-consultant who shall coordinate the educational process, constantly improve the discipline that he teaches, increase creativity and skills in accordance with the changes and innovations;

- a positive effect on the student improving the creative and intellectual potential of a person, receiving distance education, at the expense of self-organization, the pursuit of knowledge, the use of modern information and telecommunication technologies, the ability to independently make responsible decisions;

- quality – the quality of distance education is not inferior to the quality of full-time education, because for the preparation of teaching aids the best teaching staff is involved and the most modern teaching materials are used; provides for the introduction of specialized quality control of distance education in accordance with its educational standards [1].

Thus, given the guidelines for the development of education in Ukraine, the benefits of distance learning, possible obstacles in the organization and implementation of such an educational process, we can conclude that distance learning in schools is not just a fashion cry of the XXI century, and need and inevitability. To do this, it is necessary to provide information and methodological educational base and train highly qualified specialists to implement the distance learning process. Today, distance education is developing, improving and covering different groups of the population, because modern learning is characterized by a paradigm – to learn throughout life, which in turn leads to a new leap in education in health care in many countries and in Ukraine in particular.

References

1. Andrusenko N.V. Dystantsiine navchannia v Ukraini. Materialy mizhvuzivskoho vebinaru. Dystantsiine navchannia yak suchasna osvittia tekhnolohiia (31 Ber. 2017, Vinnytsia). Vinnytsia: VTEI KNTEU, 2017. S. 7-9.
2. Blazhko O.O., Kostunets T.A. Suchasni tendentsii rozvytku dystantsiinoho navchannia studentiv u VNZ. Materialy mizhvuzivskoho vebinaru. Dystantsiine navchannia yak suchasna osvittia tekhnolohiia (31 Ber. 2017, Vinnytsia). Vinnytsia: VTEI KNTEU, 2017. S. 10-11.
3. Bobyrova L.Ie., Muravlova O.V., Dvornyk I.L., Ilchenko V.I., Pikul K.V., Prylutskyi K.Iu. Dystantsiine navchannia – nova orhanizatsiia osvittioho protsesu v medytsyni. Materialy nauk.-prakt.

konf. Udoskonalennia yakosti pidhotovky likariv u suchasnykh umovakh (24 Ber. 2016, Poltava). Poltava: UMMA, 2016. S. 28-29.

4. Datsenko H.V., Suzanska Z.V. Dystantsiine navchannia yak zasib stymulivannia samoosvity. Materialy mizhvuzivskoho vebinaru. Dystantsiine navchannia yak suchasna osvithnia tekhnolohiia (31 Ber. 2017, Vinnytsia). Vinnytsia: VTEI KNTEU, 2017. S. 17-20.

5. Morozova L., Morozova O. Dystantsiine navchannia na suchasnomu etapi, novitni tekhnolohii vykladannia movnykh ta pryrodnychkh dystsyplin u vyshakh. Teoriia i praktyka vykladannia ukrainskoi movy yak inozemnoi. 2014. № 10. S. 52-59.

6. Vlasenko I.H. Vprovadzhennia dystantsiinoho navchannia – vymoha suchasnosti. Materialy mizhvuzivskoho vebinaru. Dystantsiine navchannia yak suchasna osvithnia tekhnolohiia (31 Ber. 2017, Vinnytsia). Vinnytsia: VTEI KNTEU, 2017. S.12-14.

ЭРГОНОМИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ТРЕНИРОВОЧНОЙ МАСКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ВЫНОСЛИВОСТИ

Букреева Н.О.

Студент,

Направление подготовки 49.03.01 Физическая культура

Профиль подготовки: Спортивная тренировка в избранном виде спорта. Велоспорт, кандидат в мастера спорта.

Овчинников Ю.Д.

Кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Биохимии, биомеханики и естественнонаучных дисциплин»

Тарасенко А.А.

Кандидат педагогических наук, профессор, Первый проректор - проректор по учебной работе, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма Россия, г. Краснодар

ERGONOMIC PROPERTIES OF THE TRAINING MASK FOR THE DEVELOPMENT OF ENDURANCE

Bukreeva N.

Student,

Training direction 49.03.01 Physical culture

Training profile: Sports training in your favorite sport. Cycling, candidate for master of sports.

Ovchinnikov Yu.

Candidate of technical Sciences, associate Professor, associate Professor of " Biochemistry, biomechanics and natural science disciplines"

Tarasenko A.

Candidate of pedagogical Sciences, Professor, First Vice-rector-Vice-rector for academic Affairs, Kuban state University physical culture, sports and tourism Russia, Krasnodar

Аннотация

В статье рассматриваются эргономические свойства тренировочной маски для развития выносливости в учебно-тренировочном процессе спортсмена. Тренировочная маска выступает технологическим приспособлением для развития дыхательных мышц и легких. Принцип состоит в адаптации организма к стрессу. Одно из преимуществ маски состоит в том, что маска создает стрессовую ситуацию, организм адаптируется и показывает лучшие результаты уже без маски.

Abstract

The article discusses the ergonomic properties of the training mask for the development of endurance in the training process of an athlete. The training mask acts as a technological device for the development of respiratory muscles and lungs. The principle is to adapt the body to stress. One of the advantages of a mask is that it creates a stressful situation, the body adapts and shows better results without the mask.

Ключевые слова: эргономические свойства товара, эргономическая биомеханика, физические качества.

Keywords: ergonomic properties of the product, ergonomic biomechanics, physical qualities.

Проблема выносливости в спорте выполняет практическое назначение в выстраивании учебно-тренировочных методик и анализа прошедших соревнований (Бибяев В.Н.; Махов В.И.; Рахматова Д.Н.) [1, 10, 11]. Выносливость в понятийном смысле обладает физическими качествами и биомеханическими свойствами индивидуального организма (Волков Н.И., Волков А.Н.; Собянин Ф.И., Трусова О.В.) [2, 13]. Сложно определить пределы выносливости, которая представляет собой проведение многофакторного научного анализа [12]. Критерием повышения выносливости может выступить эргономо-технологические факторы спортивного оборудования [7].

Эргономическая биомеханика в спорте выступает компенсирующим фактором позволяющим человеку сохранить свой физический и психоэмоциональный ресурсы. Правильно подобранное тренировочное снаряжение позволяет снизить затратность усилий, таким образом, органы человека используют свой ресурс, с меньшим расходом энергии.

Цель научно-прикладного исследования - рассмотреть эргономические свойства тренировочной маски для развития выносливости. Данный аспект в научной литературе не достаточно изучен и представляет научную и практическую значимость для совершенствования учебно-тренировочного процесса [8].

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Букреева Наталья Олеговна, студентка факультета спорта Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, избранного вида спорта «Велоспорт», изучая предмет «Биомеханика двигательной деятельности» провела автоэксперимент по выявлению эргономических свойств тренировочной маски для развития

выносливости. Способствует ли тренировочная маска развитию выносливости, с учетом факторов эргономической биомеханики.

Студенты Вузов спортивного профиля не изучают эргономическую биомеханику отдельным курсом. Эргономическая биомеханика может быть представлена студенту как научно-исследовательское прикладное направление с целью более расширенного понимания сути предмета в логико-компетентностном подходе теории и практики, а также выстраивания структурно-дифференцированного подхода в учебном процессе в соответствии с новыми требованиями ФГОС [5].

Для более четкого понимания свойств эргономики и единой системы биомеханики выделим следующие параметры для исследования.

Эргономические свойства тренировочной маски (рис.1).

Визуальные исследования показали, что тренировочная маска имеет структурную схожесть с респиратором, в котором установлены специальные клапаны для дыхания – два входных (по бокам маски) и один выходной (расположен по центру). Респиратор прочно крепится на лице с помощью широких ремней, которые плотно охватывают голову и фиксируются на затылке с помощью липучек. Маска изготовлена из синтетических материалов: полиэстер, неопрен, эластан. В комплекте идут сменные клапаны с разной пропускной способностью. Принцип работы маски аналогичен противогазу, без очищения воздуха.

В новых моделях тренировочных масок ограничение воздуха регулируется прямо на маске без смены клапанов. Это удобно, когда занятие проходит циклами, а для восстановления между подходами нужно открывать доступ к кислороду.

Рис.1. Тренировочная маска: устройство и внешний вид

Выявление фактора функциональности гипоксической маски.

По мнению создателей, использование маски имитирует тренировку в высокогорье. Следует заметить, что высоко в горах у человека наблюдается эффект кислородного голодания. После тренировок в таких условиях организм адаптируется, что вызывает значительный прирост выносливости после спуска с гор. Для этих целей йоги занимаются развитием дыхания на протяжении многих лет, а профессиональные спортсмены специально выбирают на высокогорье, создавая стрессовую нагрузку на организм.

Тренировочная маска создает сопротивление воздуха, а именно во время вдоха входные клапаны ограничивают поступление воздуха, поэтому в ней придется дышать с напряжением. Клапаны респиратора не дают сделать неглубокие и быстрые вдохи – выдохи. Следует отметить, что тренировки в маске существенно сокращают время занятий. К примеру, двадцатиминутная тренировка по своей интенсивности приравнивается к целому часу работы.

Анализ тренировки маски на уровне высокогорья показывает следующую ситуацию.

В реальности система клапанов лишь затрудняет дыхание, но она никак не может уменьшить атмосферное давление и содержание кислорода во вдыхаемом воздухе. Специалисты отмечают, что маска усложняет тренировки, но с тренировками в горах не существует ничего общего. Маска провоцирует дыхательные мышцы работать мощнее.

В высокогорье (около 3000 м) содержание кислорода в воздухе понижается с 21% до 12-14%. В результате развивается капиллярная сеть в мышцах и повышается кислородная емкость крови (способность усваивать больше кислорода)[4]. В итоге растет показатель максимального потребления кислорода (МПК).

Тренировочная маска сокращает содержание кислорода лишь на 2%, что не может нести существенного эффекта. Те же исследования показали значительное улучшение легочной вентиляции, объема легких и укрепление дыхательных мышц.

Так как в Краснодарском крае преимущественно равнинная местность, и нет высокогорной, то для большего развития выносливости, которая является ведущим физическим качеством в велосипедном спорте, приходится использовать гипоксическую маску. Она используется для получения тренировочного эффекта как в горах и высокогорьях. В большей части, к её использованию мы обращаемся в период подготовки к спортивному сезону (ноябрь-февраль), когда основными средствами тренировки являются общие физические упражнения, беговые упражнения.

Основной проблемой является то, что при всех преимуществах маски, она все равно не заменит тренировки в горах и высокогорьях, что является минусом для развития общей и специальной выносливости, в то время, как команды, проживающие в предгорьях имеют несомненное преимущество за счет природных факторов[6,9].

Тренировочная маска выступает эргономико-техническим прибором для развития дыхательных мышц и легких. Принцип состоит в адаптации организма к стрессу. Маска создает стрессовую нагрузку, организм привыкает к создавшейся стрессовой ситуации.

Эргономические свойства тренировочной маски показывают спортсмену его физическое состояние в учебно-тренировочном процессе:

- увеличение объема легких;
- укрепление дыхательных мышц;
- укрепление диафрагмы;
- улучшение легочной вентиляции.

В процессе проведения исследования были выявлены отрицательные факторы, о которых не сообщается производителем в инструкции по использованию. А именно:

- не имитирует условия высокогорья;
- не повышает МПК;
- усвоение кислорода мышцами не прослеживается;
- для начинающих спортсменов представляет опасность в силу неподготовленности организма.

В новых моделях тренировочных масок ограничение воздуха регулируется прямо на маске без смены клапанов. Это удобно, когда занятие проходит циклами, а для восстановления между подходами нужно открывать доступ к кислороду.

ВЫВОДЫ:

1.Начинающему спортсмену от тренировочной маски лучше отказаться. Организм не адаптирован к физическим нагрузкам. Начинать усложнять свои тренировки стоит только спортсменам со стажем – от 1 года регулярных занятий по 3-4 раза в неделю. Следует учитывать важный фактор – переносимости нагрузки. А именно темп движений и частота дыхания при, например при тренировочном беге 10,15,20 км (Ворошин И.Н., Ахметов И.И., Астратенкова И.В.; Сячин В.Д)[3, 14].

2.Использование маски в тренировочном процессе показывает особенности ее использования с учетом самочувствия организма.

3.Маска подходит для разных видов спорта, где требуется выносливость: кроссфит, бег, фитнес, боевые виды спорта. В каждом из этих видов спорта в тренировочном процессе важен фактор выносливости.

4.Не следует использовать маску на каждой тренировке. Оптимально тренироваться в маске раз в неделю, чтобы организм успевал восстанавливаться.

5.Необходимо привыкать к маске постепенно избегая интенсивных нагрузок, иначе в организме могут произойти побочные действия: тошнота и головокружение.

6.Сложным и важным биомеханическим фактором является разработка контроля дыхания, с установкой ритма дыхания. Маску, возможно, использовать в различных видах спорта, с разной интенсивностью физических нагрузок, но целесообразно понять комфортность тренировок в маске или

организм воспринимает ее как непонятные и неприятные ощущения. Эргономичность - свойство комфорта и удобства для человека не только на психологическом, но и физическом уровне в определенном месте и определенный момент времени.

Список литературы

1. Бибяев В.Н. Технология применения индивидуального подхода к развитию физической выносливости у курсантов Вуза ВДВ//Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2009. № 5 (51). С. 15-19.
2. Волков Н.И., Волков А.Н. Физиологические критерии выносливости спортсменов//Физиология человека. 2004. Т. 30. № 4. С. 103-113.
3. Ворошин И.Н., Ахметов И.И., Астратенкова И.В. Ассоциация полиморфизмов генов с уровнем развития специальной выносливости у бегунов на 400 метров//Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2007. № 3 (25). С. 9-15.
4. Дашинобоев В.Д., Федотова Н.Ю. Совершенствование скоростной выносливости легкоатлетов в условиях среднегорья//Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2008. № 3 (37). С. 36-39.
5. Доронин А.М., Козлов И.С. Об уровне общей выносливости у студенток и его динамике в течении учебного года//Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2007. № 10 (32). С. 29-32.
6. Замчий Т.П., Салова Ю.П., Корягина Ю.В. Особенности региональной гемодинамики спортсменов, развивающих выносливость, силу и силовую выносливость//Лечебная физкультура и спортивная медицина. 2012. № 7 (103). С. 23-27.
7. Кичаев П.Е. Влияние предварительного неупругого деформирования на выносливость деталеи с концентратором напряжений//Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Физико-математические науки. 2003. № 19. С. 173-176.
8. Козлов И.С. Методика развития общей выносливости у студенток не физкультурных Вуз//Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2008. № 9 (43). С. 30-33.
9. Кузнецов И.А. Физическая выносливость как фактор повышения неспецифической устойчивости личного состава к жаркому климату//Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2006. № 22. С. 15-20.
10. Махов В.И. Экспериментальное обоснование методики развития специальной выносливости туристов-многоборцев на этапе углубленной специализации//Культура физическая и здоровье. 2011. № 5. С. 53-55.
11. Рахматова Д.Н. Развитие общей выносливости у легкоатлетов 10-12 лет//Педагогические науки. 2010. № 4 (43). С. 62-63.
12. Сейфулла Р.Д., Орджоникидзе З.Г., Ким Е.К., Куликова Е.В. Фармакологические маркеры при тестировании кардиологической выносливости в спорте//Российский кардиологический журнал. 2006. Т. 11. № 5. С. 88-92.
13. Собянин Ф.И., Трусова О.В. Исследование взаимосвязи между индивидуально-типологическими особенностями и развитием выносливости старших школьников//Культура физическая и здоровье. 2008. № 4. С. 31-33.
14. Сячин В.Д. Особенности спортивного отбора юных легкоатлетов, специализирующихся в беге на выносливость//Теория и практика физической культуры. 2012. № 7. С. 57.

PREPARATION OF FUTURE TEACHERS OF PHYSICAL CULTURE FOR SELF-EDUCATIONAL ACTIVITY AS A PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEM

Pidhirnyi O.

*Postgraduate Student of the Department of Pedagogy
State Institution "South Ukrainian National*

Pedagogical University named after K.D. Ushynsky", Odesa, Ukraine

Abstract

The article presents the analysis of the scientific foundation on the problem of preparation of future teachers of physical culture for self-educational activity. The purpose of the study was to conduct a terminological analysis of the problem of preparing future physical education teachers for self-educational activities. The contents of the basic concepts are defined: self-education (independent cognitive activity of a person, aimed at achieving certain personally-meaningful educational goals; satisfaction of cultural inquiries, cognitive interests in any field of activity, professional development) and self-education competence (the ability to learn throughout life, the basis of lifelong learning in the context of both personal and professional life).

The content of self-education competence consists of the following features: understanding of one's needs based on introspection, self-knowledge, self-accounting of strengths and weaknesses of one's activity; organizing your own knowledge, finding connections, gaps; the ability to develop their own self-education program, taking into account their own and society's needs; critical attitude to any information received, developing one's own position in the process of knowledge acquisition; flexibility of application of knowledge, ability, skills in the conditions of fast changes, search of non-standard solutions on the basis of self-acquired knowledge; ability to solve professional problems on the basis of self-acquired knowledge; availability of information culture (ability to work with information: to select, process, store and use information effectively); organization of own training methods; presentation, justification and protection of the result obtained in the process of self-education; ability to cooperate with others on the basis of dialogue, make decisions on the basis of cooperation, tolerant attitude to the opposition

view; ability to use new information and communication technologies; the formation of the installation on the social responsibility of the person in front of themselves, society, cultural environment; focus on constant self-development, self-change, ability to overcome difficulties, uncertainty; adequate assessment of the value of the acquired knowledge in one's own activity; responsibility for the organization and planning of self-education; constant self-analysis and self-control over self-educational activity; ability to correct, improve the results of self-education.

Keywords: self-education, self-educational competence, self-educational activity of physical education teacher.

At the present stage of transformational restructuring of the system of professional pedagogical education in Ukraine there is a contradiction between the traditional preparation of future teachers for professional self-educational activities and the new requirements of society to graduates of pedagogical educational institutions, who must be ready for the active independent using of knowledge and acquired information in complex socio-pedagogical conditions. The latter determines the generalization of theoretical and practical experience in the preparing of future specialists for professional self-educational activities and requires updating the theoretical and methodological principles on the identified problem. The issue of preparing future teachers for self-educational activities is not new for scientific and pedagogical research. This problem was studied by M. Rogozina, N. Sydorchuk, O. Spivakovska.

However, the role of self-educational activity in the system of professional qualities of a specialist in physical culture and sports is insufficiently highlighted.

The purpose of the article is to carry out a terminological analysis of the problem of preparing future physical education teachers for self-educational activities.

Presentation of the main material of the article.

According to N. Shehekotilina, a physical education teacher is a specialist with basic special education, which allows him to carry out professional and pedagogical health activities at a high methodological and scientific level, in accordance with the programs and methods of physical education, using the most effective methods, techniques and teaching aids, taking into account the preparedness, individual, psychophysical, emotional characteristics of students. These aspects of the professional activity of a physical education teacher require a constant increase in professional knowledge, skills and abilities, the acquisition of various types of integrated competencies, which is ensured by the ability to self-education.

Methodological guidelines for the development of the problem were aptly defined by M. Rogozina, noting that the essence of self-education of future teachers is determined by methodological regulations, which are formulated on the basis of personality-oriented and holistic approaches: humanization of vocational education requires the creation of conditions for the transformation in the minds of the future specialist of the professional values in the personal; in the structure of professional consciousness of the individual emotional, not rational component occupies a leading place; not only professional values, but also the values of the theory and technology of self-education should grow for future professionals into personal ones; self-educational

activity is a systemic whole, and therefore, its organization must be built on a holistic basis, take into account the unity and interpenetration of all its aspects, goals, content components, methods, forms and means and to be adequate to the needs of development (general and professional) of all spheres of the student's personality as a whole. Based on the results of the analysis of modern research on the problems of synergetic by M. Rogozina the possibility to use the synergetic approach as one of the methodological principles of the organization of self-educational activity is considered.

Note that in the "Encyclopedia of Education" self-education is interpreted as an independent cognitive activity of a person, aimed at achieving certain personally significant educational goals; satisfaction of general cultural needs, cognitive interests in any field of activity, professional development, etc.

The well-known Ukrainian scientist S. Honcharenko noted that self-education is education that is acquired in the process of independent work without passing an independent course of study in a stationary educational institution. Self-education, the author continues, is an integral part of systematic training in stationary institution, contributing to the deepening and expansion and stronger assimilation of knowledge. The main means of self-education, the scientist concludes, is the independent study of literature, and the media are also sources of self-education. Self-education skills are formed by the school.

I. Zimnya was one of the first in pedagogical science to use the concept of "self-educational competence". The scientist understands this concept as the ability to learn throughout life, the basis of lifelong learning in the context of both personal professional and social life. The content of this ability, according to the researcher, includes: the need for self-development; ability to build a personal life strategy; unity of intellectual development with the formation of personality; the ability to cope with the contradictions and uncertainties of their life experience; ability to independently control the course of their intellectual development; to achieve the heights of professionalism and creativity; expansion, increase of the accumulated knowledge and their structuring; mastering the culture of the native language; adequate value of taking into account in self-development of results and preservation of new perspective tasks.

N. Dovmantovych aptly noted that the path of formation of competencies, in particular self-education, is quite difficult. And this path begins in practical classes, where activity is formed in the process of performing such tasks, that require the application of acquired knowledge to master skills and abilities, demonstrating to students the importance of this knowledge in life and

practice. In the study of general pedagogical disciplines, the scientist emphasizes, about 40% of teaching hours are provided for independent extracurricular work of students. Properly organized independent work of students, continues N. Dovmantovych, promotes the development of their thinking, observation, equips them with the ability to apply theoretical knowledge in practice, develops their creative powers. In the educational process, independent work is aimed mainly at the random memorization of students learned concepts and their application in order to consolidate the relevant skills, the author emphasizes.

According to N. Sidorchuk, the problem of self-educational activity covers a wide range of issues. However, the problem of organizing self-educational activities of students of pedagogical educational institutions and the factors influencing its dynamics is practically undeveloped and requires a comprehensive study, as well as the creation of a qualitatively new model of the educational process (pedagogical technology), which would correspond new social, educational, cultural and educational trends, increase the level of professionalism and competence, social responsibility, the formation of universal values of future teachers.

According to the scientific position of N. Samaruk, personal self-education goes through several stages during your life. At the initial stage (self-education of schoolchildren) of its development, self-education is a situational, spontaneous, unconscious activity that arises on the basis of reflex. Self-education is unfocused, unsystematic in nature and the subject of learning is often not aware of and is not controlled. At the second stage (self-education of students) self-education is characterized by external motivation, motivated by the requirement of the teacher or the need to practice professional activities. In the future there is an increase in subjectivity, purposefulness of self-educational activity, its self-management; it acquires the features of activity. At the stage of self-educational activity (self-education of specialists in various fields of activity) the process of cognition becomes completely independent, there are both self-control and internal motivation of the cognitive process. Such self-educational activity is also in the process of development, the indicator that characterizes the transition of self-educational activity from one level to another is motivation, the author concludes.

Researcher N. Bukhlov sees the internal structure of self-educational competence as a combination of the following components: understanding of own needs on the basis of self-analysis, self-knowledge, self-accounting of strong and weak features of the activity; organizing their own knowledge, finding connections between them, gaps; ability to develop their own program of self-education taking into account their own needs and the needs of society; critical attitude to any information received, developing one's own position in the process of acquiring knowledge; flexibility of application of knowledge, abilities, skills in the conditions of fast changes, search of non-standard decisions on the basis of independently acquired knowledge; ability to solve professional problems on the basis of self-acquired knowledge; availability of information culture

(ability to work with information: to select, process, store and productively use information); organization of own teaching methods; presentation, substantiation and defense of the result obtained in the process of self-education; ability to cooperate with others on the basis of dialogue, to make decisions on the basis of cooperation, to be tolerant of the opposition view; ability to use new information and communication technologies; the formation of the attitude to social responsibility of person to yourself, society, cultural environment; focus on constant self-development, self-change, ability to overcome difficulties, self-doubt; adequate assessment of the importance of acquired knowledge in their own activities; responsibility for the organization and planning of self-education; constant self-analysis and self-control over self-educational activities; ability to adjust, improve the results of self-education.

According to M. Rogozina, the degree of self-worth of knowledge of the future teacher depends on: a) the teacher's ability to create conditions for the emotional experience of the future specialist of the content of specific scientific, educational or methodological work relevant to his professional development; b) the student's ability to form their own thoughts and express their own feelings about certain provisions of the author of the work, to systematize these principles, to find in a particular work logical connections between different concepts, ideas, its structural elements; c) the presence in higher education institutions of an effectively functioning system of pedagogical support for self-educational activities of students.

The researcher also formulated the following principles of self-educational activities of future teachers of natural sciences: personality-oriented approach to the organization of self-education; formation of students' perception of self-acquired knowledge as personal values; organization of self-education as a creative process of transformation of the acquired knowledge by the student on the basis of own thoughts and feelings; simultaneous correlated formation of students' general scientific, specific (professional) and self-educational knowledge and skills; formation of a harmonious ratio of socially significant and personal motives of self-educational activity in their unity; creating situations of emotional experience of students in their actions in self-educational work; comprehensive disclosure of the possibilities of curricula of natural sciences for the organization of self-educational activities; formation of readiness for self-education by future teachers of natural sciences at the expense of possibilities of all disciplines (both natural, and humanitarian).

According to V. Naumchuk, increasing the time for independent work in sports and pedagogical disciplines requires a radical improvement of other forms of organization of the educational process, which are closely related. In practice, the organization of independent work of future physical education teachers is not properly ensured by the restructuring of such forms of educational activities as lectures, seminars, practical classes. The content, forms, types and methods of independent work of students of physical education faculties in sports games are not implemented as components of a holistic system of the educational process.

The effectiveness of independent learning activities of students decreases due to insufficient provision of pedagogical conditions.

Conclusions. We see the main reason for insufficient training of future physical education teachers for self-educational activities in the fact that the professional training of future physical education teachers in the process of independent work in pedagogical science has not been studied enough. The professional training of physical education teachers in the process of independent work on sports games has not been studied as a pedagogical system, the degree of realization of interdisciplinary links between professional and general pedagogical disciplines has not been proved, as only certain aspects of this problem have been studied. This component of professional training was considered mainly in isolation from the future pedagogical activity of students.

References

1. Bukhlova, N.V. (2008). Sutnisnyy zmist ponyattya «Samoosvitnya kompetentnist'» [The substantive content of the concept of "Self-educational competence"]. *Naukova skarbnitsya osvity Donechchyny – The Treasury of Education of Donetsk Region*, 1, 4-10 [in Ukrainian].
2. Goncharenko, S.V. (1997). *Ukrayins'kyi pedahohichnyy entsyklopedychnyy slovnyk* [The Ukrainian pedagogical encyclopedic dictionary]. K.: Libid [in Ukrainian].
3. Dovmantovich, N. (2015). Problema formuvannya samoosvitn'oyi kompetentnosti osobystosti u pedahohichniy teorii [The Problem of Formation of Self-Educational Competence of Personality in Pedagogical Theory]. *Problemy pidhotovky suchasnoho vchytelya – Problems of Modern Teacher Trainin*, 12, 139-144 [in Ukrainian].
4. Kremen, V.G. (Eds.). (2008). *Entsyklopediya osvity* [Encyclopedia of Education]. K.: Yurinkom Inter [in Ukrainian].
5. Zimnaya, I.M. (2004). *Klyuchevyye kompetentnosti kak rezul'tativno-tselevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii* [Key competencies as an effective and targeted basis of the competency-based approach in education]. M.: Research Center for the Problems of Quality of Training of Specialists [in Ukrainian].
6. Naumchuk, V.I. (2001). *Samostiyna robota zi sportyvnykh ihor yak zasib formuvannya osnov profesiynoyi maysternosti maybutn'oho vchytelya fizychnoy kul'tury* [Independent work on sports games as a means of forming the basics of professional skill of the future physical education teacher]. *Naukovi zapysky Ternopil's'koho derzhavnoho pedahohichnoho universytetu. Seriya: Pedahohika – Scientific notes of Ternopil State Pedagogical University. Series: Pedagogy*, 2, (pp.118-123). Ternopil [in Ukrainian].
7. Rogozina, M.Yu. (2003). *Rozvytok u studentiv umin' ta navychok samokontrolyu yak neobkhdn'oyi umovy samoosvity* [Development of students' self-control skills as a necessary condition of self-education]. *Naukovyy visnyk Chernivets'koho universytetu – Scientific Bulletin of Chernivtsi University. (Issue 183)*, (pp. 108-114). Chernivtsi: Ruta [in Ukrainian].
8. Rogozina, M.Yu. (2002). *Formuvannya u maybutnikh pedahohiv motyviv samoosvitn'oyi diyal'nosti* [Formation in future teachers of motives of self-educational activity]. *Tvorcha osobystist' uchytelya: problemy teorii i praktyky – Creative personality of the teacher: problems of theory and practice. (Issue 7)*, (pp. 138-143). K.: NPU [in Ukrainian].
9. Samaruk, N. (2019). *Struktura ta pedahohichni umovy formuvannya samoosvitn'oyi kompetentnosti maybutnikh fakhivtsiv* [Structure and pedagogical conditions of formation of self-educational competence of future specialists]. *Molod' i rynek – Youth and the Market*. 9(176), 75-81 [in Ukrainian].
10. Sidorchuk, N.G. (1996). *Do pytannya pro ponyattya "samoosvitnya diyal'nist'"* [On the question of the concept of "self-education activity"]. O.A. Dubasniuk (Eds.), *Problemy pedahohiky: istoriya, teoriya, dosvid – Problems of pedagogy: history, theory, experience.* (pp. 141-143). Zhytomyr [in Ukrainian].
11. Sidorchuk, N.G. (1999). *Katehoriynnyy analiz ponyattya "samoosvitnya diyal'nist' maybutn'oho vchytelya"* [Categorical analysis of the concept of "self-educational activity of the future teacher"]. *Visnyk Zhytomyrs'koho pedahohichnoho universytetu – Bulletin of the Zhytomyr Pedagogical University*, 3, 59-63 [in Ukrainian].
12. Shchekotilina, N.F. (2019). *Spetsyfika pidhotovky maybutnikh uchyteliv fizychnoy kul'tury do roboty v inklyuzyvnomu osvith'omu seredovyshchi shkoly* [Specificity of preparation of future physical education teachers to work in an inclusive educational environment of the school]. *Innovatsiyna pedahohika – Innovative Pedagogy*. 13, (pp.213-217), Odessa [in Ukrainian].

**РАЗВИТИЕ У ДОШКОЛЬНИКОВ ФОНЕМАТИЧЕСКОГО СЛУХА КАК ОПОРЫ
ОБУЧЕНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОМУ ЧТЕНИЮ****Семенова Е.А.***аспирант кафедры
теории и методики дошкольного и начального образования
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Россия, г. Тамбов***THE DEVELOPMENT OF PHONEMATIC HEARING FOR PRESCHOOLERS AS SUPPORTS TO
TEACHING ORIGINAL READING****Semenova E.***PhD student
theories and methods of preschool and primary education
Tambov State University named after G.R. Derzhavin
Russia, Tambov***Аннотация**

В данной статье рассматриваются теоретические знания о фонематическом слухе, которые обязаны иметь бакалавры и магистры профиля «дошкольное образование» и «начальное образование». Фонематические процессы представляют собой важное звено в развитии речевой системы личности. Их своевременное формирование в дошкольном возрасте есть необходимое условие для овладения ребёнком как устной, так и письменной речью. Умение слышать каждый отдельный звук в слове и отделять его от рядом стоящего является ключевой предпосылкой для успешного овладения чтением.

Успешность развития речевой деятельности напрямую зависит от развития фонематического слуха. Фонематический слух проходит пять этапов развития, и важно, чтобы ребенок в дошкольном возрасте все их освоил. Дети с хорошим фонематическим восприятием рано начинают говорить, потому что они чётко воспринимают все звуки человеческой речи, напротив, у детей с плохо развитым фонематическим восприятием бывают проблемы не только со звукопроизношением, но и с пониманием речи, что влияет на процесс обучения чтению.

Abstract

This article discusses the theoretical knowledge of phonemic hearing, which must have bachelors and masters in the field of "preschool education" and "primary education". Phonemic processes are an important link in the development of the speech system of the personality. Their timely formation in preschool age is a necessary condition for the child to master both oral and written speech. The ability to hear every single sound in a word and to separate it from a nearby one is a key prerequisite for successful mastery of reading.

The success of the development of speech activity directly depends on the development of phonemic hearing. Phonemic hearing goes through five stages of development, and it is important that a child in preschool learn all of them. Children with good phonemic perception begin to speak early, because they clearly perceive all the sounds of human speech, on the contrary, children with poorly developed phonemic perception have problems not only with sound pronunciation, but also with understanding of speech, which affects the process of learning to read.

Ключевые слова: педагогика, дети дошкольного возраста, фонематический слух, обучение чтению.

Keywords: pedagogy, preschool children, phonemic hearing, reading instruction.

В связи с принятием и вступлением в силу нового Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ от 29 декабря 2012 года был разработан Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования, в котором прописана необходимость гармоничного, всестороннего развития личности ребенка по различным областям знания. Сюда входит развитие речи ребенка, одним из компонентов которого являются фонематические процессы (фонематический слух, фонематическое восприятие) [8]. Специалисты дошкольного образования должны уделять особое внимание развитию фонематического слуха, благодаря которому ребёнок способен дифференцировать речевые и неречевые звуки, различать слова, разные по значению, но схожие по звучанию, анализировать звуковой состав слова, а также понимать смысл обращённой к нему речи.

Долгое время считалось, что звуковое воспроизведение речи состоит только из ряда различных элементов, скомбинированных особым образом, по особым правилам. Физиологическая природа речи и артикуляция была основой фонетики. Поступательное развитие речи ребенка рассматривалось посредством развития моторной сферы: крупной и мелкой моторики, артикуляционной моторики. И моторная сфера считалась единственным источником развития звуковой стороны речи. При этом восприятию речи, анализу, синтезу и формированию звукобуквенных представлений не было уделено достаточного внимания.

Психолого-лингвистические исследования установили, что речь – это сложная функциональная система, основанная на использовании знаковой системы языка во время общения. Психофизиологическая основа речи состоит из ряда совместно

работающих анализаторов, среди них выделяются речеслуховой и речедвигательный. Единицей развития детской речи является именно фонема, т. к. детская речь развивается не путем накопления отдельных звуков, а путем развития особой системы - системы фонем [4].

Фонематическая сторона речи – это произношение звуков как результат единой организованной работы всего речедвигательного аппарата. Под фонематической стороной речи рассматривается способность различать и дифференцировать звуки речи. Фонематическая сторона речи зависит от работы речеслухового анализатора.

В лингвистической терминологии понятие «фонематический слух» (ФС) включает определенный набор речевых операций: 1) способность слышать определенный звук в слове или определять его отсутствие; 2) способность различать слова, расположенные в многовариантной последовательности с одними и теми же фонемами; 3) способность различать слова близкие по звучанию, но разные по значению [4].

Исследователи речевой деятельности уточняют понятие ФС и его роли для развития языковой личности. В книге Л. С. Волковой говорится, что фонематический слух – это тонкий систематизированный слух, который обладает способностью выделять звуки в речевом потоке [3]. В одной из научных работ Т. Б. Филичевой под фонематическим слухом понимается тонкий систематизированный слух, который обладает способностью выполнять операции дифференциации и узнавания фонем, которые составляют звуковую оболочку слова [9].

М.М. Алексеева рассматривает воспитание звуковой культуры речи как одну из «важных задач развития речи в детском саду, так как именно дошкольный возраст является наиболее сензитивным для её решения», выделяя при этом дошкольный возраст, как наиболее благодатный [1]. Основное внимание на этом этапе уделяется развитию фонематического слуха и правильного произношения.

Развитие фонематических процессов происходит постепенно, поэтапно. Многие авторы (А. Н. Гвоздев, М. М. Кольцова, Р. Е. Левина, А. А. Леонтьев, Т. Б. Филичева) выделяют 4 этапа становления речи [5]: 1. От рождения до 1 года – подготовительный. 2. От 1 года до 3 лет – преддошкольный. 3. От 3 до 7 лет – дошкольный. 4. От 6 до 7 лет – школьный.

Наиболее важный этап в становлении звуковой стороны речи – подготовительный. Изучая работы С. Н. Цейтлин, мы выяснили, что этот этап развития относится к стадии крика, гуления (2 – 3 месяца), лепета (6 месяцев). Переход от невербального к вербальному развитию происходит примерно в 1 год.

Известный советский педагог Р. Е. Левина поделила пять стадий развития фонематического слуха. На первой стадии отмечается полное отсутствие различения звуков. Отсутствует понимание речи. Стадия является дофонематической. На второй стадии акустически близкие звуки не различа-

ются, однако дифференциация акустически далёких фонем представляется возможной. Ребёнок слышит иначе, чем взрослый. Неправильное восприятие обосновывается искажённым произношением. На третьей стадии ребенок слышит звуки со смыслоразличительными признаками. Но с предметом может соотноситься как правильное, так и искажённое слово. На четвертой стадии при восприятии речи у ребенка формируются новые образы. Экспрессивная речь практически в норме, однако дифференциация фонем остаётся нестойкой. На пятой стадии завершается процесс фонематического развития, когда и фонетическая сторона речи, и фонематическая сформированы. На данной стадии ребёнок различает правильное и неправильное произношение [6].

Таким образом, слуховое внимание активно формируется ещё в первые недели жизни ребенка. Он реагирует на звуки. Обращать внимание на звуковую оболочку слова, то есть на входящие в его состав фонемы, ребёнок начинает к концу первого года жизни. К концу второго года жизни ребенок воспринимает на слух все звуки родного языка. На третьем, четвертом и пятом году жизни фонематическое восприятие совершенствуется. Ребёнок овладевает всеми фонематическими процессами в полной мере.

Фонематический слух – это часть физического слуха, которая позволяет распознавать и отличать звуки родного языка. Фонематический слух обращен на соотношение и сопоставление слышимых фонем в соответствии с орфоэпическими нормами русского языка. Он формируется у дошкольников в результате речевого развития в первую очередь. Фонематический слух выполняет не только функцию приема и оценки речи окружающих, но и контроль собственной речи.

Развитый фонематический слух позволяет слышать фонемы родного языка. В потоке речи звуки оказываются в разных фонетических условиях. В одних случаях они способны различать звуковые оболочки слов, а, попадая в другие, теряют эту способность. В связи с этим все звуки речи делятся на звуки, выполняющие смыслоразличительную функцию; звуки, не выполняющие смыслоразличительную функцию. Звуки, выполняющие смыслоразличительную функцию, и есть фонемы.

В лингвистической науке сложилось три представления о фонеме [7]:

– Ленинградская фонологическая школа – ЛФШ (Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, Л. В. Щерба и др.);

– Московская фонологическая школа – МФШ (Р. И. Аванесов, М. В. Панов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров и др.).

– Пражский лингвистический кружок – ПЛК (В. Матезиус, Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, С. И. Карцевский и др.)

Представители ЛФШ и МФШ рассматривают фонему по-разному. ЛФШ признает самостоятельность фонемы, рассматривает ее как существующую независимо от звуковых оболочек слов и морфем. Фонема воплощается в звуках речи, в оттенках

и имеет через них свои фонетические характеристики. МФШ рассматривает фонему только как компонент морфемы и отрицает возможность ее рассмотрения вне морфологии. Следуя убеждениям ПЛК, фонемы представляют собой единицы звуков, которые имеют определенные признаки (звонкий-глухой, мягкий-твердый и прочее). Они необходимы прежде всего для смысловоразличения. К примеру, такие слова, как бей и пей имеют разное лексическое значение. А также отличаются фонемами, в которых целями смысловоразличения выступают признаки звонкости и глухости. Основное место в фонологическом анализе ПЛК занимает анализ оппозиций, служащих целям смысловоразличения. Эта же система оппозиций составляет фонологическую систему языка.

Морфологическая теория, в которой общие для родственных слов морфемы на письме сохраняют единое написание, важна для школьной орфографии. В практике дошкольного образования, где изучается устная речь детей, важнее фонематическая теория, в которой одни и те же буквы алфавита обозначают фонему во всех ее видоизменениях, как бы она не звучала в том или ином положении.

Фонематический принцип основывается на том, что во всех видоизменениях фонемы, независимо от ее звучания или фонематического положения, она обозначается одними и теми же буквами. Получается, что все морфемы, содержащие одни и те же фонемы, будут написаны одинаково. Фонема представляет собой функциональный элемент. Но при этом звуки, которые представляют одну и ту же фонему, могут произноситься по-разному. Помимо этого, разные фонемы могут быть представлены одним звуком.

При фонематическом подходе ориентируемся на фонему (звук) и написание соответствует формуле: звук в слабой позиции → фонема в сильной позиции → буква, при морфологическом – на морфему и написание соответствует формуле: орфограмма → морфема → буква. На этапе обучения, пока дети не знакомы с морфемами, ведущим принципом является фонематический, который на основе сопоставления звуков в сильной и слабой позиции помогает усвоить опознавательные признаки орфограмм, находить орфограммы, устанавливать связь между отдельными правилами, усваивать способы самоконтроля. В дальнейшем после изучения морфем ведущим становится морфологический принцип – сопоставление орфограммы с составом слова.

Фонематические функции в процессе онтогенеза проходят определенные стадии своего развития. При нарушении фонематического слуха и фонематического восприятия акустические критерии человеческой речи сталкиваются с качественными изменениями. Дети путают фонемы близкие по звучанию при их звуковым воспроизведении. В экспрессивной речи наблюдаются не только искажения звуков, но и их пропуски и замены. На уровне словосочетаний и предложений наблюдается слияние двух слов в одно, нарушение последовательности слов в предложении и ряд других проблем.

Таким образом, фонематический слух напрямую связан с успешностью в применении общеучебных умений, таких как письмо, слушание, говорение и чтение. Развитие фонематического слуха – это важный этап в обучении чтению.

Типичные ошибки, возникающие из-за несформированности фонематического слуха при обучении чтению: смешение звуков, пропуск букв, слогов, предлогов; замена и перестановка букв, слогов; «застревание» на какой-либо букве, слоге, слове; недочитывание окончаний слов; искажение слов; добавление лишних букв, слогов и даже слов; «угадывание» слов [10].

В связи с этим необходимо уделять должное внимание развитию фонематического слуха. Есть специальные упражнения, которые помогают развивать фонематический слух и концентрировать слуховое внимание ребенка.

Упражнение «Поймай звук». Взрослый называет звуки, а ребенок должен хлопнуть в ладоши, когда услышит заданный звук (отдельный или в звукосочетании): К, ЗЛ, Н, Ш, ЗС, П, ШЗ, Щ, Ч, В, З, Ц, Ш. Затем в слогах: ЗА, ША, ДА, ЗА, РА, МА... Затем в словах: ШКОЛА, ЗАЯЦ; НОЖ, НОС; ВАЗА, КАША; ЗАБОР, ЖИРАФ «Что общего?».

Упражнение на сравнение: произнесите три-четыре слова, в каждом из которых есть определенный звук, и спросите у ребенка, какой звук общий для всех этих слов. Желательно, чтобы заданный звук находился в словах на разных позициях – в начале, в середине и в конце. Например: цапля, нарцисс, молодец. «Раз, два, три – быстрее сообрази!»

Упражнение «Придумай слово»: ребенку нужно придумать слово, которое будет отвечать определенным критериям, например: - Назови слово, которое начинается с того же звука, что и слово «шуба». - Придумай слово, которое начинается с последнего звука слова «арбуз». - Вспомни название рыбы, в котором есть последний звук слова «замок» (щука, карась, карп...)- Подбери слово, в котором первый звук – [с], а последний – [к].

Упражнение «Поиски нужного звука». Можно попросить ребенка выбрать картинку, на которой изображен предмет с заданным звуком, или просто найти такой предмет в комнате. Конечно, все упражнения, выполняемые дошкольниками, должны носить игровой характер.

Хорошо сформированный фонематический слух является важным компонентом для успешного овладения слоговой структурой слова, дифференциации акустически близких фонем, закономерностям чтения. Группа ведущих ученых (Р. Е. Левина, Г. А. Каше, Г. В. Чиркина, А. В. Ястребова и др.) доказали, что существует прямая зависимость между уровнем речевого развития ребенка и его возможностями овладения чтением. Установлено, что на эффективность обучения детей чтению можно рассчитывать в том случае, если у них сформировано познавательное отношение к речи, в частности, осознанное ориентирование в звуковой структуре языка и его словарном составе [2].

Проанализировав механизм чтения, М. М. Алексеева, Б. И. Яшина приходят к выводу, что детям необходима широкая ориентировка в звуковой стороне речи, что обязательно нужно развивать фонематический слух [1]. Д. Б. Эльконин считал, что последующее усвоение языка – грамматика и связанная с ней орфография, зависит от того, насколько ребёнок будет ориентироваться в звуковой действительности языка, в строении звуковой формы слова [11].

Таким образом, важным условием освоения навыков чтения и успешного вхождения детей в школьную жизнь будет высокий показатель развития фонематических процессов.

Список литературы

1. Алексеева М.М., Яшина В.И. Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников: Учеб. пособие для студ. высш. и сред. пед. учеб. Заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2000. - 400 с.
2. Варенцова Н.С., Колесникова Е.В. Развитие фонематического слуха у дошкольников. М.: Академия, 1997. - 221 с.
3. Волкова, Л.С. Логопедия: учебник для студентов дефектологического факультета педагогических вузов / Л.С. Волковой, С.Н. Шаховской. – М.: Владос, 2011. – 528 с.
4. Выготский, Л.С. Мышление и речь [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 2009. – 352 с.
5. Гвоздев, А.Н. Вопросы изучения детской речи / А.Н. Гвоздев. – М.: Детство-Пресс, 2011. – 160 с.
6. Левина, Р.Е. Основы теории и практики логопедии / Р.Е. Левина. – М.: Просвещение, 2008. – 367с.
7. Сильченкова Л.С. Обучение русской грамоте: традиции и новации. М.: АП-КиППРО, 2006. -100 с.
8. Федеральный государственный стандарт дошкольного образования (приказ Минобрнауки № 1155 от 17.10.2013, зарегистрирован в Минюсте России 14 ноября 2013 г., регистрационный № 30384), [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.firo.ru/?page_id=11003
9. Филичева, Т.Б. Дети с фонетико-фонематическим недоразвитием. Воспитание и обучение: учеб.-метод. пособие для логопедов и воспитателей / Т.Б. Филичева, Т.В. Туманова. – М.: ГНОМ и Д, 2000. – 80 с.
10. Чиркина, Г.В. Обследование звуковой стороны речи: Методы обследования речи детей: Пособие по диагностике речевых нарушений / Под общ. ред. проф. Г.В. Чиркиной. – М.: Аркти, 2005. – 240 с.
11. Эльконин Д.Б. Развитие речи и обучение чтению. Развитие собственной активной речи ребенка / Исследование чтения и грамотности в Психологическом институте за сто лет: Хрестоматия / Под ред. Н.Л. Карповой. ПИ РАО. – М.: Русская школьная библиографическая ассоциация. 2013. – 234-240 с.

СТРУКТУРА СТРАТЕГІЧНОЇ КОМПЕТЕНТНОСТІ В ОФІЦІЙНОМУ СПІЛКУВАННІ МАЙБУТНІХ ПРОГРАМІСТІВ

Хомик А.Ю.

Львівський національний університет імені Івана Франка, аспірант кафедри початкової та дошкільної освіти

STRUCTURE OF STRATEGIC COMPETENCE IN THE OFFICIAL COMMUNICATION OF FUTURE PROGRAMMERS

Khomyk A.

Ivan Franko National University of Lviv, Postgraduate Student of the Department of Primary and Preschool Education

Анотація

У статті висвітлюються погляди вітчизняних та зарубіжних вчених та основні положення стратегічної компетентності як структурного компонента іншомовної комунікативної компетентності. Розкривається сутність та структура даних понять у контексті підготовки майбутніх програмістів у закладах вищої освіти. Здійснюється аналіз та порівняння структури та визначення комунікативної компетентності з-поміж вже існуючих досліджень вітчизняних та зарубіжних дослідників. В статті висвітлено поняття «комунікативна компетентність», а також структура даного поняття. Здійснюється аналіз та порівняння *поняття* «компетентність» та «компетентність». Також здійснено аналіз досліджень зарубіжних та вітчизняних вчених, котрі працювали над дидактичними аспектами формування іншомовної комунікативної компетентності та її складових беручи за основу різноманітні думки науковців стосовно особливостей структури іншомовної комунікативної компетентності.

Abstract

The concept of "communicative competence", as well as the structure of this concept. The concepts and "competence" and "competence" are analyzed and compared. The analysis of foreign and domestic scientists works I done, as the aspect of formation of foreign language communicative competence and its components is also done.

Ключові слова: компетентність, комунікативна компетентність, стратегічна компетентність, структура стратегічної компетентності.

Keywords: communicative competence, structure, competence, foreign language, structure of communicative competence.

The professional success of a specialist in any field depends on the level of formation of his or her foreign language communicative competence. The problem of improving the foreign language training of future specialists in various professional fields is more serious than ever, in particular, it concerns education of future programmers. A large percentage of both foreign and domestic scientific pieces are devoted to the problem of foreign language competence. The analysis of already existing scientific works allows to state that there are various opinions upon features of structure of communicative competence.

Existing scientific works prove the fact that there are different opinions on the structure of communicative competence and strategic competence, which is by the way one of its components.

Modern scientists interpret the concept of "competence" as a special ability that allows you to solve effectively typical problems and tasks that arise in real situations of everyday life.

What is more, it is very important to mention that the structure of communicative competence includes:

1. grammatical;
2. sociolinguistic;
3. competence.

A significant contribution into the study of the theory of foreign language communicative competence in the 1980s was made by M. Canale and M. Swain. Their theory has gained wide recognition and application. The essence of the theory is to identify four main types of competencies that interact within system of knowledge and skills which form communication.

These scientists identify such competencies as:

- grammatical - the level of learning grammatical material, vocabulary, rules of spelling and pronunciation, sentence construction;
- sociolinguistic - the ability to appropriately use and understand grammatical forms in different sociolinguistic contexts in order to perform certain communicative functions (description, message, etc.);
- the ability to combine individual messages into a logical and coherent message, using different syntactic and semantic means;
- strategic - the ability to use verbal and nonverbal means in order to achieve effective communication in case of "insufficient" level of competence of the communicator.

The structure of strategic competence should include the following skills:

- 1) formulation of questions (questions for clarification or correction);
- 2) cooperation with other participants in the educational process (assessment, promotion, information exchange and mutual learning);
- 3) formation of a dynamic concept of statements;

4) cooperation with advanced language users or native speakers.

The classification of W. Kinch is considered to be one of the most common and includes the following communication strategies:

- 1) local connectivity strategies - aimed at establishing links between the facts set out in the proposals;
- 2) stylistic strategies - which allow to select and interpret language tools according to the context;
- 3) rhetorical strategies - that increase the effectiveness of verbal communication and promote understanding of discourse;
- 4) non-verbal strategies - which are necessary for the processing of non-verbal information;
- 5) macro-strategies – which allow the addressee to guess the general subject of the message having received only a minimum of information.

Moreover, the monologue also plays the role of one of the most important strategies, because the creation of professionally-oriented monologue statements in the modern conditions of professional activity of graduates of higher education institutions are one of the main skills of future professionals.

The selection of the content of professional communication training should be based on the topics and situations of communicative and professional needs of future programmers.

As a consequence, strategic competence in the official communication of future programmers is a phenomenon that requires a combination of all types of competencies to be implemented in order to achieve effective communication among qualified specialists in a particular field.

References

1. Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/competence>. – Title from the screen.
2. The Place of Evaluation in Modern Education., Ralph W. Tyler
3. Lawrence W. Downey, School improvement program, The University of Chicago, Chicago, Illinois.
4. "Some Problems, Pitfalls, and Paradoxes in Educational Measurement" Educational Measurement: Issues and Practice Volume 20, Number 4, Winter 2001 Pp. 6-19.
5. Tony Jeffs and Mark K. Smith (2005) Informal Education. Conversation, democracy and learning, Nottingham: Educational Heretics Press.
6. Evaluation of Concepts of Citizenship Among Young University Students pp.169-180
7. Свейн М., Кенел М. Теоретична база комунікативних підходів у процесі викладання другої іноземної мови: прикладна лінгвістика. Оксфорд: Університет Оксфорд, 2002. 1-47 с.

THE TRADITIONAL AND THE INNOVATIVE TECHNOLOGICAL METHODS OF TEACHING STUDENTS IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF UKRAINE

Yasynska E.

*Department of Social Medicine and Health Organization
Higher State Educational Institution of Ukraine
«Bukovina State Medical University», Chernovtsy.*

Abstract

The article analyzes modern methods of teaching students in the humanities in higher educational institutions of Ukraine. The characteristic differences of traditional and innovative learning are determined, the classification of innovative teaching methods is given and the main approaches to the selection of innovative teaching methods are highlighted.

Keywords: interactive teaching methods, educational process, higher education institution, traditional and innovative education.

Modern higher education in Ukraine requires scientific teaching staff to master and introduce innovative teaching methods. Effective for the modernization of higher technical education is the introduction of innovative teaching methods into the educational process of higher fast-moving institutions. In accordance with the Law of Ukraine "On Innovative Activities", innovations are again and improved competitive technologies, products or services, as well as organizational and technical decisions of a production, administrative, commercial or other nature, which significantly improve the structure and quality of production and the social sphere. Education traditional for the past as a system aimed at passively acquiring and reproducing knowledge lags behind the real requirements of the labor market today. The demand for a transition to innovative education, in particular in higher education, is determined by the challenges of our time and relates to priority areas of state policy in Ukraine in the context of integrating national education into European and world educational space. Now, higher education institutions are faced with the task of constantly improving the quality of education, modernizing its content, developing and implementing educational innovations and information technologies, and creating conditions for the training of specialists. The state documents on education declare significant changes to improve higher education: focus on the best world models of education, new intensive educational technologies, differentiation and integration of educational content, introduction of modern educational technologies. In the conditions of formation of an innovative society, the functional features of education are not only providing students with the amount of knowledge and skills accumulated in previous years, but also developing the ability to perceive and use in practice new scientific ideas, tools and methods. The formation of Ukraine as an independent state, its national revival and the transition to market relations have a profound effect on the role of specialists with higher education. A special place among them is occupied by future teachers as highly competent and comprehensively educated specialists, whose level of training should meet the socio-pedagogical needs of society in the implementation of the "National Doctrine of Education in Ukraine in the XXI century." Building a national education system in Ukraine

provides a new approach to training of future personnel, aimed at overcoming the crisis in education, which is manifested primarily in the inconsistency of students' knowledge to personal needs, social needs and international standards. The main criterion of the university is the level of preparation of graduates, a rational combination of their theoretical knowledge with the ability to apply them in practice, which means the need to search for effective forms and methods of teaching, improving programs, curricula, developing new teaching methods, manuals and the like. Innovations in education are the process of creating, implementing and disseminating in educational activities new approaches, ideas, methods and techniques, technologies aimed at updating, modernizing, transforming the educational process in accordance with the requirements of the time. In particular, for higher education institutions the decisive factor should be the formation of students' systematic approach to the analysis of professional tasks, strategic thinking, ability to social mobility, the pursuit of self-education, self-education and self-improvement throughout active life.

The purpose of the article: to analyze the basic traditional and innovative methods of teaching the humanities in higher education.

There are many modern teaching methods in higher educational institutions of Ukraine. After analyzing the pedagogical experience of teaching theoretical disciplines, we have classified the interactive methods of preparing students in theoretical departments in higher educational institutions:

1. The imitation methods. Dialogue interaction of participants in the educational process in order to exchange material and spiritual values.
2. The cognitive methods.
3. The motivational methods. Dialogue interaction of participants in the educational process. Each determines his position in relation to the methods of activity of the student group, individual participants, the teacher and himself ("Self-promotion", "My professional growth", etc.).
4. The regulatory methods. The rules of dialogue interaction between the participants of the educational process are established and adopted. A method of creating a feeling of success in learning. For the atmosphere of creativity during classes, it is important for

each student to experience success in a particular activity. During the execution of a specific task or before the lesson, it is possible to form a presentation of students' work in the form of posters, embroideries, weaving, layouts, videos, etc.). Demonstration of work in the classroom and discussion of these presentations contributes to the updating of the content, forms and teaching methods in higher education institutions.

The project method by which we develop a research spirit, the ability to independently acquire knowledge, analyze and synthesize material, independently think critically and express our own opinions; creative approach to the task, initiative and perseverance, tolerance and ability to work in a team. In addition, applying this method during classes, we create the opportunity to develop communication skills, speech. According to our research, the ability to use the project method is an indicator of the high qualification of a scientific and pedagogical worker. Interactive methods (business role-playing games, joint problem solving, modeling of life situations, etc.), in our opinion, best contribute to the formation of skills and values, create a situation of interaction, help the teacher become a leader, not an administrator.

Currently, the following pedagogical technologies are most often used in educational practice:

- structural and logical technologies: the phased organization of the training system, provides a logical sequence for the formulation and solution of didactic tasks based on the phased selection of their content, forms, methods and means, taking into account the diagnosis of results;
- integration technologies: didactic systems that ensure the integration of interdisciplinary knowledge and skills, various activities at the level of integrated courses
- the professional and business gaming technologies: didactic systems for using various "games", during which skills are formed to solve problems based on compromise choices (business and role-playing games, simulation exercises, individual training, computer programs, etc.);
- the training tools: a system of activities for working out certain algorithms for solving typical practical problems using a computer (psychological trainings of intellectual development, communication, solving managerial problems, etc.);
- the information and computer technologies implemented in didactic systems of computer training based on the human-machine dialogue using various training programs (training, monitoring, information, etc.);
- the dialogue and communication technologies: a set of forms and teaching methods based on dialogue thinking in interacting didactic systems of the subject-subject level.

In educational practice, the diversification of educational technologies makes it possible to actively and

efficiently combine them through the modernization of traditional teaching and its reorientation to effective, purposeful. With this approach, emphasis is placed on the personal development of future specialists, the ability to master new experiences of creative and critical thinking, role-playing and simulation modeling of finding solutions to educational problems, etc.

In the educational environment of innovative communication technologies, the basis of learning should be holistic models of the educational process, based on the dialectical unity of methodology and means of their implementation. In today's market of educational services such are innovative active and interactive teaching methods. As the creative component of education significantly increases, the role of all participants in the educational process is activated, the creative and exploratory independence of students is strengthened, the concepts of problem-based and interactive learning related to the use of computer systems have become especially relevant. During such an educational process, the student can contact the teacher online, solve creative, problem-solving tasks, model situations, including analytical and critical thinking, knowledge, search skills.

Conclusions:

The introduction of innovative learning technologies in higher education will contribute to the use of effective forms, methods and techniques of teaching, increase motivation to learn, the emergence of students' sense of control over the learning process.

References

1. Абдалова О.И. Использование технологий электронного обучения в учебном процессе / О.И. Абдалова, О.Ю. Исакова // Дистанц. и виртуал. обучение. – 2014. – № 12. – С. 51.
2. Азимов Э.Г. Массовые открытые онлайн-курсы в системе современного образования / Э.Г. Азимов // Дистанц. и виртуал. обучение. – 2014. – № 12. – С. 5.
4. Бистрова Ю.В. Інноваційні методи навчання у вищій школі України / Ю.В. Бистрова // Право та інноваційне суспільство. – № 1 (4). – 2015. – С. 27–28.
5. Гузеев В.В. Планирование результатов образования и образовательная технология. М.: Народное образование, 2016. 240 с.
6. Доронина Н.Н. Организация учебного процесса в вузе с использованием активных методов обучения: методы обучения студ. в вузе / Н.Н. Доронина // Социология образования. – 2011. – № 3. – С. 33–34.
7. Інновації у вищій освіті: проблеми, досвід, перспективи. Монографія / П.Ю. Саух [та ін.]; ред. П.Ю. Саух. – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2011. – С. 14, 319.

PHILOLOGICAL SCIENCES

ЗНАЧЕНИЯ ПРИСТАВОК В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Масловская Л.Ю.

*Белорусский государственный университет, преподаватель
кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций*

MEANINGS OF PREFIXES IN ENGLISH WORD FORMATION

Maslovskaya L.

Belarusian State University, lecturer of the Translating Department of the Faculty of Cross-cultural Communications

Аннотация

Приставками являются словообразовательные морфемы, предшествующие корню и изменяющие лексическое значение слова. Разные приставки могут употребляться с разными частями речи. Приставки могут придавать различные значения словообразованиям.

Abstract

Prefixes are word-building morphemes, preceding root and changing the lexical-grammatical class. Different prefixes can be used with different parts of speech. Prefixes can add various meanings to newformed words.

Ключевые слова: приставки, словообразовательные морфемы, лексическое значение слова, разные части речи, лексико-грамматический класс, специфическая особенность.

Keywords: prefixes, word-building morphemes, the lexical meaning of the word, different parts of speech, a lexical-grammatical class, the specific characteristics.

It's common knowledge that there are four main kinds of word formation: prefixes, suffixes, conversion and compounds. This article is devoted to the word formation with the help of prefixes.

Cambridge Dictionary gives the following definition: "Prefixes are letters which we add to the beginning of a word to make a new word with a different meaning. Prefixes can create a new word opposite in meaning to the word the prefix is attached to. They can also make a word negative or express relation of time, place or manner." [5, Cambridge Dictionary].

Prefixes are word-building morphemes that are added to the beginning of the word before its base or stem. They are not words in their own right and cannot stand on their own in a sentence: if they are printed on their own, they have a hyphen after them.

Prefixes are added to the beginning of an existing word in order to create a new word with a different meaning. For example: space – cyberspace.

Some prefixes are part of our living language and people regularly use them to create new words for modern products, concepts, or situations: *biosecurity, multimedia*.

Email is an example of a word that was itself formed from a new prefix, *e-*, which stands for *electronic*. This modern prefix has formed an ever-growing number of other Internet-related words, including *e-book, e-cash, e-commerce, and e-tailor*.

When we add a prefix to the root word, the spelling of the root word doesn't usually change: *administration – maladministration*. We can add more than one prefix at a time to root words: *uninhabitable: Parts of the city were uninhabitable in the last decade*. Learning to recognize prefixes helps us to build our vocabulary and guess unknown words. [Clare, 2016: 37].

Different prefixes can be used with different parts of speech.

We use:

anti-: with adjectives and nouns: antiviral, antimarial, anticyclone, antihistamine;

de-, ir-, im- and un-: with adjectives and adverbs: declutter, decriminalised, irreplaceable, immoral, unusable, unfortunately, univariably;

dis-: is used with verbs, nouns, adjectives or adverbs: disobey, disinformation, dishonorable, distasteful.

non-: nouns, adjectives: nondescript, non-conformity;

under- and over-: nouns, adjectives, verbs: understatement, undercooked, overexposed;

mal- and mis-: verbs, abstract nouns, adjectives: malnutrition, malnourished misbehaviour: *The misbehaviour of some tourists has resulted in the historical site being temporarily closed*;

pre- and post-: adjectives: prehistoric, pre-nuclear, post-nuclear, post-mortem;

pro- and anti-: nouns and adjectives: proactive, pro-government, anti-government, anti-establishment, antisocial.

Prefixes can add various meanings to newformed words. Prefix *bi-* means *two*: bimonthly *twice every month*, biannual, bicentenary, bilingual, bisexual: *I became bilingual by interacting with French speakers from an early age*.

Prefix *co-* means *joint*: co-author, co-pilot, cooperate, co-founders *two people who founded a business together*. *Every passenger needs to know that they have a capable captain and co-pilot*.

Prefix *down-* means *reduce or lower*: downgrade, downhearted. *She hides her most downhearted face*.

Such prefix as *in* has negative meaning and can be used with adjectives, nouns and adverbs: inadequate, inedible, insufficient, inability, injustice, inaccuracy, inappropriately, informally, insensitively. We can find cases when *in-* doesn't change the meaning to negative: invariably, invaluable: *Tom's expertise on this project is invaluable.*

Speaker's attitude or opinion can be shown by means of the prefixes *pro-* and *anti-* (*against*): pro-democracy, pro-European, antihero, antisocial. The English prefix *inter-* means between/among: interacting, interchangeable, intercontinental, international *between or among nations.*

The prefix *mini-* is used in the meaning 'small': miniskirt, minicab, minimize, minibar - *a small bar, or drinks in a small fridge, in your hotel room.* When we want to emphasize that something is bigger or greater than something else, we use *out-*: outsell, outplay, outlast, outgrow - *grow too big for some of your clothes.*

The prefix *semi-* means half: semi-retired, semi-skimmed, semicircle - *a circle cut in half*, semicolon.

Sub- means below: sub-zero, subtitle, subway, sub-plot *a secondary plot that isn't in the main story.* The prefix *super-* is more/more powerful/larger: supermodel, supernatural, superpower, superhero - *a hero who has amazing powers.*

The prefixes with the concrete reference to a size or a degree are *under-* and *over-*: undertake, underrated, overrated, overactive, overcrowded, overpopulated. Someone who isn't the minimum age to see an X-certificate film is *underage*. Someone who doesn't have enough qualifications to get a job is *underqualified*. The time you spend working in your job in addition to your normal working hours is *overtime*. People who are forced to work too much or too hard are *overworked*.

Mal- and *mis-* mean wrong or bad: malfunctioning, maladministration, malnutrition, misbehavior, mismanaged, misfortune.

The prefixes *pre-* and *post-* mean time/before or after: pre-dates, pre-Katrina, post-war. For instance, the generation who were born before the war is *pre-war*.

The period of history before written records is *prehistoric*. A university course taken after you graduate from your initial course is *postgraduate*.

Negative/opposites/reverse can be expressed by the prepositions *de-*, *ir-*, *im-*, *non-*, *un-*: degenerate, depopulated, detox, irreplaceable, irreversible, immortalised, impossible, non-conformity, non-descript, non-profit, unknown, unaware, unfortunately.

To conclude, prefixes are word-building morphemes, preceding root and changing the lexical meaning of the word, but in most cases not influencing if the word belongs to a certain lexical-grammatical class.

Some of the specific characteristics of the English language are that one morpheme words play a great role in the language's lexicon and also that some parts of the speech are not necessarily defined by its morphological structure. [Арнольд, 2012: 131].

Otherwise prefixation took part throughout the history of the English language and still remains important and productive way of word formation.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка; 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 376 с. С. 131 – 132.
2. Clare Antonia, Wilson J.J. Speakout Advanced Student's Book with DVD-ROM; 2nd edition Edinburgh Gate Harlow: Pearson Education Limited, 2016. 175 p.
3. Eales Frances, Oakes Steve. Speakout Upper Intermediate Students' Book with DVD-ROM; 2nd edition Edinburgh Gate Harlow: Pearson Education Limited, 2015.
4. English Prefixes and Suffixes [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.lexico.com/grammar/prefixes-and-suffixes/>]
5. Prefixes - English Grammar Today - Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://dictionary.cambridge.org/grammar/british-grammar/prefixes>]

PHILOSOPHICAL SCIENCES

СУТНІСТЬ ТА ОСОБЛИВОСТІ ДЕРЖАВНОГО РЕГУЛЮВАННЯ РОЗВИТКУ СІЛЬСЬКИХ ТЕРИТОРІЙ

Балдинюк В.М.

к. держ. упр., доцент кафедри адміністративного менеджменту та альтернативних джерел енергії, Вінницький національний аграрний університет

THE ESSENCE AND FEATURES OF STATE REGULATION OF RURAL DEVELOPMENT

Baldynyuk V.

Candidate of State Administration, Associate Professor, Department of Administrative Management and Alternative Energy Sources, Vinnytsia National Agrarian University

Анотація

У статті обґрунтовується необхідність ефективного державного регулювання розвитку сільських територій, оскільки для подолання кризи необхідна як мобілізація значних ресурсів, так і впровадження ефективних методів регулювання. Окреслено функції державного регулювання розвитку сільських територій та виявлено взаємозв'язок із проблемами розвитку сіл. Розглянуто основні проблеми сучасного села з позиції сталого розвитку, що враховує реальну єдність та взаємодію основних структурних елементів сільських територій.

Було встановлено, що ефективне державне регулювання розвитку сільських територій повинно базуватися на системних принципах, які мають враховувати специфічні особливості сільських територій як об'єкта державного регулювання. Визначаються напрямки дій влади в рамках кожного принципу. Обґрунтовано, що ефективність регулювання розвитку сільських територій залежить від механізмів державного впливу на їх розвиток. Розглянуто інструменти, методи та способи дій органів державної влади в розрізі кожного механізму.

Зазначається, що особливості державного регулювання розвитку сільських територій полягають у реальній єдності їх основних структурних елементів: економічної бази, соціальної та екологічної сфер. Надано характеристики таких складових життєдіяльності населення сільських територій як "якість життя" і "рівень життя", а також терміни, які використовуються в концептуальній сфері дослідження якості життя.

Аналіз наукових праць, щодо якості та рівня життя населення виявив компоненти, які найчастіше використовуються при його оцінці на регіональному рівні.

Сформульовано поняття "державне регулювання розвитку сільських територій".

Обґрунтовано, що необхідність державного регулювання сільських територій передбачає використання функціонально-територіальної системи державного управління, яка дозволить забезпечити оптимальну взаємодію органів державної влади та місцевого самоврядування.

Abstract

The article substantiates the need for effective state regulation of rural development, since overcoming the crisis requires both the mobilization of significant resources and the introduction of effective regulatory methods. The functions of state regulation of rural development are outlined and the relationship with the problems of rural development identified. The main problems of the modern village from the point of view of sustainable development are considered, which takes into account the real unity and interaction of the basic structural elements of rural territories.

It has been found that effective state regulation of rural development should be based on a system of principles that should take into account the specific features of rural areas as an object of state regulation. The directions of actions of the authorities within each principle are determined. It is substantiated that the effectiveness of regulation of rural development depends on the mechanisms of state influence on their development. The instruments, methods and methods of action of the state authorities in terms of each mechanism are considered. It is noted that the peculiarities of state regulation of rural development lay in the real unity of their basic structural elements: economic base, social and environmental spheres. Characteristics of such components of rural population as "quality of life" and "standard of living" are given, as well as terms used in the conceptual and conceptual field of quality of life research. The analysis of scientific works on the quality and standard of living of the population revealed the components that are most commonly used in its assessment at the regional level. The concept of "state regulation of rural development" is formulated. It is substantiated that the necessity of state regulation of rural territories implies the use of functional-territorial system of public administration, which will allow to ensure optimal interaction between public authorities and local self-government.

Ключові слова: сільські території, розвиток, державне регулювання, принципи, механізми, якість життя.

Keywords: rural areas, development, state regulation, principles, mechanisms, quality of life.

Постановка проблеми. Необхідність ефективного державного регулювання розвитку сільських територій не підлягає сумніву, оскільки кризові явища саме цієї частини території країни набули ознак системності, а їх подолання вимагає не тільки мобілізації значних за обсягом ресурсів, але і їх цільового спрямування, контролю, запровадження ефективних регулюючих методів. На кілька десятиріч вирішення проблем українського села було покладене на слабе та поки що малоефективне місцеве самоврядування. Економічна база села – сільське господарство – теж виявилась слабкою, оскільки економічна ефективність його окремих галузей наближається до нульової позначки, при цьому значна частка підприємств взагалі працює у тіні. Як результат виникло замкнене коло: через незадовільний стан інфраструктури на сільських територіях із села від'їжджає працездатне населення, сюди не надходять інвестиції, а оскільки матеріальні та трудові ресурси обмежені, інфраструктура не оновлюється. З огляду на це створення ефективної системи державного регулювання сільських територій сприятиме вирішенню всього комплексу нагальних проблем.

Аналіз останніх досліджень і публікацій, в яких започатковано розв'язання даної проблеми та на які спирається автор; виділення невирішених раніше частин загальної проблеми, яким присвячується стаття. Серед вітчизняних вчених особливу увагу проблеми розвитку сільських територій України приділяли О.М. Бородіна [3], Ф.А. Важинський [5], Ю.Е. Губені [8], А.В. Лісовий [12], М.Й. Малік [13], М.К. Орлатий [16], О.І. Павлов [17], В.В. Юрчишин [24], які ґрунтовно дослідили історичну трансформацію парадигм управління сільськими територіями, їх рівні і типи, структуру та функціональне призначення, розвиток сільських територій України та їх соціальну інфраструктуру, процеси самоврядування сільських територій, планування їх розвитку тощо.

Водночас, незважаючи на цінність проведених наукових досліджень, окремі аспекти проблем розвитку сільських територій залишаються недослідженими. Існує потреба в теоретичному обґрунтуванні сутності та особливостей державного регулювання розвитку сільських територій задля його оптимізації та підвищення ефективності механізмів державного регулювання розвитку сільських територій.

Формулювання цілей статті. Метою статті є обґрунтування теоретичних засад та особливостей державного регулювання розвитку сільських територій задля забезпечення ефективної взаємодії органів державної влади та місцевого самоврядування. Для досягнення поставленої мети визначено такі завдання: розглянути особливості розвитку сільських територій; дослідити функції та принципи державного регулювання сільських територій.

Виклад основного матеріалу дослідження. У нинішніх умовах регіоналізації та глобалізації економіки державне регулювання загалом зазнає відчутних трансформацій. Традиційний перелік основних функцій держави: оборона, підтримання

зовнішніх відносин, охорона правопорядку, регулювання економіки, гарантування екологічної безпеки, підтримання і розвиток культури, забезпечення освіти населення не відображає сутності багатовекторного процесу, яким нині є державне регулювання. В основі державного регулювання повинно бути соціальне призначення держави як інституту влади [20]. Саме кризь призму виконання соціальних функцій сьогодні розглядається ефективність методів, форм, інструментів державного управління. З урахуванням цього має бути трансформовано державне регулювання сільських територій. Відповідно до інерційних процесів підмінюються поняття “розвиток сільського господарства” та “розвиток сільських територій” [23]. Останнє є більш широким та має передусім соціальний зміст, а не економічний, що вкладається в поняття “розвиток сільського господарства” як галузі економіки. Отже, перелік функцій державної влади щодо розвитку сільських територій має бути досить широким, а головне – функції мають бути пов'язані між собою та сприяти виконанню одна одної, що даватиме змогу отримати синергетичний ефект при проведенні відповідної державної політики.

Для виявлення особливостей державного регулювання розвитку сільських територій необхідно врахувати особливості сільських територій як об'єкта управління та основні проблеми сучасного села. На наш погляд, слушною є думка А.В. Лісового про необхідність виділення в межах сільських територій трьох основних сфер: економічної, екологічної та соціальної [11]. Такий підхід з позицій сталого розвитку враховує реально існуючу єдність та взаємодію основних структурних елементів сільських територій. Доцільно виокремити невиробничу сферу, а більш широко – економічну базу сільських територій, яка обов'язково має включати виробничу та транспортну інфраструктуру. Основу економічної бази сільських територій становить сільське господарство, а також інші галузі первинного сектору економіки: лісове та рибне господарство. Обов'язковою умовою підсилення економічної бази є розвиток переробних підприємств агропромислового циклу: харчової та легкої промисловості. Розвиток інфраструктури – виробничої, транспортної, ринкової – є не тільки запорукою ефективного функціонування базових підприємств, а й конкурентною перевагою при залученні інвестицій.

Соціальна сфера включає в себе населення, а також його економічно активну частину – трудові ресурси. Частка працездатного населення є важливим індикатором під час оцінки стану та перспектив розвитку сільської території. Невідповідність кількісних та якісних характеристик трудових ресурсів робочим місцям є серйозною проблемою сільських територій, що зумовлює також існування проблем розвитку соціальної інфраструктури та зміни в системі розселення. Довкілля є об'єктом державного регулювання як природна основа соціально-економічного розвитку (грунти, ліси, поверхневі водойми та інші компоненти природи), що потребує

раціонального їх використання. Крім того, останнім часом значно розширено площі об'єктів природно-заповідного фонду, що не завжди за своєю локалізацією є суцільними та перемижуються із землями сільськогосподарських підприємств, лісових господарств, земельними ділянками населення. Управління їх використання потребує особливого підходу, нормативно-правової бази та механізмів впливу [2].

Кожна із загаданих сфер має особливості функціонування: економічна база розвивається за економічними законами та передбачає максимізацію прибутків підприємств; соціальна сфера

в умовах ринкової економіки не завжди розвивається комплексно та потребує державної підтримки, насамперед фінансової; екологічна сфера зазнає значного негативного впливу передусім з боку підприємств, а також об'єктів соціального призначення: соціальної інфраструктури, населених пунктів, функціонування яких призводить до накопичення твердих побутових відходів.

Відповідно для кожної із сфер нами визначено основні функції державного регулювання (рис. 1).

Рис. 1. Функції державного регулювання розвитку сільських територій (розроблено автором на основі [7; 6; 4; 21; 1])

Окресливши функції державного регулювання розвитку сільських територій, обов'язково необхідно визначити довго- та короткострокові завдання, що ставляться перед органами управління у зв'язку з існуванням нагальних проблем розвитку села. Ці проблеми неодноразово формулювались різними вченими [7; 6] та вказані в планах і стратегіях розвитку як галузі, окремих регіонів, так і країни в цілому [4; 21; 1]. До основних проблем розвитку сільських територій належать:

- висока розораність ґрунтів, їх значне забруднення та втрата родючості;
- невирішеність питання власності на землю;
- високий рівень зношеності виробничих фондів сільськогосподарських підприємств, незадовільний стан інфраструктури: транспортної, виробничої, інформаційної, соціальної;
- високий рівень безробіття та низький рівень пристосування робочої сили до ринкових умов;
- низький рівень державної підтримки фермерських господарств;
- значні зміни у системі розселення, що проявляються у високих темпах “вимирання” сіл;
- недостатній розвиток місцевого самоврядування.

Існуючі проблеми розвитку села можуть бути менше чи більше залежні від того, проблеми якого саме регіону планується вирішити або яка кількість ресурсів може бути на це спрямована. Головне – виявити причини депресивного стану сільських територій, усунення яких може “запустити” механізм соціально-економічного відродження. На нашу думку, саме неопрацьованість та недостатня ефективність інституційного механізму не дає можливості відновити процеси самоорганізації на рівні сільської громади, працівника сільськогосподарського підприємства, громадян.

Ефективне державне регулювання розвитку сільських територій має спиратись на систему принципів – основних правил, вихідних положень, що визначають порядок дій у процесі вирішення основних проблем, досягнення цілей соціально-економічного розвитку села. Формулюючи їх, ми спиралась на виявлені особливості сільських територій як об'єкта державного регулювання, загальні принципи державного регулювання соціально-економічного розвитку території, принципи проведення політики з підтримки розвитку аграрних територій у Європейському Союзі [10], аналіз основних проблем розвитку сільських територій в Україні. Виходячи з цього виділено шість основних принципів державного регулювання розвитку сільських територій, зокрема принципи:

– *пріоритетності цілей* (передбачає в загальній системі цілей (соціальних, економічних, екологічних) видавання пріоритету соціальним; досягнення економічних та екологічних цілей є умовою сталого соціального розвитку сільських територій);

– *концентрації* (сутність принципу полягає в концентруванні ресурсів – фінансових та матеріальних, що виділяються на заходи державного регулювання для вирішення найбільш гострих проблем сільських територій);

– *програмування* (передбачає розроблення та виконання програм, планів, що базуються на науково обґрунтованих прогнозах соціально-економічного розвитку сільських територій. Програми розвитку сільських територій мають містити кількісні показники, яких слід досягти у процесі реалізації запланованих заходів);

– *комплексності* (реалізується шляхом урахування всіх зовнішніх і внутрішніх факторів, що визначають сучасний стан сільських територій, а також взаємозв'язків між їх структурними елементами);

– *партнерства* (дає змогу досягти єдності інтересів і дій серед основних суб'єктів, зацікавлених у сільському розвитку: органами влади, місцевого самоврядування, підприємцями, населенням);

– *субсидіарності* (передбачає надання послуг першої необхідності безпосередньо у селах; у населених пунктах вищого рангу надаються послуги, яких населення потребує рідше; цей принцип також передбачає забезпечення територіальної доступності соціальних послуг та об'єктів соціальної інфраструктури для всіх груп сільського населення).

Зазначений перелік принципів є узагальненим. На основі кожного з них можна сформулювати кілька тез щодо дій влади у сільській місцевості. Так, принцип партнерства, що широко використовується при проведенні регіональної політики Європейського Союзу, передбачає як підвищення участі населення в ухваленні рішень, пов'язаних із місцевим розвитком, плануванням і забудовою поселень, тобто формування громадянського суспільства, так і активну взаємодію органів місцевого самоврядування і влади, особливо у питаннях фінансування будівництва та введення в експлуатацію об'єктів інфраструктури у сільській місцевості.

Робота з підприємцями має взаємовигідну основу: підприємці отримують вигідні умови ведення бізнесу стосовно оподаткування, оформлення дозвільних документів, владні структури – інвесторів для реалізації інфраструктурних та інших проєктів. Також цей принцип передбачає синхронізацію здійснення основних реформ, що впливають на соціально-економічний розвиток сільських територій, визначення пріоритетів і узгодження дій центральних, місцевих органів виконавчої влади та органів місцевого самоврядування.

Ефективність регулювання розвитку сільських територій залежить від вибору та використання механізмів державного впливу на їх розвиток. Сто-

совно розвитку сільських територій автори виділяють різні групи механізмів: М.О. Барановський – економічні, інституційні, організаційні, фінансові [1, с. 241]; С.В. Киричук – правові, адміністративні, економічні, організаційні, науково-методичні та інформаційно-освітні [9].

Більш доцільно виділяти два основних механізми: адміністративний (організаційний) та економічний (ринковий). Адміністративний включає сукупність методів, важелів та інструментів, що забезпечують безпосередній вплив держави на економічний та соціальний розвиток сільських територій. Це законодавчо закріплені норми і нормативи, стандарти, введення ліцензування, декларування, квотування та інших видів регулювання різних видів діяльності, а також територіально-адміністративний поділ з відповідним розподілом повноважень між основними суб'єктами влади. Окремі автори виділяють інституційний механізм, який на наш погляд, входить до складу адміністративного.

Інструменти економічного механізму – податкова, бюджетна, інвестиційна, кредитна політика – мають на меті запровадження ринкового механізму самоорганізації на основі дотримання балансу попиту і пропозиції. Вільний ринок у жодній країні зараз не функціонує, оскільки він обмежений певним впливом держави на процеси самоорганізації, враховуючи поставлені цілі та завдання національної політики. Відповідні економічні інструменти мають бути законодавчо закріплені та періодично переглядатися залежно від стану вітчизняного та світового ринків, національної грошової одиниці, політичної ситуації тощо. Адміністративний та економічний механізми функціонують не відокремлено, а в межах єдиної нормативно-правової бази, доповнюючи один одного.

На сьогодні значна кількість функцій і завдань щодо розвитку сільської місцевості покладена на органи місцевого самоврядування – сільські ради. Очевидно, необхідно сприяти підвищенню ефективності ринкового механізму у сільській місцевості та посилити вплив держави через органи державної влади на місцях – районні державні адміністрації. На наш погляд, цей механізм має передусім включати такі методи і способи впливу:

1. Збільшення прямого державного фінансування, що реалізується через бюджетні субсидії або дотації. За допомогою державного фінансування держава виконує свою основну функцію – задоволення потреб громадян у суспільних благах. У сільській місцевості це забезпечується через школи, дитячі садки, медичні заклади, підприємства зв'язку, транспортну інфраструктуру, доступ до електропостачання тощо. Ці блага характеризуються такими якостями, як неконкурентність та невичерпність. Держава зобов'язана забезпечити доступ громадян до цих благ, що знизить вартість благ для кожної окремої людини та сприятиме зростанню загального суспільного ефекту.

2. Розробка та виконання системи програмних і прогнозних документів. Прогнози, плани,

програми є необхідною умовою ефективного використання бюджетних коштів та досягнення поставлених цілей. Цей метод впливу ефективний за будь-якої моделі економіки: за планової в її основу були покладені директивні плани різного строку виконання; за ринкових умов – прогнози, програми та індикативні плани. Виконання запланованих заходів – це індикатор керованості економіки та відпрацьованості механізму державного управління. Тому, розробляючи такі документи необхідно передбачити контроль за виконанням та враховувати наявність матеріальних і фінансових ресурсів для реалізації планів, прогнозів, програм [2].

3. Підвищення ефективності функціонування ринкового механізму, що передбачає проведення відповідної цінової, податкової, інвестиційної, кредитної політики. Держава зобов'язана проводити цінову політику щодо цін на суспільні блага. Без державного регулювання ціна на певний вид товарів або послуг може бути вищою порівняно з ціною конкурентного ринку. Наприклад, регулюються ціни на поштовий зв'язок у сільській місцевості, який є економічно невідповідним операторам, але мінімальний перелік послуг якого є суспільним благом. Держава також має регулювати ціни на харчові продукти шляхом обмеження коливань цін з установами їх меж. Щорічно визначається обсяг квот на державні закупівельні ціни на сільськогосподарську продукцію, що має стимулювати сільськогосподарські підприємства до виробництва певних видів продукції. Проте ці ціни мають бути не нижчими за ринкові та гарантувати підприємствам певний рівень рентабельності.

На відміну від об'єктів інфраструктури, виробничі підприємства не можуть розраховувати на пряме державне фінансування, а повинні отримувати підтримку через інвестиційну політику у таких формах: збільшення обсягів інвестицій державних підприємств, введення прискореної амортизації, стимулювання підприємств до реінвестування прибутку через зміни в податковому законодавстві, введення пільг для підприємств, що інвестують у природоохоронні проекти, тощо. Такі пільги мають отримати не лише підприємства аграрного циклу, а й видобувні, переробні підприємства, що працюють у сільській місцевості.

4. Формування ефективного місцевого самоврядування у сільській місцевості. Основа місцевого самоврядування – робота сільських та селищних рад, що має такі цілі: забезпечення реалізації конституційних прав громадян; створення умов для задоволення життєво важливих потреб та законних інтересів населення; розвиток місцевої демократії та громадянського суспільства. Серед функцій і завдань, що загалом стоять перед місцевим самоврядуванням – політичних, економічних, соціальних та екологічних – на локальному рівні віддається перевага соціальним, а саме: задоволенню інтересів і потреб людей у сфері праці, утриманню комунальних закладів дошкільної, середньої та спеціальної освіти, культури, охорони здоров'я; підтримці малозабезпечених верств населення; забезпеченню

населення послугами закладів торгівлі, ресторанного господарства та побутового обслуговування, відпочинку; забезпеченню санітарного благоулуччя населення; підтриманню законності, правопорядку охорони прав, свобод і законних інтересів громадян та ін. Ефективне місцеве самоврядування має формуватись “знизу-вверх”. Йдеться передусім про максимальне залучення населення до участі у розв'язанні поточних проблем та визначенні перспектив на майбутнє, а також про фінансування основних видатків місцевого самоврядування [11].

Особливості державного регулювання розвитку сільських територій полягають у реально існуючій єдності їх основних структурних елементів: економічної бази, соціальної та екологічної сфер. Кожна із загаданих сфер має особливості функціонування: економічна база розвивається за економічними законами та передбачає максимізацію прибутків підприємств; соціальна сфера в умовах ринкової економіки не завжди комплексно розвивається та потребує державної підтримки, насамперед фінансової; екологічна сфера зазнає значного негативного впливу передусім з боку підприємств. Відповідно для кожної із сфер визначено основні функції державного регулювання, які мають бути пов'язані між собою та сприяти виконанню одна одної, що дасть змогу отримати синергетичний ефект при проведенні відповідної державної політики.

Для обґрунтованої характеристики таких складових життєдіяльності населення сільських територій як “якість життя” і “рівень життя” доцільним буде охарактеризувати деякі аспекти понятійно-термінологічного апарату. На наш погляд, вдалий варіант узагальнення термінів, понять, категорій, що зустрічаються в понятійно-концептуальному полі дослідження якості життя, запропоновано О.В. Машковою [15]. У запропоновану понятійно-термінологічну систему включено поняття в таких значеннях:

1. Суспільство розуміється як конкретна історична система, функціонування якої детермінує виникнення і розвиток потреб, їх зміст, певні способи та форми їх задоволення.

2. Ресурси та обмеження є тими чинниками, через які навколишнє природне середовище бере участь у формуванні якості життя, впливаючи перш за все на спосіб життя конкретного суб'єкта.

3. Під суб'єктом мається на увазі конкретна особистість, група, територіальна спільнота, які є носіями певних цінностей та потреб і які, виходячи з наявних інтересів, ціннісних орієнтацій здійснюють вибір “траєкторії” життєвого шляху і формують одну з головних складових якості життя – спосіб життя. Ціннісна орієнтація є життєвою установкою, вона стосується таких сторін життя людини, як її здатність до вибору професії, друзів, місця проживання, її суспільної поведінки тощо. Окрім того, що ціннісні орієнтації мають визначальний вплив на формування потреб і способи їх задоволення (що в кінцевому результаті формує певний спосіб життя), вони зумовлюють і оцінні дії суб'єкта відносно реалій, якості свого життя.

Інакше, об'єктивні складові якості життя (доходи, житлово-комунальні умови тощо) сприймаються по-різному залежно від інтересів і ціннісних орієнтацій суб'єкта.

4. Складне й багатогранне поняття “спосіб життя” включає сукупність конкретних форм життєдіяльності людей у певних об'єктивних умовах (всіх сферах громадського життя, праці, споживання, відтворення людини, керування й суспільно-політичної діяльності тощо). Спосіб життя визначається за допомогою ряду показників, характерних для кожного виду діяльності й враховуючих її цілеспрямованість (мета й зміст діяльності), інтенсивність (активність), орієнтованість (інтереси). Очевидно, що в основі формування певного способу життя лежать потреби, які становлять першопричину інтересів суб'єкта життєдіяльності.

Поняття “спосіб життя” не можна ототожнювати з категорією “якості життя”, адже перше покликане відповісти на питання як влаштоване життя населення, із яких компонентів воно складене і яке місце ці компоненти посідають в житті людини, а “якість життя” є категорією що визначає здатність людини чи територіальної спільноти людей відповідно до сформованого способу життя задовольняти свої потреби та інтереси, і забезпечувати високий рівень здоров'я, відтворення процесів життєдіяльності та стійкий розвиток. Отже, спосіб та якість життя взаємопов'язані причинно-наслідковою залежністю.

5. Рівень життя – це комплекс умов функціонування людини в сфері споживання, що виявляється в масштабі розвитку потреб людей і характері їх задоволення. Системоутворюючою основою при цьому виступають різноманітні людські потреби, що виникають і реалізуються в сфері споживання. Рівень життя визначається також як показник, що характеризує кількість і якість товарів і послуг, які споживають у країні. Тому серед економічних досліджень в галузі демографії, економіки праці, соціальної економіки та політики зустрічаємо саме поняття “рівень життя”, яке визначено як досягнутий на певний проміжок часу в суспільстві рівень задоволення різноманітних потреб населення (не лише фізичних, а й соціальних, інтелектуальних, духовних, політичних), включаючи реальні економічні джерела та соціально-правові гарантії забезпечення якості життя населення [15]. Методологія й методика соціально-економічних досліджень добробуту також склалися й удосконалювалися в результаті тривалого й багатобічного вивчення життєвого рівня родин за допомогою родинних обстежень.

Рівень життя розглядається у зв'язку з діяльністю людини в сфері споживання, що лежить “за межами виробництва”. Соціально-економічне поняття “рівень життя” будується на синтезі й взаємозв'язку двох інших: “потреби” і “споживання” При такому трактуванні характер задоволення потреб людей мислиться не тільки як рівень, але і як спосіб їхнього задоволення. У реальній дійсності рівень життя характеризується системою двох груп показників: один з них – це умови життя

людей (детермінанти рівня життя), інший – показники поведінки людей у сфері споживання. Вони відбивають різноманітні людські потреби, що формують рівень життя (домінанти рівня життя), серед яких можна виділити наступний комплекс безпосередніх людських потреб відповідно до головних сторін поведінки людини в сфері споживання:

- підтримка життєдіяльності організму й захист від зовнішніх впливів природи (їжа, одяг, житло, включаючи предмети побуту й інфраструктуру);

- збереження й відновлення здоров'я;

- відпочинок (сон, розваги, дозвілля);

- родина й продовження роду (догляд за дітьми, навчання, фізичне й моральне виховання);

- пересування (у зв'язку із трудовою діяльністю й пов'язане із задоволенням інших потреб);

- споживання інформації й обмін нею (спілкування з іншими членами суспільства), розвиток і вдосконалення особистості (фізичне, моральне, кваліфікаційне, інтелектуальне, естетичне).

І хоча деякі з дослідників-економістів В.О. Мандибур, І.І. Проніна, С.О. Тридід висловлюють думку, що категорія “рівень життя” є системоутворюючою категорією, яка змістовно є більш широкою, ніж категорії “добробут” та “якість життя” [14; 19; 22], є і такі дослідження, що доводять зворотнє. Зокрема висловлюється думка, що поняття “якості життя” має об'єктивний характер і є результативним стосовно змісту, вкладеному в терміни “рівень” і “спосіб життя”.

6. Добробут населення розглядається як сфера життєдіяльності людей, пов'язана із задоволенням їх матеріальних і духовних потреб на основі суспільного виробництва. Рівень добробуту залежить від розвитку виробництва й одночасно впливає на нього як у цілому, даючи йому імпульс розширення й росту, так і в конкретних виявах, підкоряючи його структуру об'єктивно складним співвідношенням усіх елементів комплексу суспільних потреб. Розуміння добробуту як задоволення суспільним виробництвом взаємозалежних матеріальних і духовних потреб дозволяє конструктивно використати результати його дослідження при рішенні завдань щодо планомірного розширення, розподілу й споживання економічних ресурсів суспільства.

Підсумуємо, що до концепції якості життя вітчизняна наука прийшла через проблематику дослідження категорій “рівень життя” та “спосіб життя”, які були еквівалентами поняття “якості життя” в зарубіжній літературі. У межах радянської науки концепція якості життя не набула розвитку як цілісний напрям досліджень, хоча її фактичні складові зустрічалися в численних наукових роботах з дослідження урбанізації, соціальної інфраструктури, демографічних процесів і розвитку систем розселення, виконаних в межах географії населення, пізніше – географії сфери обслуговування, географії споживання тощо. У довоєнний період в науці СРСР увага зверталася перш за все на виробництво; окремі соціально-, медико-географічні

напрями, які теж розвивалися в цей час, були обмежені об'єктивно, або через ідеологічні причини. Водночас у радянській соціальній географії були дуже вагомими здобутки у повоєнні часи, які можна було б вважати і джерелами опрацювання категорії якості життя населення.

Відзначимо, що незважаючи на постійне зростання інтересу до розробки концепції якості життя населення, активізацію пошуку методичних підходів оцінювання якості життя, досі є певна понятійна неузгодженість (це підкреслюється практично всіма авторами) [14; 19; 22; 18] і ті аспекти проблеми, які залишилися поза увагою дослідників.

У реальній дійсності рівень життя характеризується системою двох груп показників: одна з них – це умови життя людей (детермінанти рівня життя), інша – показники поведінки людей у сфері споживання.

Якість життя населення – це певний ступінь однорідності ознак середовища життєдіяльності і характеристик регіонального соціуму, що дозволяють йому відігравати свою роль в соціально-економічному розвитку країни.

Аналіз наукових праць з якості та рівня життя населення дозволив виявити складові, які найчастіше застосовуються при його оцінці на регіональному рівні: демографічні процеси, здоров'я, сімейний стан, стан на ринку праці, доходи, забезпеченість житлом та його якість, забезпеченість соціальною інфраструктурою, соціальна безпека та якість довкілля.

Висновки та перспективи подальших досліджень. Ураховуючи розкриті вище функції, завдання, принципи та механізми державного регулювання розвитку сільських територій, можна сформулювати поняття “державне регулювання розвитку сільських територій” – як систему суб'єкт-об'єктних відносин, що має на меті створення сприятливих умов для соціального розвитку як основи відродження сільських територій та складається з економічних і адміністративних заходів, яких вживають правомочні державні установи та суспільні організації в межах сільських територій.

Необхідність державного регулювання сільських територій в умовах багатуокладної економіки передбачає використання функціонально-територіальної системи державного управління. Це дасть змогу забезпечити оптимальну взаємодію між органами регіональної влади, органами місцевого самоврядування та держави.

Список літератури

1. Барановський, М.О. (2009). Наукові засади суспільно-географічного вивчення сільських депресивних територій України: монографія. Ніжин: ПП Лисенко ММ.
2. Бойко В.В. (2016). Напрями та засоби розвитку сільських територій в контексті зміцнення соціально-економічної безпеки України. [Електронний ресурс]–Режим доступу: http://lv.niss.gov.ua/public/File/1/Monografia_Boyko.pdf
3. Бородіна, О.М. (2008). Державна

підтримка агросфери: еволюція, проблеми: монографія. ДУ «Ін-т економіки та прогнозування НАН України, 264.

4. Важинський, Ф.А., & Галелюк, М.М. (2013). Ресурсний потенціал сільських територій. Наукові записки Львівського університету бізнесу та права, (10), 284-287.

5. Важинський, Ф.А., & Колодійчук, А.В. (2010). Сутність і значення соціально-економічного розвитку сільських територій. Науковий вісник НЛТУ України, 20(5).

6. Венгерська, Н.С. (2015). Сільський розвиток України в умовах євроінтеграції: проблеми та перспективи; Rural development of Ukraine under european integration process: problems and prospects. Науковий журнал Економічний вісник Національного гірничого університету; Научный журнал Экономический вестник Национального горного университета; Scientific journal Economic Bulletin of the National Mining University.

7. Газуда, Л.М., Ерфан, В.Й., & Газуда, С.М. (2015). Сільський розвиток регіону.

8. Губені, Ю. (2008). Органи самоорганізації населення на селі як інструмент місцевого розвитку. Економіка України, (7), 84-91.

9. Кирилюк С.В. (2007). Особливості функціонування системи бюджетної підтримки аграрного сектора в Україні. Вісник Харк. нац. техн. ун-ту сільського господарства: Економічні науки. Харків: ХНТУСГ, 143-149.

10. Куцмус, Н.М. Тенденції розвитку сільських територій в регіональній політиці ЄС: досвід для України. Економіка: проблеми теорії та практики: зб. наук. пр.–В, 375-383.

11. Лісовий, А.В. (2007). Державне регулювання розвитку сільських територій. К.: Дія.

12. Лісовий, А.В. (2007). Сталий розвиток сільських територій: виникнення, сутність, принципи. Економіка АПК, (4), 140-145.

13. Малік М.Й., Пулім В.А. (2007). Концептуальні засади розвитку сільських територій. Розвиток соціального капіталу та локальних ініціатив у забезпеченні сільського розвитку. Доповіді Міжнародного симпозіуму. Житомир : ДВНЗ ДАЕУ, 156–163.

14. Мандибура, В. (2009). Ідеологічна і об'єктивна складові економічної «теорії людського капіталу». Економічна теорія, (1), 34-49.

15. Машкова, О.В. (2008). Суспільно-географічне дослідження геопросторової неоднорідності умов життєдіяльності сільського населення регіону (Doctoral dissertation, спец 11.00. 02 «економічна та соціальна географія»/Машкова Ольга Вікторівна–О., 2008.–20 с).

16. Орлатий, М.К., Могильний, О.М., Ксенофонтов, М.М., & Татусяк, С.П. (2007). Досвід управління розвитком сільських територій у Польщі. Статистика України, (1), 84-90.

17. Павлов, О.І. (2009). Сільські території як об'єкт впливу консолідованої державної політики. Ефективна економіка, (3).

18. Прокопа, І.В. Перехід до політики сільсь-

кого розвитку як головна передумова подолання занепаду села. ІВ Прокопа [Електронний ресурс]: http://www.nbu.gov.ua/portal/chem_biol/nvnu/2008-124/index.html.

19. Проніна, І.І. (2002). Рівень життя населення України: методи аналізу та напрями підвищення. Автореф. на здобуття наук. ступ. канд. екон. наук.

20. Руденко, Л.Г., & Горленко, І.О. (2010). Проблеми вдосконалення регіональної політики в Україні. Український географічний журнал, (2), 26-31.

21. Стегней, М.І. (2015). Екологічні пріоритети

розвитку сільських територій. Економіка та держава, (1), 17-21.

22. Тридід, С.О. (2006). Оцінка рівня та способу життя населення регіону (Doctoral dissertation, Харківський національний економічний університет).

23. України, З. (1877). Про державну підтримку сільського господарства. [Електронний ресурс]—Режим доступу: <http://www.rada.gov.ua>

24. Юрчишин, В. (2007). Формування і система розбудова новітньої державної аграрної політики. Економіка України, (10), 4-14.

РОЛЬ СИТУАЦИОННОГО ПОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Палахута В.И.

*доктор философских наук, профессор,
Национальная металлургическая академия Украины,
заведующий кафедрой инженерной педагогики, Днепр*

THE ROLE OF SITUATIONAL COGNITION IN MODERN SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Palahuta V.

*Doctor of philosophical sciences, professor,
National Metallurgical academy of Ukraine,
Manager of department of engineering pedagogic, Dnipro*

Аннотация

Рассматривается значение ситуационного знания для современного социально-гуманитарного познания, его историко-философские предпосылки, существующие подходы при его конструировании, процедуры его категоризации, соответствие критериям объективности, истинности и правдоподобности.

Abstract

The importance of situational knowledge for modern socio-humanitarian knowledge, its historical and philosophical prerequisites, existing approaches to its designing, procedures for its categorization, compliance with the criteria of objectivity, truth and believability are considered.

Ключевые слова: ситуационное познание; социальная реальность; позиция наблюдения; имманентный и трансцендентный наблюдатель; дискурсивные практики.

Keywords: situational knowledge; social reality; observation position; immanent and transcendental observe; discursive practices.

Актуальность. Нынешний социальный мир характеризуется постоянным процессом изменения и развития, или, выражаясь словами известного социального мыслителя З. Баумана, находится в состоянии перманентной «текучести» [4].

Для многих социально-гуманитарных наук на протяжении XX и начала XXI столетия сохраняет свою актуальность проблема изучения непрерывно трансформирующейся социальной реальности, включающей огромное множество социальных явлений и процессов, вовлеченных в непрерывное взаимодействие и бесконечные трансформации. Современное социально-гуманитарное познание предполагает множество социальных, социологических и социокультурных теорий и концепций, исследующих всю многогранность и динамику изменений современного социального мира. Результаты нынешнего изучения социальной реальности ориентированы на решение проблемы теоретического синтеза, опирающегося на разнородные теории, а

не на их конфликтное противостояние, как это происходило в недавнем прошлом. Тем самым, социально-гуманитарные теории не столько конкурируют между собой, сколько выступают как корреляты друг друга, исследуя различные, но порой соприкасающиеся и переплетающиеся области социальной реальности.

Поэтому, социально-гуманитарную реальность (человек всегда в ней присутствует), невозможно изучать без введения понятия *уровней социального анализа*, подразделяющих ее на *микро-макро* континуальные уровни и *объективно-субъективные* континуальные уровни, предполагающие динамическое взаимодействие между ними, что, в свою очередь, дифференцирует социальную реальность на множество различных подуровней. Наиболее сложной проблемой при изучении социальной реальности является выбор адекватной социально-гуманитарной парадигмы, учитывающей возникающие междисциплинарные синтезы различных

уровней социального анализа, и где на основе этих синтезов формируются новые междисциплинарные области познания. В XX-XXI веке социально-гуманитарное познание претерпело целый ряд междисциплинарных синтезов в своем развитии. Так, немецкий культуролог Д. Бахманн-Медик изучает семь таких междисциплинарных синтезов или *поворотов* социально-гуманитарных наук. Ученая исследует интерпретативный, перформативный, рефлексивный, постколониальный, переводческий, пространственный и иконический повороты в социально-гуманитарном познании [3]. Они оказали и оказывают существенные влияния на становление новых социально-гуманитарных направлений и стимулируют дальнейшее развитие междисциплинарных предметных областей познания.

Анализируя социально-гуманитарные предпосылки, основные теоретические установки и аналитические процедуры данных поворотов или междисциплинарных синтезов в социально-гуманитарном познании, обращает на себя внимание возрастающая роль *ситуационного познания* как исследовательской методологии и аналитической категории.

Цель настоящей статьи. Показать роль ситуационного познания в социально-гуманитарном знании, исследующего социальную реальность, в которую включен субъект и как наблюдатель, и как участник социальных событий. Проанализировать историко-философские предпосылки данного типа познания и показать, что ситуационное знание является не просто сингулярной, частной точкой зрения, а является объективным знанием, имеющим свои специфические критерии истинности и специфику приобретения, анализа и использования.

Изложение основного материала. И в этом контексте представляет интерес рассмотрение проблемы социальной позиции самого наблюдателя как источника социально-гуманитарного знания. Так, в идеальном виде имеется две социально-теоретических позиции наблюдателя – трансцендентная и имманентная, но только последняя позиция наблюдателя в наибольшей степени позволяет получать ситуационное знание об объективно-субъективной социальной реальности. Можно ее выразить еще точнее, назвав *последовательно имманентной*.

Если обратиться к таким социально-гуманитарным наукам как позитивистская социология, социальная психология, социальная география, демография, то общее, что их сближает, – это сбор, обработка, анализ и оперирование количественными данными, разнообразное манипулирование «статистическими фактами» на основе выдвигаемой гипотезы. Базисной исследовательской процедурой здесь является проведение эмпирических наблюдений и статистическая обработка данных по образцу естественных наук. Полученные опытные данные обобщаются на основе строго определенных категорий и схем исследования, использующих логические законы, и позволяющие оперировать и выстраивать отношения между эмпирическими данными в соответствии с предварительно сформулированной идеей.

В другой ветви социально-гуманитарных наук, к которой относятся социальная антропология и этнология, современная культурология и социолингвистика, новейшие направления социологии и социальной теории, теоретический психоанализ, конструктивизм и социальный конструкционизм, семиология, педагогика переживания, ведущую роль играют качественные методы исследования, ориентированные уже не на трансцендентного или «абсолютного» наблюдателя.

Если обратиться к трансцендентной позиции наблюдения, то здесь наблюдатель занимает положение *над* социальной реальностью или, выражаясь словами М. Бахтина, находится в позиции «внеаходимости». Иначе говоря, во главу угла ставится такой субъект наблюдения, который *всегда* пребывает в месте трансцендентного наблюдателя, получившего название гносеологического или «чистого» субъекта. Подобная позиция трансцендентного наблюдателя, обладающего «взглядом поверх» или «взглядом из ниоткуда», приводит к *гипостазированию* и *реификации* социальной реальности, что только отдаляет исследователя от ее релевантного изучения. В самом деле, складывается парадоксальная ситуация «объективности без субъекта». С одной стороны, знание должно соответствовать изучаемой социальной реальности, но, с другой стороны, содержание и результат знания не зависит от действующего в социальной реальности субъекта, они уже *предопределены* позицией трансцендентального субъекта и его теоретико-методологических построений. Иначе говоря, субъект социально-гуманитарного познания *вроде бы* присутствует в реальном познании, но, вместе с тем, отсутствует, то есть полностью элиминирован из научного исследования по правилам классической естественнонаучной парадигмы познания. На эту парадоксальную ситуацию впервые обратил внимание Э. Дюркгейм, изучавший природу и функции социального факта. Французский ученый предлагал «систематически устранять все предпонятия» из социального анализа, подменяющие исследование социальной реальности «анализом понятий» [7, с. 40]. Но возможно ли это проделать при современном развитии социально-гуманитарного знания?

Нынешнее состояние социально-гуманитарного знания, на наш взгляд, уже невозможно представить без использования процедур гипостазирования и реификации. Ими пронизаны все дискурсивные практики субъекта, в том числе и конструирующее ситуационное познание. Равно как и в изучение социальной реальности, органично встроены эти исследовательские процедуры, которые выполняют универсальные функции. И, как отмечает известный российский специалист в области эпистемологии Л. Микешина, «гипостазирование имеет место всюду, где возникает проблема существования, действительного и недействительного, идеального предмета, где объект познания непосредственно не наблюдаем. Во всех случаях гипостазирование опирается на язык, неотделимо от языка» [13, с. 85]

Поэтому, сейчас в социально-гуманитарной эпистемологии устойчивой исследовательской установкой становится представление о том, что каждое наблюдение всегда есть результат позиции наблюдателя, из которой он и конструирует ситуационное познание, всегда изменчивое, неопределенное и непредсказуемое, и опирающееся на дискурсивные практики. Известный социальный конструкционист Р. Харре так охарактеризовал этот познавательный процесс: «Познающий воздействует на познаваемый объект, вынуждая его открывать познающему свои различные аспекты. \diamond познаваемый объект *предоставляет* свои определённые аспекты человеку, который к нему обращается. Что именно предоставляет объект, зависит от способа взаимодействия между объектом и познающей его личностью» [15, с. 71]. Здесь предоставления со стороны объекта подразумевают не что иное как набор «рабочих» гипотез, используемых познающим субъектом в зависимости от его положения и задач в социально-гуманитарном познании.

Поэтому, перед социально-гуманитарными науками встает вопрос о *ситуационном* познании и изучение возможностей его приобретения, анализа и дальнейшего использования. Если охарактеризовать ситуационное познание, то оно принципиально отличается от мнения некой локализованной социальной группы как носителя узкоспециализированного дискурса. Главной его особенностью является то, что при его приобретении особое внимание уделяется умению дистанцироваться от социально-культурного контекста его конструирования и нивелировать его влияние на исследовательскую деятельность субъекта познания. Безусловно, сделать это крайне сложно, но нивелировать его влияние возможно, о чем мы будем говорить в дальнейшем.

Поэтому, сама идея ситуационного познания предполагает, что различные индивидуальные процессы приобретения знания и оформления его в определенные дискурсивные практики, исходя из занятой наблюдателем позиции, позволяют получать различные его модификации, а не частные мнения. Но самой главной особенностью феномена ситуационного познания является тот факт, что во многих случаях объекты таких исследований сами становятся активными субъектами, которые своей деятельностью радикально изменяют исследовательский процесс и результаты полученного нового знания. И, как заметил по этому поводу Джон Ло, это существенно меняет и формы представления и использования ситуационного знания, для чего «нам придется избавиться от многих своих методологических привычек, в том числе желания определенности, ожидания регулярных и более или менее устойчивых выводов о том, каковы вещи в реальности; убеждения, что, будучи исследователями социального, мы обладаем особой пронизательностью, которая позволяет нам глубже и дальше, чем другим, прозревать некоторые части социальной реальности» [12, с. 29]. Иначе говоря, здесь нам придется забыть, во-первых, об истине в абсолютном

ее измерении, ее просто не существует, и во-вторых, об обладателе этой истины, или о трансцендентном субъекте, его тоже уже не существует при таком исследовательском подходе.

При проведении определенного историко-философского экскурса выясняется, что имманентный социально-теоретический подход в определенном смысле является наследником *перспективизма* лейбнизианской монадологии, основное содержание которого можно передать следующим образом: социальная позиция существования субъекта является «точкой зрения» на социальную реальность «в» самой социальной реальности. Иначе говоря, она есть *место* проведения дискурсивной практики исследования, принадлежащего самому месту, из которого доносится голос исследователя и, как таковая, она специфическим образом выражает его. «Как один и тот же город, – рассуждает Г. Лейбниц, – если смотреть на него с разных сторон, кажется совершенно иным, и как бы *перспективно* умноженным, таким же точно образом вследствие бесконечного множества простых субстанций существует как бы столько же различных универсумов, которые, однако, суть перспективы одного и того же соответственно различным *точкам зрения* каждой монады» [9, с. 422-423].

Исходя из данного положения Г. Лейбница о множественности перспектив наблюдения, можно выделить следующие важные для последующего рассмотрения аспекты: каждое наблюдение осуществляется с *определенной позиции* или с *определенной точки зрения*, а также носит *вероятностный* и *случайный* характер, где «все это *многообразные* скрывает в себе только другие случайности, предшествующие или еще более сложные и многообразные» [9, с. 419]. Но это, если следовать концепции перспективизма Г. Лейбница, ни в коем случае не умаляет его как полученного наблюдателем *объективного* и *истинного* знания. С другой стороны, эта концепция существенно меняет критерии объективности и истинности социально-гуманитарного знания.

В свою очередь, эти аспекты перспективизма открывают новые возможности или горизонты для наблюдателя, который всегда обосновывается *внутри* самой реальности как системы отношений, получившей именование *релятивистской теории пространства*, которая является альтернативой субстанционалистской концепции пространства. Необходимо заметить, что Г. Лейбниц рассматривает перспективизм как неотъемлемый компонент своей теории пространства или места ситуационного познания, в которых только реальные отношения между субъектами способны конституировать пространство как таковое: «Говорят, что пространство не зависит от положения тел. На это я отвечаю, что оно, конечно, не зависит от того или иного положения тел, тем не менее оно является *таким порядком*, который делает возможным само *расположение* тел и в силу которого они в своем существовании друг подле друга обладают *отношением расположения*» [10, с. 455].

Таким образом, уже у Г. Лейбница мы находим истоки происхождения ситуационного познания. Вместе с тем, данная концепция была и остается творением своего времени, ибо предполагает «высшую субстанцию» или Бога [9, с. 419-420]. И в этом смысле Г. Лейбниц, как пишет белорусская исследовательница Ю. Бедаш, занимает «одновременно две позиции – внутримировую (выступая в роли человеческого субъекта, «монады») и надмировую (выступая в роли «монады монад», Бога, для которого мир оказывается объектом), что ведёт к неизбежной *реификации* мира. В абсолютистско-субстанционалистских концепциях происходит реификация самого пространства, отрицающего его как совокупности мест наблюдения, понимаемого только его в качестве субстанции, своего рода контейнера. Напротив, в лейбницевской концепции реифицирующей характеристикой обладает позиция самого наблюдателя. Он трактует пространство реляционно-динамически, и занимает, тем не менее, позицию вне его» [6, с. 98]. Таким образом, релятивистская концепция Г. Лейбница, делая допущение о существовании «внешней Причины», не может в полной мере рассматриваться как *последовательно имманентная* концепция социального пространства как совокупности мест наблюдения только потому, что обладает «рудиментальным» субстанционализмом в виде организующего начала «монады монад».

В данной концепции наблюдение и ситуационное познание играют второстепенную роль, в том числе – и дискурс наблюдателя. Все уже изначально предопределено «высшей субстанцией», обладающей правом на Абсолютную истину. Но, тем не менее, позитивным моментом перспективизма Г. Лейбница является то, что сам подход к рассмотрению социальной реальности подобным образом можно классифицировать как *положительный* релятивизм, что не только допускает, а широко использует идею *относительности* всякой социально-гуманитарной истины. Поэтому, при его экстраполяции на изучение социальной реальности, гораздо уместнее говорить о *реляционности*, а не о *релятивизме*. А такое определение в полной мере соответствует множественности, изменчивости и текучести объективно- субъективной социальной реальности, которая предопределяет изменчивость социальных позиций и положений субъекта, что в корне меняет отношение к статусу и процедурам приобретения и использования ситуационного познания.

И в этом смысле рассматриваемый нами имманентный подход в трактовке ситуационного познания, как важнейшей характеристики позиций субъекта в социальной реальности, берет в качестве основы фундаментальный принцип перспективизма, но уже без трансцендентной идеи Бога. Наиболее рельефно ситуационное познание представлено в творчестве П. Бурдые, в частности, по проблеме исследования социального пространства [5], и представителей его школы – Р. Лемуара, Д. Мерлье, Л. Пэнто, П. Шампана [11].

Ученые этого социологического направления, отказавшись от позиции трансцендентного наблюдателя, полностью придерживаются имманентной позиции наблюдения, широко используя процедуру самообъективации. Смысл этой процедуры заключается в использовании социологических процедур исследования для прояснения смысла собственной деятельности в качестве участника социальной деятельности и рефлексии личностного участия в социальной реальности. В конечном итоге, эта процедура способствует очищению ситуационного познания от ложных привнесений, в том числе, от предпонятий и приведение его в соответствии с критерием объективности.

Говоря о концепции социального пространства П. Бурдые, нельзя не отметить, что в современных вариантах социальной теории, сохраняющих в качестве своей основы позитивистские положения, ученые традиционно придерживаются той точки зрения, что категория социального пространства должна быть жестко привязана к непосредственной территории. Иначе говоря, к месту протекания того или иного социального события или социального факта, в который волею судеб вовлечены субъекты социального взаимодействия. А согласно трансцендентной позиции наблюдателя, местоположение субъектов в социальном пространстве всякий раз берется как *сопутствующая характеристика* данности сообщества, в котором субъекты являются агентами социального действия, как более или менее значимый показатель, но носящий все же, несмотря даже на первоначальную значимость мест или территории, второстепенный характер. Поэтому, согласно подобной точке зрения, в тематике социального пространства, как совокупности мест в силу его самоочевидности и естественности, отсутствует проблематичность. То есть, эта характеристика не значима сама по себе, поэтому, как социальный феномен пространство не принадлежит в числе приоритетно исследуемых и наблюдаемых социальных измерений для субъекта социального взаимодействия, в том числе и получения, и использования ситуационного познания.

Если же использовать позицию имманентного наблюдения, то во всех этих событиях социального взаимодействия пространство или совокупность мест наблюдения субъекта, прежде всего для получения ситуационного познания, играет ключевую роль. Но проблема понимания его значимости заключается в том, что, как правило, «не делается различий, о каком пространстве идет речь – о физическом, геометрическом или социальном. Они накладываются друг на друга, становясь синонимичными, абсолютно тождественными обозначениями» [14, с. 6-30].

Поэтому, при всей внешней убедительности аргументов сторонников позитивизма и других разновидностей субстанционализма, даже и делающих разворот в сторону коммуникации субъектов, трудно отделаться от мысли о неполноте, а порой и дискуссионности их теоретических положений. Как правило, они, апеллируя в качестве высшей инстанции к таким характеристикам субъективности

как человеческая телесность, место пребывания, способность конструировать смыслы, отказывают им в самом существенном – праве на приобретение объективного знания. Подобного рода амбиции наблюдателя или теоретика, претендующего на исключительное право обладать универсальным истиной, Ж. Лакан именовал не иначе, как «субъекта, предположительно знающего». А К. Леви-Строс ставил под сомнение возможность постижения «абсолютной» истины или «чистого» знания наблюдателем или теоретиком в лице антропологов или этнологов. В этой связи он отмечал, что «существуют «туземные модели», которые оказываются лучше моделей профессиональных этнологов» [8, с. 250]. Согласно французскому ученому, антропологам и этнологам крайне сложно освободиться от своих цивилизационных социокультурных установок, формирующих всю сумму предпонятий, только мешающих исследованию чужой культуры и общества. Единственный выход, как и при применении процедуры самообъективации в школе П. Бурдьё, пройти через *саморефлексию* и *самоописание* для приобретения возможностей ситуационного познания. Этот опыт полевой работы трансформирует самого исследователя с помощью отождествления себя с объектами исследования, то есть с совершенно другими представителями рода человеческого, что позволяет воссоздать совершенно другие ментальные и социокультурные структуры и паттерны поведения. Этой «очистительной» процедуре, способствующей приобретению ситуационного познания в позиции имманентного наблюдателя, придерживались не только признанные мэтры антропологии К. Леви-Строс и Б. Малиновский, но и современные социальные антропологи П. Рабинау, Б. Тедлок, М. Шостак, Р. Прайс и другие.

В конечном итоге, позиция имманентного наблюдателя социально-гуманитарной реальности и определяет горизонт возможностей любой современной теории/концепции (область наблюдаемого и утверждаемого ею). А поскольку современные социально-гуманитарные теории сами по себе являются дискурсивными практиками, то они непременно принадлежат изучаемой ею сфере, которые уже невозможно представить без ситуационного познания.

Таким образом, можно утверждать, что социально-гуманитарное знание, исследующее объекты, включающие человека как непременный фактор исследования социальной реальности, если оно хочет быть объективным и достоверным, всегда должно использовать ситуационное познание, то есть всегда быть *внутри*, а не *снаружи*. Это, в свою очередь, и определяет саму *имманентность* социальной реальности как совокупности мест получения и использования ситуационного познания наблюдателем. Тем самым, имманентный способ рассмотрения социальной реальности не допускает двусмысленностей, предъявляя социальную определенность в виде *субъекта-наблюдателя*, находящегося «внутри» самой этой социальной реальности. Более того, горизонт возможностей социально-

гуманитарного знания определяется специфическими маркерами, которые при определенных условиях *поддаются реконструкции и воспроизводству*. Это позволяет определить социальную позицию исследователя, в которой субъект-наблюдатель приобретает и использует ситуационное познание, и, по возможности, максимально нивелировать социокультурный контекст его конструирования, мешающий самой процедуре познания.

Вместе с тем, ситуационное познание характеризуется незавершенностью, «открытостью», неполнотой и возможностью его постоянного дополнения и рекомбинации. Поэтому, оценивая ситуационное познание по критерию объективности, можно говорить о степени его приближения к истинному знанию, то есть о степени его правдоподобности и о процедурах его верификации. Теория «правдоподобного знания» не нова, она была выдвинута еще в 70-80 годах прошлого века советским ученым В. Садовским и вызвала дискуссию автора с К. Поппером, но сейчас в свете утверждения в социально-гуманитарных науках ситуационного познания она приобретает новое значение. Так, философ Л. Микешина определяет правдоподобность как «понятие, значимое для логической проблематики социально-гуманитарного познания, поскольку последнее обладает чертами, делающими логическую формализацию трудновыполнимой, она требует расширения понятия логического вывода и нетривиальных металогических средств» [13, с. 409]. Разработка этих новых неформализованных средств позволило постоянно улучшать выдвинутые теории, делать их более правдоподобными. А при необходимости заменять менее правдоподобные их улучшенными аналогами. И не случайно классик философии науки К. Поппер предложил в социально-гуманитарных науках применять *ситуационную логику*, основной смысл которой сводится к максимальной независимости от психологических и субъективных факторов, при ее использовании такие психологические феномены как желания, мотивы, воспоминания, ассоциации преобразуются в объективные элементы ситуации [16].

Выводы. Можно утверждать, что для социально-гуманитарного знания не существует «чистых» событий, фактов и объектов, которые не включали бы в свое «производство» или конструирование элементы означивания, интерпретации и конвенции. Здесь *снимается* классическая, доставшаяся социально-гуманитарному познанию от естественнонаучной парадигмы знания, оппозиция между субъектом и объектом, замещаясь точкой зрения о *континуальности, контекстуальности и конвенциональности* социально-гуманитарного знания. Таким образом, можно сказать, что социально-гуманитарная реальность не обладает *изначальным* смыслом или «истиной», которую можно обозревать за ее пределами с позиции трансцендентного наблюдателя, ее можно только *произвести* или *сконструировать* в определенной позиции социального взаимодействия. Это ситуационное

познание по своей сущности является конструктивистским. Ситуационное познание можно трактовать как позитивный релятивизм или реляционизм, играющий существенную роль в современном социально-гуманитарном знании. И, как отмечает известный исследователь в области философии науки Э. Аггаци: «Согласно этому взгляду, некоторый данный социальный или культурный контекст характеризуется, в частности, *своими собственными* интеллектуальными категориями, включая концептуальные схемы, а также схемы выводов, модели объяснения, синтетические интерпретации, глобальные мировоззрения и т.д. Поэтому, в любом обществе реальность есть попросту результат конструкции, определяемой вмешательством этих когнитивных факторов; и было бы наивным полагать, что эта реальность есть нечто существующее только в себе» [1, с. 595].

Но если современное социально-гуманитарное знание по своей природе носит контекстуальный и конвенциональный характер, тогда оно должно быть понятно научному гуманитарному сообществу. А это предполагает металогические формы аргументации, специфический язык описания, правила презентации и интерпретации ситуационного познания. И в этом плане по отношению к социально-гуманитарному знанию в целом абсолютно точны характеристики, высказанные Р. Бартом по поводу семиологии. Так, Р. Барт писал: «Я не думаю и не желаю, чтобы семиология была обыкновенной позитивной наукой, и тому есть важнейшая причина: семиологии свойственно задаваться вопросом о своём собственном дискурсе; ведь это наука о языке, о различных языках, и она не может принимать свой собственный язык как простую данность, как нечто прозрачное, как нейтральное орудие – одним словом, как метаязык. Она ставит вопрос о месте, *откуда она говорит*, – вопрос без которого любая наука ничтожна; для семиологии субъект, в том числе и ученый, не бывает экстерриториален по отношению к своему дискурсу» [2, с. 230].

Тем самым, вполне очевидно, что имманентный подход в социально-гуманитарном знании указывает на ещё один радикальный разрыв с позитивизмом и субстанционализмом – на отказ от главенствующей роли *метаязыка* в социально-гуманитарных науках, но эта тема отдельного анализа.

Список литературы

1. Аггаци Э. Научная объективность и ее контексты [Текст] / Э. Аггаци пер. с англ. Д. Лахуты - М., 2017.
2. Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте [Текст] / Р. Барт пер. с фр. С. Зенкина - М., 2002.
3. Бахманн - Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре [Текст] / Д. Бахманн – Медик. пер. с нем. С. Ташкенова – М., 2017.
4. Бауман З. Текучая современность [Текст] / З. Бауман. пер. с англ. под ред. Ю. Асочакова. – СПб., 2008.
5. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики [Текст] / П. Бурдые; пер с фр., отв. ред. перевода Н. Шматко - М., - СПб., 2005.
6. Бедаш Ю. Пространство как проблема пост-метафизической философии [Текст] // Ю. Бедаш. – М., Топос № 1(21), 2009. – с. 94-113.
7. Дюркгейм Э. Метод социологии [Текст] / Э. Дюркгейм Метод социологии // Э. Дюркгейм Социология. Её предмет метод, предназначение. пер. с фр. А. Гофмана. – М., 1995
8. Леви - Строс К. Проблема метода исследований и преподавания антропологии [Текст] / К. Леви - Строс. пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова // К. Леви-Строс Структурная антропология. - М., 1985.
9. Лейбниц Г.В. Монадология [Текст] // Лейбниц Г. В. Сочинения в 4-х т. под общ. ред. В. Соколова. Т.1. - М., 1982., §57., - с.413-429.
10. Лейбниц Г.В. Переписка с Кларком [Текст] // Лейбниц Г. В. Сочинения в в 4-х т. под общ. ред. В. Соколова.Т.1. -М., 1982., с. 430-528.
11. Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии [Текст] / Р. Ленуар, Д. Мерлье, Л. Пэнто, П. Шампань. пер. с фр. А. Бикбова, Д. Баженова, Е. Вознесенской, Г. Чердниченко - М., - СПб., 2001.
12. Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука [Текст] / Д. Ло. пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Ханова. – М., 2015.
13. Микешина Л. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы [Текст] / Л. Микешина. – М., 2016.
14. Филиппов А. Социология пространства [Текст] / А. Филиппов. - СПб., 2008, с. 6-30.
15. Харре Р. Конструкционизм и основания знания [Текст] / Р. Харре пер. с англ. // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. – М., 2009.
16. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики [Текст] / пер. с англ. Д. Лахуты. – М., 2000.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ В КОМПЬЮТЕРНОМ ПЕРЕВОДЕ

Ильина Л.Е.

кандидат педагогических наук, доцент ОГУ (г. Оренбург)

Ромасенко Л.В.

ассистент кафедры иностранных языков ОрГМУ (г. Оренбург)

PROBLEMS OF LEXICAL DIVERSITY IN COMPUTER TRANSLATION

Lyina L.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of OSU (Orenburg)

Romasenko L.

Assistant of the Department of Foreign Languages of State Medical University (Orenburg)

Аннотация

В статье представлены проблемы лексической многозначности в компьютерном переводе, указывается, что в цифровом обществе постоянно увеличивающаяся потребность в эффективном и качественном переводе текстов различной тематики и объемов. В заключении автор отмечает, что отсутствие надежных механизмов распознавания значения слова в системах машинного перевода значительно снижает его качество.

Abstract

The article presents the problems of lexical ambiguity in computer translation, it is pointed out that in a digital society there is an ever-increasing need for effective and high-quality translation of texts of various subjects and volumes. In conclusion, the author notes that the lack of reliable mechanisms for recognizing the meaning of a word in machine translation systems significantly reduces its quality.

Ключевые слова: лексическая многозначность, компьютерный перевод, распознавание значений слов.

Keywords: lexical ambiguity, computer translation, recognition of word meanings.

Возникший как важная составляющая человеческого общения, перевод с одного языка на другой служит как общекультурным, так и вполне практичным целям. В последние десятилетия все чаще требуются переводы текстов специального характера – экономических, юридических, технических, при работе с которыми главная функция перевода – не эстетическая, общекультурная, а информационная и коммуникативная.

Современный период развития общества характеризуется сильным влиянием на него компьютерных технологий, которые проникают во все сферы человеческой деятельности, обеспечивают распространение информационных потоков в обществе, образуя глобальное информационное пространство. Компьютеризация процесса перевода является одной из важных задач в использовании информационных технологий в науке. В настоящее время из-за роста потока информации и необходимости ее передачи в разные страны в короткие сроки, а также из-за невозможности переводчиков охватить весь материал, предлагаемый для перевода, механизированный перевод, появившийся в прошлом столетии, стал приоритетным направлением многих разработчиков. При этом уже созданные программы, осуществляющие машинный перевод, постоянно обновляются, дополняются новыми опциями, что позволяет им оставаться востребованными.

Итак, машинный (он же автоматический, компьютерный, электронный) перевод – действие по

преобразованию текста на одном естественном языке в эквивалентный по содержанию текст на другом естественном языке, а также результат такого действия. Эквивалентность перевода следует рассматривать как максимально возможную точность передачи не только предметно-логического, но и коннотативного значения соотнесенных слов. В плане достижения эквивалентности особую сложность представляет перевод метафоры [1].

Качество перевода зависит от тематики и стиля исходного текста. Машинный перевод художественных текстов практически всегда оказывается неудовлетворительного качества. Тем не менее для технических документов при наличии специализированных машинных словарей и некоторой настройке системы на особенности того или иного типа текстов возможно получение перевода приемлемого качества, который нуждается лишь в небольшой редакторской корректировке. Чем более формализован стиль исходного документа, тем большего качества перевода можно ожидать. Самых лучших результатов при использовании машинного перевода можно достичь для текстов, написанных в техническом (различные описания и руководства) и официально-деловом стиле [2].

Постоянно увеличивающаяся потребность в быстром, а главное, эффективно и качественно осуществленном переводе текстов различной тематики и объемов заставляет современных разработчиков средств осуществления перевода непрерывно со-

здавать и совершенствовать программное обеспечение, связанное с переводом. Можно выделить два основных стимула к развитию работ по машинному переводу в современном мире. Первый – собственно научный; он определяется комплексностью и сложностью компьютерного моделирования перевода. Как вид языковой деятельности перевод затрагивает все уровни языка. Вторым стимулом – социальный, и обусловлен он возрастающей ролью самой практики перевода в современном мире как необходимого условия обеспечения межкультурной коммуникации, объем которой возрастает с каждым годом.

Впервые мысль о возможности автоматического перевода в начале 40-х годов XIX века высказал британский математик Чарльз Бэббидж. В 1933 году изобретатель П.П. Смирнов-Троянский получил в СССР патент на механическую «машину для подбора и печатания слов при переводе с одного языка на другой».

История машинного перевода продолжилась в конце 40-х годов прошлого века. Теоретической основой работ по машинному переводу был взгляд на язык как кодовую систему. Главными разработчиками были математики и инженеры. Описания их первых опытов, связанных с использованием только что появившихся ЭВМ для решения криптографических задач, были опубликованы в США в конце 1940-х годов. Датой рождения машинного перевода как исследовательской области обычно считают март 1947.

Новый подъем исследований в области машинного перевода начался в 1970-х годах и был связан с серьезными достижениями в области компьютерного моделирования интеллектуальной деятельности. Соответствующая область исследований, возникшая несколько позже (1956 г.), получила название искусственного интеллекта, а создание систем машинного перевода было осмыслено в 1970-е годы как одна из частных задач этого нового исследовательского направления.

В начале своего пути программное оснащение компьютера было в основном представлено автоматизированными информационно-поисковыми системами и системами машинного перевода, которые в дальнейшем пополнились автоматизированными системами распознавания и синтеза отдельных слов, а также автоматическими словарями. Именно на раннем этапе развития были разработаны прототипы тех программ, которые сегодня широко используются переводчиками и филологами, исследующими вопросы переводческой эквивалентности.

С начала 1990-х годов на рынок систем машинного перевода выходят отечественные разработчики. В июле 1990 года в Москве была представлена первая в России коммерческая система машинного перевода под названием PROMT (PROgrammer's Machine Translation) [2, с. 74].

Сегодня автоматизированный перевод предполагает следующие формы взаимодействия человека и компьютера:

– частично автоматизированный перевод, предполагающий использование переводчиком-человеком компьютерных словарей;

– системы с разделением труда, при котором компьютер переводит только фразы жестко заданной структуры, а всё, не уложившееся в схему, выполняет человек [4, с. 115].

Одной из трудностей для компьютерных программ является эквивалентный перевод многозначных слов, так как наличие нескольких значений у таких слов в значительной степени усложняет компьютеризированный процесс перевода.

В нашем исследовании, лексическая многозначность понимается как наличие у слова двух или более переводных эквивалентов, т.е. она определяется через перевод на другой язык, который в этом случае выступает как эталонный. Для решения проблемы многозначности слова используется анализ контекста. Дело в том, что каждое из нескольких значений многозначного слова в большинстве случаев реализуются в своем наборе контекстов. То есть у каждого из значений – свой набор контекстов. И именно вот эта зависимость значения от окружения позволяет слушателю понять высказывание правильно [3].

В связи с этим актуальной задачей постредактирования при компьютерном переводе является анализ перевода контекста и выбор лексических единиц с учетом контекстуального значения. Так, например, слово «action» (f) при переводе с французского языка имеет следующие значения в русском языке: «активность», «поступок» в общей лексике, а в юридической – «иск». Или, например, слово «rapport» (m) в общей лексике обозначает «рапорт», «рассказ», «отзыв», в военной лексике означает «построение», «осмотр», а в юридической – «возвращаемое имущество», «взыскание».

Проблема лексической многозначности является главной задачей, решение которой позволит добиться почти идеального машинного перевода. Но сегодня специалисты связывают построение адекватных систем машинного перевода с развитием искусственного интеллекта: машина сможет переводить с одного языка на другой, когда научится думать, как человек. При этом заметим, что в системах машинного перевода отсутствие надежных механизмов распознавания значения слова значительно снижает качество перевода, так как слово не всегда однозначно переводится на другой язык.

Список литературы

1. Ильина Л.Е. Перевод метафоры в практике обучения переводу // URL:<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42532483>
2. Марчук Ю.Н. Модели перевода. М., 2010.
3. Марчук Ю.Н. Теория и практика перевода. М. 2010.
4. Семенов А.Л. Современные информационные технологии и перевод. М., 2008.

SOCIAL SCIENCES

РЕСУРС СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК ФАКТОР ИНОВАЦИЙ В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Сарбей В.Н.

*Новороссийский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
студентка 4 курса направления подготовки
«Финансовый менеджмент»*

Гаража Н.А.

*Новороссийский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
заведующий кафедрой «Информатика,
математика и общегуманитарные науки»
кандидат исторических наук, доцент*

RESOURCE OF SOCIAL NETWORKS AS A FACTOR OF INNOVATIONS IN SCIENTIFIC COMMUNICATION: FOREIGN AND RUSSIAN EXPERIENCE

Sarbey V.

*Novorossiysk Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation
4th year student*

Garazha N.

*Novorossiysk Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Head of the Department of Informatics,
Mathematics and General Humanities,
candidate of Historical Sciences, Associate Professor*

Аннотация

В данной статье рассмотрен зарубежный и российский опыт использования академических социальных сетей как площадки для проведения научных исследований и построения коммуникаций между учеными разных стран. Обосновывается идея о том, что в современном мире наличие эффективной академической интернет-платформы является одним из фундаментальных условий для повышения уровня развития научной сферы каждого государства, так как это способствует улучшению международного сотрудничества между учеными. В работе был проведен анализ зарубежных специализированных социальных сетей, выявлены и описаны их характерные особенности. Были выделены преимущества и недостатки конкретных международных интернет-платформ. Значительное внимание уделено изучению возможностей отечественных интернет-ресурсов. Основное содержание данной работы составляет анализ российской практики создания специализированных социальных сетей, на основе которого были определены отличительные особенности их функционирования. Выявлены основные проблемы в деятельности существующих российских интернет-платформ для ученых. В статье особое внимание уделено проблеме низкого уровня развития отечественных академических интернет-ресурсов. В заключении предложены способы устранения выявленных недостатков функционирования российских специализированных интернет-платформ, а также рассмотрены возможности использования зарубежного опыта в качестве метода улучшения работы специализированных социальных сетей для российских ученых.

Abstract

This article discusses the foreign and Russian experience of using academic social networks as a platform for conducting scientific research and building communications between scientists from different countries. It substantiates the idea that in the modern world the presence of an effective academic Internet platform is one of the fundamental conditions for increasing the level of development of the scientific sphere of each state, as this helps to improve international cooperation between scientists. In the work, an analysis of foreign specialized social networks was carried out, their characteristic features were identified and described. The article also highlights the advantages and disadvantages of specific international Internet platforms. Considerable attention is paid to studying the capabilities of domestic Internet resources. The main content of this work is an analysis of the Russian practice of creating specialized social networks, on the basis of which the distinctive features of their functioning were determined. The main problems in the activities of existing Russian Internet platforms for scientists are identified. This article focuses on the problem of the low level of development of domestic academic Internet resources.

In conclusion, methods for eliminating the identified shortcomings in the functioning of Russian specialized Internet platforms are proposed, and the possibilities of using foreign experience as a method for improving the work of specialized social networks for Russian scientists are considered.

Ключевые слова: академические социальные сети, Интернет, научные исследования, социальные сети, открытая наука.

Keywords: academic social networks, the Internet, scientific research, social networks, open science.

Современные информационные технологии расширяют научно-исследовательское сотрудничество, способствуют объединению учёных из разных точек мира. В настоящее время можно говорить об эре «открытой науки», когда научные деятели из разных городов, стран и континентов имеют возможность свободно и легко обмениваться опубликованными работами, экспериментальными данными, идеями и мнениями. Однако, следует отметить, что ученые в полной мере не используют те возможности, которые предоставляет глобальная сеть Интернет.

С каждым годом профессиональные социальные сети становятся все более актуальными и популярными. Главной их целью является объединение людей на основе их профессиональных интересов. Так как сегментированность социальных сетей, являющаяся их природным качеством, подвижна, без выделения постоянного лидера или единой программы действий, то он-лайн социальные сети могут вмещать самые разные системы ценностей, предоставляя им право на свой кластер без доминирования. Это значит, что даже в рамках одной профессии может быть представленность ряда сетей, при том не дублирующих друг друга и конкурирующих, а отвечающих за разные аспекты жизнедеятельности профессии [6, с. 20]. Таким образом, перспектива заключена в расширении специализаций сетей, соответственно, их количественном росте, при этом возможной утрате некоторыми своей актуальности.

Для научных сотрудников создаются специальные академические интернет-платформы, которые, в первую очередь, предназначены для построения и организации социальных взаимоотношений между учеными. Данные социальные сети позволяют размещать на сайте как опубликованные статьи, так и неопубликованные материалы, а также получить обратную связь в виде рецензий и комментариев. Академические сети можно также использовать в качестве платформы для коммуникации между учеными, что в свою очередь способствует расширению пространства академической деятельности [2, с. 707].

Целенаправленные эмпирические исследования представляют данные о том, что социальные сети исследователей, изобретателей отличаются плотностью и связностью представляемой информации, хорошо налаженным процессом обмена информацией, способствуют улучшению климата доверия между учеными и построению долгосрочных контактов [7].

Наиболее популярными и распространенными зарубежными академическими социальными сетями являются: ResearchGate, Academia.edu,

Mendeley. Данные интернет-платформы различаются по численности пользователей, предоставляемым функциям и возможностям, однако все они направлены на улучшения взаимодействия между научными деятелями разных стран.

Рассмотрим особенности социальной сети ResearchGate, которая была создана в 2008 г. Главная цель этого интернет-ресурса заключается в объединении научных исследователей, создании доступной системы обмена научными знаниями. В настоящее время ResearchGate объединяет свыше 15 млн. пользователей из более 193 стран. Численность российских ученых, пользующихся данным сайтом, достигает отметки в 15 000. Основная аудитория - исследователи из ведущих университетов мира. Например, в группе Гарвардского университета состоит почти 15 000 участников, основная часть которых – профессора и студенты университета. Следует также отметить, что на данной интернет-платформе большинство пользователей занимаются междисциплинарными исследованиями. Так, по состоянию на 2019 г., количество научных деятелей, реализующих себя в данной сфере, составляет 3,8 млн. человек [3]. Второе по распространенности направление исследований – это медицина (2,8 млн. исследователей), а третье – инженерные науки (2,7 млн.). В целом, можно сделать вывод, что основная аудитория социальной сети ResearchGate занимается естественными, а также точными и техническими науками (свыше 16 млн. исследователей). Исследования в сфере гуманитарных наук проводят около 5 млн. пользователей.

Каждый пользователь ResearchGate самостоятельно ведет свой профиль и загружает публикации. К ключевым возможностям данной социальной сети можно отнести: семантический поиск (поиск по аннотации), совместное использование файлов, обмен публикациями, форумы, методологические дискуссии и так далее. При помощи анализа персональной информации пользователей сайта, которую они сами указывают в своем профиле, сайт предлагает вступить в группы по интересам, тематическую литературу, а также завязать общение и сотрудничество с другими учеными. Группы по интересам могут быть как с открытым, так и с ограниченным доступом. Любой пользователь всегда может создать новую группу по тематике, которая его интересует. В подобных группах существует возможность обмена файлами, а также инструменты по планированию встреч и проведению опросов. ResearchGate также содержит доску объявлений со списком международных вакансий для ученых.

Еще одной популярной академической социальной сетью является Academia.edu Она была основана в сентябре 2008 г., на сегодняшний день

данная социальная сеть имеет свыше 80 млн. зарегистрированных пользователей. Academia.edu дает возможность исследователям делиться своими статьями, отслеживать их цитируемость и следить за новостями исследований и разработок по ключевым словам. Отличительная особенность данной интернет-платформы заключается в том, что в ней могут регистрироваться не только студенты и научные сотрудники, но и независимые исследователи [1, с.75]. Главная цель социальной сети состоит в ускорении процесса обмена знаниями между пользователями. Academia.edu дает возможность независимого оценивания научных трудов, которое, в свою очередь, оказывает значительное влияние на качество результатов научной деятельности и помогает ранжировать работы по их действительной полезности. В данной социальной сети существует собственный рейтинг текстов, который учитывает средние оценки пользователей, а также сайт использует алгоритм «умной ленты», то есть до пользователя сети доходят только те новости, которые ему интересны и которые были рекомендованы его друзьями [4]. Academia.edu, как и ResearchGate, нацелена на улучшение взаимодействия между ученым, это выражается в возможности мгновенно связаться с любым пользователем, написав ему личное сообщение. Более того, в разделе Jobs на сайте сети Academia.edu представлен список предложений о работе в университетах по всему миру.

Академическая социальная сеть Mendeley дает возможность пользователям по всему миру бесплатно управлять библиографической информацией, хранить и просматривать научные труды. Сайт был разработан научными сотрудниками вузов в 2007 г., первая версия программы вышла в августе 2008 г. Mendeley позволяет ученым извлекать метаданные из научных публикаций, изучать документы с возможностью текстовых пометок, осуществлять поиск по ключевым словам, названию статьи или имени автора по всей электронной библиотеке, искать дополнительную метаинформацию через Google Scholar, извлекать сноски из раздела ссылок, а также пользоваться возможностями социальной сети с созданием профиля с указанием интересов и прочей личной информации. Главное преимущество использования именно данной социальной сети заключается в возможности хранения своих трудов в структурированном виде и полнотекстовый поиск, вставки комментариев в документах, а также возможность автоматического формирования списка цитируемой литературы.

Специализированная социальная сеть LinkedIn, которую тоже можно отнести к академическим, функционирует с мая 2003 г. На сегодняшний день в ней зарегистрировано свыше 225 миллионов пользователей, представляющих 150 отраслей бизнеса из 200 стран. Данная социальная сеть доступна на 20 языках мира. Почти половина пользователей LinkedIn являются жителями США, и приблизительно 25 миллионов зарегистрированы в Европе. Предназначение данной социальной сети состоит в возможности создавать и поддерживать

список деловых контактов. Список деловых контактов может использоваться в различных целях, главные из которых следующие: расширение деловых связей и сотрудничества, создание и поиск групп по интересам, публикация профессиональных резюме, поиск работы, публикация и поиск вакансий.

Таким образом, проанализировав зарубежные академические социальные сети, можно сделать вывод, что большинство из них направлены на повышение доступности и эффективности взаимодействия и сотрудничества между учеными всех стран. Все вышеперечисленные социальные сети способствуют решению важных проблем, возникающих в современном научном обществе, например, данные сайты способствуют популяризации науки, а также помогают деятельности молодых исследователей. Зарубежные академические социальные сети выступают удобной и доступной платформой для международных и междисциплинарных исследований, требующих совместных усилий. Данные интернет-ресурсы позволяют ученым устанавливать контакты с коллегами, расширять связи, распространять идеи среди единомышленников, что положительно сказывается на практическом применении результатов исследований и улучшению показателей цитируемости.

Тем не менее, исследователи подчеркивают, что во взаимодействии со студентами в рамках образовательной и научно-исследовательской деятельности процесс внедрения академических социальных сетей развивается более замедленными темпами, чем это могло бы быть. Студенты в общей массе предпочитают WhatsApp и Facebook, как ресурсы организации досуга и быстрого обмена информацией о заданиях [2, р. 129]. Исследования, проводимые во Франции и Румынии установили, что мотивированная преподавателями университетов интеграция студентов в академические социальные сети не влияет на их успеваемость, в целом - не имеет перспективы вовлеченности [3].

В настоящее время в Российской Федерации академические социальные сети почти не распространены. Это связано, в первую очередь с тем что в данный момент не существует ни одной российской социальной сети для ученых, которая не уступала бы по качеству и функциональности западным. Также причиной такого положения может служить консервативность взглядов российских ученых: основная часть научных деятелей предпочитает традиционные способы коммуникации, то есть живое общение. К наиболее популярным российским специализированным социальным сетям можно отнести следующие:

1. Научная сеть Sciepeople.ru. Основными возможностями данной социальной сети являются следующие: оповещение коллег об исследованиях, публикация статей или аннотаций со ссылками, налаживание связей с другими исследователями в той или иной сфере. В настоящее время в ней зарегистрированы более 50 тысяч пользователей, функционируют свыше 9 тысяч тематических групп для

дискуссий в различных научных областях, размещено около 100 тыс. публикаций. Все тематические группы на сайте разделены на три типа: дискуссионные, исследовательские и официальные. В наиболее популярных дискуссионных группах обсуждаются различные вопросы, связанные с основной деятельностью научных сотрудников. Например, группа «Аспиранты» посвящена обсуждению вопросов аспирантуры, написания диссертации и организационных вопросов с ними связанных, в ней состоят около 1200 участников. Существуют также аналогичные по смыслу группы: «Научные конференции», «Гранты», «Электронные библиотеки» и т.д. В целом, можно сделать вывод, что данная социальная сеть является скорее источником информации для начинающих ученых, нежели интернет-платформой для коммуникаций и сотрудничества между российскими учеными.

2. Социальная сеть «Учёные России». Данная социальная сеть основана как проект РАЕ. В ней зарегистрировано свыше 18000 человек. К главным функциям сайта относятся: поиск коллег, установление контактов с ними, организация встреч и онлайн конференций, публикации научных статей и их обсуждение, написание рецензий и комментариев, ведение блогов, размещение и поиск вакансий, размещение и поиск информации о научных конференциях, изданиях, грантах, аспирантурах, докторантурах и другой нужной для каждого ученого информации. Так, данная социальная сеть была создана, в первую очередь, для общения ученых и обмена информацией. Однако, активность на данном ресурсе увеличивается лишь в период проведения так называемых «Студенческих научных форумов», в рамках которых студенты и молодые ученые выкладывают на сайт свои научные работы, просматривают работы других авторов, комментируют и задают им вопросы в режиме онлайн. Авторы 3 работ (по каждой секции), получивших наибольшее количество положительных конструктивных отзывов и вопросов на форуме, награждаются дипломами РАЕ. В остальное время активность на сайте падает почти до нулевого уровня, а «блог-лента» данного ресурса превращается скорее в доску объявлений, причем зачастую некорректных. Так, в данном разделе нередко размещается реклама интернет-казино и даже предложения о покупке диплома.

3. Социальная научная сеть science-community.org. Основное предназначение данной социальной сети – развитие общения и сотрудничества ученых стран пост-советского пространства. Сайт объединяет более 40 000 ученых со всего мира, среди которых: 2 264 докторов наук, 12 052 кандидатов наук, 8 588 аспирантов, 5 165 магистров, 7 641 студентов. Зарегистрированные пользователи имеют возможность находить коллег и единомышленников, обмениваться комментариями, участвовать в обсуждении и вебинарах, размещать записи в персональных блогах, публиковать препринты статей и интервью, получать информацию о грантах, искать финансирование, узнавать о

конференциях, вакансиях. Из всех вышеперечисленных социальных сетей, science-community.org является наиболее удачной, на сайте часто обновляется информация о конференциях, стажировках и других научных мероприятиях.

Более того, личные блоги организованы в соответствии с концептуальной идеей автора, каждая отдельная запись представляет собой отдельную мысль или действие блоггера, выраженные в тексте, который характеризуется логичностью и целостностью [5, с. 118-143]. Блог, как и в целом социальная сеть выполняют важнейшую прагматическую ценность - возможность дистанционного взаимодействия коммуникантов, которое отличается простотой и массовостью включения любого пользователя Интернета.

Таким образом, можно сделать вывод, что научные социальные сети в России мало распространены и используются, как правило, в целях формирования пользователей о проведении различных научных мероприятий, а также для получения информации, полезной для начинающих ученых.

Одна из проблем внедрения концепции «открытой науки» в Российской Федерации заключается в том, что с каждым годом в России ограничивается доступ все к большему количеству крупных международных сайтов. Так, в 2016 году социальная сеть LinkedIn была внесена в реестр нарушителей прав субъектов персональных данных. LinkedIn, работающая в большинстве стран мира, была признана нарушившей закон «О персональных данных», который с 1 сентября 2015 года обязывает хранить персональные данные россиян на территории России. На момент ограничения доступа в данной сети было зарегистрировано около 5 млн. аккаунтов из России. Закон «О персональных данных» также нарушается другими крупными социальными сетями «Фейсбук» и «Твиттер» и вполне вероятно, что в ближайшем будущем данные ресурсы тоже будут заблокированы на территории РФ, что также окажет влияние на российское научное сообщество, ведь участие ученых России в международных исследованиях и сотрудничество с учеными и научно-исследовательскими коллективами разных стран будет осложнено.

Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации существует необходимость создания эффективной академической социальной сети. Это нужно, в первую очередь, для развития и популяризации науки среди российского населения. Следует отметить, что в 2017 г. на II Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых по проблемам практической реализации разработок по приоритетным направлениям развития науки и технологий первый замминистра Минобрнауки Валентина Переверзева в своем выступлении заявила, что к концу 2019 г. в России будет создана национальная платформа для ученых, с помощью которой научные деятели смогут общаться, публиковать свои работы, получить доступ к международным базам данных, а также найти работу. Такая платформа действительно была создана и начала свою работу осенью 2019 г.,

она получила название «Science-ID». В данный момент социальной сетью пользуются 10 000 человек. Во вкладке «Пользователи» можно найти информацию о конкретных исследователях, использующих данный ресурс. Например, можно узнать информацию о должности, количестве публикаций, сфере научных интересов, а также опыте работы пользователя. На сайте есть раздел «Мероприятия», в котором размещена информация о научных конкурсах, конференциях, семинарах, форумах, проводимых в разных городах России. Следует отметить, что все мероприятия можно фильтровать по месту и дате проведения, области науки и проблематике. Также на данном интернет-ресурсе имеются вкладки «Вакансии», «Новости» и «Научные группы»¹. В целом, возможности и функционал Science-ID² ничем не отличается от аналогичных социальных сетей. Необходимо учитывать, что данная академическая социальная сеть является молодой и нуждается в доработке. Так, по данным самого ресурса, в 2020 г. планируется особое внимание уделить интеграции с внешними системами, развитию научных групп, мероприятий и вакансий. Также в планы разработчиков Science-ID входит создание ряда уникальных сервисов, которые будут направлены на популяризацию науки и стратегии научно-технологического развития РФ.

Список литературы

1. Гаража Н.А. Экспорт образовательных услуг в структуре экономики знаний (на примере Лаборатории по борьбе с бедностью Массачусетского технологического института) / Н.А. Гаража, В.Н. Сарбей // Вестник Академии знаний. 2018. № 4 (27). С. 83-87.
2. Гасилин А.В. Academia.edu: маркетинг социальных сетей как «новый органон» открытой науки / А.В. Гасилин // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. - № 1. - 2018. – С. 73-91.
3. Душина С.А. Социальные академические интернет-сети как репрезентация «открытой науки» / С.А. Душина, В.А. Куприянов, Т.Ю. Хватова // Социология науки и технологий. - № 3. - 2018. – С. 80-98.
4. Паринов С.И. Технологии социальных сетей в организации научного взаимодействия / С.И. Паринов // Вестник российской академии наук. - № 8. -2016. – С. 706-710.
5. Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): Дисс. на соиск. ученой степени канд. филолог. н. / И.Г. Сидорова. - Волгоград, 2014 – 249 с.
6. Филь М.С. Социальные сети. Новые технологии управления миром / М.С. Филь. – М.: Синергия, 2016. – 83 с.
7. Forti E., Franzonic C., Sobrero M. Bridges or isolates? Investigating the social networks of academic inventors // Research Policy. - 2013. - № 42. - Pp. 1378– 1388.
8. Ortego Antón M.T., Elena García J., Nistal P.F. Linguistic behaviour in social networking sites used as academic and educative communication tool // Procedia - Social and Behavioral Sciences. - 2015. - № 212. - Pp. 123 – 130.
9. Pavalache-Ilie M., Rioux L. The appropriation of the academic environment and the social network as academic success factors – a trans-cultural study // Procedia - Social and Behavioral Sciences. - 2014. - № 127. - Pp. 494 – 498.

¹ Социальная сеть science-community.org. [Электронный ресурс]: Социальная научная сеть Scientific Social Community – Режим доступа: <https://www.science-community.org/ru> – Дата обращения: 02.11.2019 г.

² Science-ID [Электронный ресурс]: Science-ID – объединяя российских ученых – Режим доступа: <https://scienceid.net/> – Дата обращения: 02.11.2019 г.

No 48 (2020)

P.4

The scientific heritage

(Budapest, Hungary)

The journal is registered and published in Hungary.

The journal publishes scientific studies, reports and reports about achievements in different scientific fields. Journal is published in English, Hungarian, Polish, Russian, Ukrainian, German and French.

Articles are accepted each month. Frequency: 12 issues per year.

Format - A4

ISSN 9215 — 0365

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal

Edition of journal does not carry responsibility for the materials published in a journal. Sending the article to the editorial the author confirms it's uniqueness and takes full responsibility for possible consequences for breaking copyright laws

Chief editor: Biro Krisztian

Managing editor: Khavash Bernat

- Gridchina Olga - Ph.D., Head of the Department of Industrial Management and Logistics (Moscow, Russian Federation)
- Singula Aleksandra - Professor, Department of Organization and Management at the University of Zagreb (Zagreb, Croatia)
- Bogdanov Dmitrij - Ph.D., candidate of pedagogical sciences, managing the laboratory (Kiev, Ukraine)
- Chukurov Valeriy - Doctor of Biological Sciences, Head of the Department of Biochemistry of the Faculty of Physics, Mathematics and Natural Sciences (Minsk, Republic of Belarus)
- Torok Dezso - Doctor of Chemistry, professor, Head of the Department of Organic Chemistry (Budapest, Hungary)
- Filipiak Pawel - doctor of political sciences, pro-rector on a management by a property complex and to the public relations (Gdansk, Poland)
- Flater Karl - Doctor of legal sciences, managing the department of theory and history of the state and legal (Koln, Germany)
- Yakushev Vasilij - Candidate of engineering sciences, associate professor of department of higher mathematics (Moscow, Russian Federation)
- Bence Orban - Doctor of sociological sciences, professor of department of philosophy of religion and religious studies (Miskolc, Hungary)
- Feld Ella - Doctor of historical sciences, managing the department of historical informatics, scientific leader of Center of economic history historical faculty (Dresden, Germany)
- Owczarek Zbigniew - Doctor of philological sciences (Warsaw, Poland)
- Shashkov Oleg - Candidate of economic sciences, associate professor of department (St. Petersburg, Russian Federation)

«The scientific heritage»

Editorial board address: Budapest, Kossuth Lajos utca 84,1204

E-mail: public@tsh-journal.com

Web: www.tsh-journal.com